

ЧУДОВИЩЕ ВО МРАКЕ

***Зарубежный
детектив***

ЧУДОВИЩЕ ВО МРАКЕ

ЯПОНСКИЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ПОВЕСТИ

Перевод с японского

МОСКВА
1990

ББК 84.5Я

Ч 84

Предисловие

В. ЦВЕТОВА

Иллюстрации

М. ДОРОХОВА

Оформление художника

Ю. БОЯРСКОГО

Ч $\frac{4703020100-461}{028(01)-90}$ без объявл.

ISBN 5-280-02367-1

© Редько-Добровольская Т. И.
Перевод. «Прогресс», 1979 г.

© Свиридов Г. Г. Перевод.
1990 г.

© Цветов В. Я. Предисловие.
1990 г.

© Дорохов М. А. Оформление.
1990 г.

© Боярский Ю. А. Оформление.
1990 г.

Вследствие особенностей исторического развития Япония задержалась на старте гонки за экономическое, политическое и военное лидерство и вынуждена была вприпрыжку догонять европейских и американских соперников. Это случилось во второй половине XIX столетия. Япония резво вышла на дистанцию, чему в немалой степени помогло умение перенимать у конкурентов все, что казалось ей полезным. Парламентская система и покров фраков, паровые двигатели и бейсбол, всеобщее обязательное образование и «мэрикэн ко», то есть «американский порошок», так называли в Японии пшеничную муку,— все это было заимствовано японцами за границей и перенесено в свою жизнь.

В конце XIX века японцы приобщились к математике Лейбница, музыке Баха, живописи Рафаэля и литературе Шекспира. Подобно тому, как мелкочейстая сеть выбирает из моря наряду с крупной и мелкую рыбу, так и Япония тащила из-за рубежа все, что захватывал невод, и старательно утилизировала добычу. Вместе с Гете, Диккенсом, Достоевским, Бальзаком на книжных полках японцев появились тогда иностранные детективные романы. Это были книги Эдгара По, Эмиля Габорио и Артура Конан Дойла.

В отличие от научных школ и направлений, быстро обретавших в Японии усердных последователей, освоение дотоле непривычного литературного жанра — детективного — заняло у японцев значительное время: более двух десятков лет. Японцы не остались, однако, копиистами, хотя и умелыми. Не посягая на устоявшиеся законы жанра, лучшие авторы сумели создать своеобразные произведения, в которых заимствованная первооснова угадывалась лишь после самого пристального анализа. И первым среди таких авторов стал Эдогава Рампо (1894—1965). (Настоящее его имя Хираи Таро, а Эдогава Рампо псевдоним, образованный от японского произношения Эдгара Аллена По.) Его повесть «Чудовище во мраке», увидевшую свет в 1928 году, вы прочтете в сборнике.

С самого своего зарождения мировой детективный роман был рассказом об охоте на человека, даже если роль сыщика или следователя отводилась лицу, не имевшему отношения к полиции. Эдогава Рампо как раз описывает такую охоту. Но она разительно отличается от той, что привычна для канонических детективных произведений. Охота ведется на несуществующего человека, хотя читатель до последнего момента повести пребывает в абсолютной уверенности, что охотник идет по верному следу.

В европейских и американских детективах герои действовали методично и последовательно в направлении раскрытия преступления или таинственного происшествия. Героиня повести «Чудовище во мраке» формально поступает в полном соответствии с этим заданным правилом, однако на деле все ее усилия преследуют прямо противоположную цель: сбить с дороги, ведущей к прояснению ситуации, в которой совершено преступление. Это — особенность творческого подхода Эдогавы Рампо к урокам родоначальников детективной литературы.

Самая, пожалуй, распространенная фабула детективного произведения, успешно эксплуатируемая до сих пор, — «загадка запертой комнаты». Убийство в помещении без окон, с запертыми изнутри дверями, причем ключ торчит в замочной скважине. Станные события, происходящие в комнате, куда не в силах проникнуть ничто живое. Эдогава Рампо, конечно же, воспользовался обязательным для детективного произведения сюжетным ходом, но не преминул и ему придать своеобразие.

У Эдгара По, у Артура Конан Дойла «загадка запертой комнаты» решается путем поиска возможности проникнуть в комнату, поскольку подобная возможность не выглядит на первый взгляд несбыточной. Эдогава Рампо не предлагает читателю поразмыслить, каким образом злоумышленник пробирается в «запертую комнату». Но чем больше писатель подбрасывает догадок, тем все менее осуществимыми кажутся эти способы, пока читатель не приходит к выводу о присутствии каких-то сверхъестественных сил. Для японского читателя вывод совершенно закономерен. Традиционные японские привидения, всякого рода бесы не имеют ног и легко перемещаются в пространстве и во времени, так что отсутствие окон и дверей, толстые стены не могут служить для них препятствием.

И наконец, развязка повести «Чудовище во мраке». Эдогава Рампо расставляет, разумеется, действующих лиц по местам, исходя из сути событий, дает, казалось бы, единст-

венно возможное толкование фактам. Но прежде чем поставить точку, писатель вдруг окидывает логическое построение придиричливо критическим оком, и последняя фраза повести: «Мучительные сомнения с каждым днем все неотступнее преследуют меня», представляется читателю собственным итогом расследования, а не вышедшим из-под пера Эдогавы Рампо.

Сэйтё Мацумото, прославившегося такими вещами, как «Флаг в тумане», «Маленькая гостиница» и «Происшествие в Никко», мы знали до сих пор как автора остросюжетных политических романов. Старания подтолкнуть Японию к возрождению милитаризма, антидемократические происки японской реакции, коррупция в правящей либерально-демократической партии и в правительстве — обычные темы произведений Сэйтё Мацумото. Достаточно вспомнить, к примеру, его роман «Поблекший мундир», вышедший на русском языке в 1987 году.

Случилось так, что «Поблекший мундир» я прочел в середине семидесятых годов в разгар шумного «локхидовского скандала». Я был в полной уверенности, что Сэйтё Мацумото беллетризировал газетные отчеты из зала суда, где разбиралось дело бывшего премьер-министра, министров и их заместителей, президентов и вице-президентов крупнейших японских компаний, а также связанных с организованной преступностью закулисных политических воротил, которые получали взятки у американского авиастроительного концерна «Локхид» за то, что помогали сбывать его продукцию на японском рынке. Каково же было мое удивление, когда из выходных данных я узнал: роман «Поблекший мундир» впервые напечатан в 1967 году. Дар предвидения писателя объясняется просто: он досконально знает политический быт Японии и до мельчайших подробностей изучил нравы японских политиков.

Теперь вы познакомитесь с иной стороной творчества Сэйтё Мацумото. Роман «Флаг в тумане» — попытка проникнуть с помощью детективной атрибутики в психологию зла, гнездящуюся в человеческом сознании. В романе нетрудно уловить фрейдистские нотки, но все же главное, чего добивался писатель, достигнуто. Еще раз высвечена истина: «Злое семя злой приносит всход». Необходимо добавить также блестящее мастерство закрутить интригу. Оно позволило писателю избежать ходульности, подстерегающей каждого, кто берется за тематику общечеловеческих заповедей.

Но не только этим интересен роман. В нем нет положительных героев. Они действительно редко встречаются в

среде, описываемой Сэйтё Мацумото. Даже главный персонаж — девушка Кирико Янагида, вызывающая поначалу жалость и симпатию, — на поверку оказывается омерзительнее, чем заведомо отрицательные герои, потому что она наказала зло подлыми средствами. А ведь еще древние предупреждали: «Способы борьбы со злом могут быть хуже, чем само зло». Умозрительного в построении сюжета повести очень мало. На сей раз Сэйтё Мацумото препарировал духовный мир японских буржуа с той же тщательностью, с какой до сих пор делал это в отношении японской политической жизни, и с присущей ему глубиной отразил объективную реальность: преступный акт социально обусловлен.

Свыше шестидесяти лет назад в Америке, которая всегда шла впереди по валовому производству детективной литературы, были сочинены правила создания детективных произведений. Среди них значились, скажем, такие установления:

преступник должен быть выявлен исключительно логическими умозаключениями;

поиск и обнаружение преступника следует осуществлять только реалистическими средствами;

читатель и расследователь преступления или происшествия должны обладать одинаковыми возможностями для решения поставленной писателем задачи;

в детективном произведении непременно нужен герой, собирающий улики, чтобы установить преступника;

в детективном произведении обязательно должен быть труп;

в детективном произведении может быть лишь один преступник;

мотив преступления всегда должен быть чисто личным.

Я привел этот перечень, с тем чтобы показать: повести, включенные в сборник, объединяет общая черта: они написаны в полном соответствии с правилами. Технология на самом деле может быть схожей. Наполняется она по-разному — в зависимости от таланта творца.

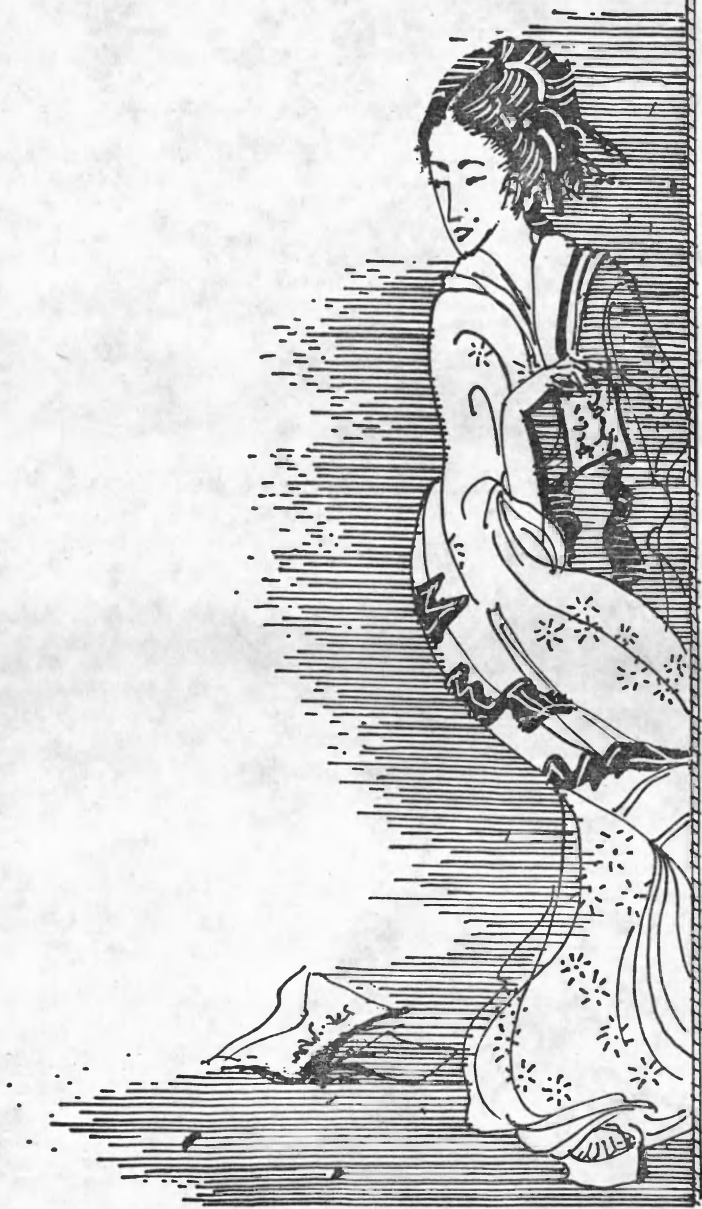
Представленные в сборнике писатели конструируют совершенно необычные и в то же время абсолютно реалистические ситуации, в которых происходит обнаружение преступников. Иногда у меня возникает мысль, что Сэйтё Мацумото сначала штудировал научные труды, к примеру, по криминалистике, почвоведению или энтомологии, а потом придумывает, как изловить преступника при помощи логических умозаключений, подсказанных самими что ни на есть реалистическими естественными науками. Ситуации ошеломляют, с одной стороны, неожиданностью, а с другой — подчас простотой.

Мир детективной литературы многообразен и широк. Сборник, который вы собрались прочесть, дает представление о необозримости границ этого мира. Они простираются от повести Эдогавы Рампо, классика остросюжетного жанра, до произведения Сэйтё Мацумото, отдав дань дедуктивному, если так можно выразиться, литературному течению.

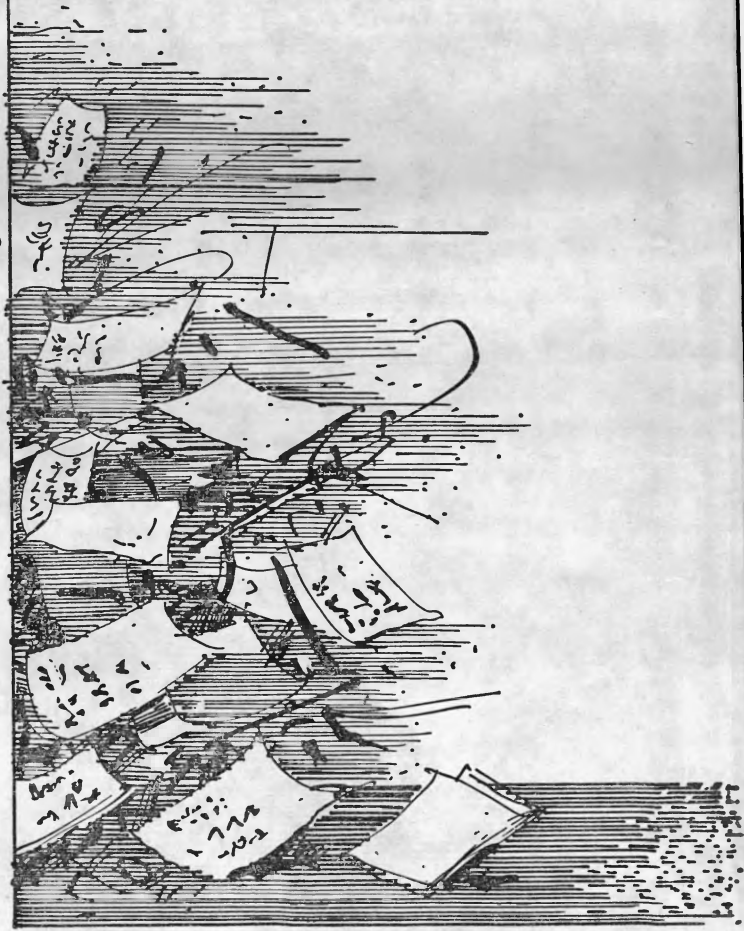
Знакомство с творчеством этих писателей, без сомнения, расширяет знание мировой детективной литературы.

В. Цветов

ЭДОГАВА РАМПО

Чудовище во мраке

Время от времени я размышляю вот о чем.

Мне кажется, что сочинители детективных романов делятся на две категории. Входящих в первую категорию можно условно обозначить «типом преступника» — их интересует лишь преступление, преступление как таковое, и, даже взявшись за произведение, основу которого составляет логика расследования, они не успокоятся, покуда не выразят своего понимания бесчеловечной психологии преступника. Входящих же во вторую категорию можно условно именовать «типом детектива» — они испытывают интерес лишь к рассудочным методам раскрытия преступления, что же до психологии преступника, то она практически не становится предметом их внимания.

Так вот, писатель Сюдэй Оэ, о котором пойдет рассказ в этой повести, скорее всего, относится к первой категории, я же, пожалуй, принадлежу ко второй. Это означает, таким образом, что меня занимает исключительно научная методика раскрытия преступлений, хотя, описывая их, я, конечно, должен каждое преступление знать досконально. Однако из этого вовсе не следует, что у меня самого могут в чем-то проявляться преступные наклонности. Более того, не часто можно встретить столь нравственного человека, как я. И то, что я, добродушный и добродетельный человек, невольно оказался вовлеченным в жуткую историю, выглядит совершеннейшей нелепицей. Будь я хоть чуточку менее склонен к добродетели, будь я мало-мальски подвержен влиянию порока, мне, наверное, не пришлось бы впоследствии так горько раскаиваться, не пришлось бы до сих пор терзаться мучительными сомнениями. Более того, вполне могло стать, что сейчас я наслаждался бы безбедной, обеспеченной жизнью с красавицей женой.

С той поры как закончилась эта страшная история, много времени утекло, и, хотя мои тягостные сомнения до сих пор не развеялись, реальность тех дней отодвинулась в далекое прошлое, перейдя в область воспоминаний. И вот я решил изложить минувшие

события в виде хроники, полагая, что созданная на ее основе книга может оказаться весьма интересной. Однако, доведя свои записи до конца, я все не могу отважиться издать их. Почему? Да потому, что события, связанные с таинственной смертью г-на Коямады, которые составляют важную часть моих записок, до сих пор живы в памяти людей, и поэтому, даже прибегнув к вымышленным именам и видоизменив обстановку тех дней, я не могу быть до конца уверен, что моя повесть будет воспринята всего лишь как художественный вымысел.

Вполне вероятно, что найдутся люди, которых моя книга лишит покоя. Сознание этого смущает и тяготит меня. Более того, если сказать правду, я боюсь. И дело не только в том, что события, положенные в основу повествования, были страшнее и непонятнее самых безумных фантазий. Гораздо хуже, что мои догадки, возникшие в связи с описываемыми событиями, еще и теперь вселяют в меня ужас.

Когда я задумываюсь над тем, что произошло, голубое небо у меня над головой затягивается свинцовыми тучами, в ушах раздается барабанная дробь, в глазах темнеет и весь мир начинает казаться мне призрачным и таинственным.

Вот почему у меня пока не хватает духа опубликовать свои записки, но я не оставляю надежды когда-нибудь создать на их основе детективную повесть. Так что эта моя книжица, если можно так выразиться, не более как наброски той будущей повести, нечто вроде подробных замет на память. Я взял старый блокнот, в котором были исписаны лишь первые несколько листов, соответствующие новогодним дням, и принялся за свое писание в виде, быть может, несколько растянутых каждодневных записей.

Для начала следовало бы, забегая вперед, подробно рассказать о главном действующем лице разыгравшейся драмы, писателе Сюдзэ Оэ, — о том, что он за человек, о его произведениях, наконец, о странном образе его жизни. Но дело в том, что до того происшествия, о котором пойдет речь, я не только не был знаком с ним лично, но почти не имел представления и о его жизни, хотя, разумеется, знал о нем по его книгам и даже вступал с ним в полемику на страницах журналов. Подробнее я узнал о нем лишь много позже от своего приятеля Хонды. Поэтому все, что касается

Сюндэя, лучше изложить в том месте, где я буду рассказывать о своих беседах с этим Хондой. Мне кажется, будет более логичным, если я, следуя хронологии событий, начну свои записи с самого начала, с того момента, когда я оказался вовлеченным в эту жуткую историю.

Началось все это осенью прошлого года, приблизительно в середине октября.

В тот день мне захотелось посмотреть старинные буддийские скульптуры и я отправился в Императорский музей в Уэно. Я бродил по огромным полутемным залам музея, стараясь ступать неслышно — в этом безлюдном пространстве каждый, даже негромкий звук отзывался пугающим эхом, так что не только шум собственных шагов, но и чуть слышное покашливание могло кого угодно напугать. В музее не было ни души, и тут в пору задаться вопросом: почему нынче музеи не привлекают внимания посетителей? Большие стекла витрин холодно поблескивали, на полу, покрытом линолеумом, не было ни пылинки. Во всем здании, своими высокими сводами походившем на буддийский храм, царило безмолвие, какое, вероятно, царит на дне морском.

Остановившись перед одной из витрин, я долго, словно зачарованный, рассматривал прекрасное, с налетом чувственности, старинное деревянное изваяние бодисатвы. Вдруг у меня за спиной послышались приглушенные шаги и едва уловимый шелест шелка — ко мне кто-то приближался.

Невольно вздрогнув, я стал наблюдать за подходившей ко мне фигурой, вглядываясь в ее отражение в стекле витрины. То была женщина в шелковом узорчатом авасэ, с высокой прической в виде большого овального узла. На короткий миг ее отражение в стекле совпало с изображением бодисатвы. Незнакомка остановилась рядом со мной, видимо, ее заинтересовала та же скульптура, что так пленила меня. Неловко признаться, но я, делая вид, будто целиком польщен скульптурой, не мог удержаться от того, чтобы несколько раз тайком не взглянуть на стоящую рядом женщину, настолько она сразу завладела моим вниманием.

Лицо у нее было нежно-белое — такой отрадной близны мне никогда прежде не доводилось видеть. Если на свете существуют русалки, у них наверняка должна

быть такая же ослепительно белая кожа, какая была у этой женщины. Все в ней: изгиб бровей, очертания носа и рта на чуть удлинённом, как это бывает на старинных гравюрах, лице, линии шеи и плеч — все дышало удивительной хрупкостью и изяществом. Пользуясь образным выражением старых писателей, можно сказать, что весь ее облик был настолько воздушен, что казалось: дотронься до нее — и она исчезнет. По сей день я не в силах позабыть ее мечтательного взгляда из-под длинных ресниц.

Кто из нас первым нарушил молчание, я теперь уже не помню, но, по всей вероятности, то был я. Мы обменялись несколькими словами о выставленных в музее скульптурах, и это нас сразу сблизило. Мы вместе обошли музей и вышли на улицу. Я проводил ее до перекрестка, где улица Яманоути переходит в Яманоситу, и на протяжении всего этого неблизкого пути мы говорили о самых разных вещах.

Чем дольше мы беседовали, тем сильнее я ощущал ее очарование. Когда она улыбалась, на ее лице появлялось застенчиво-утонченное выражение, которое вызывало во мне то совершенно особое чувство, какое я испытывал, глядя на старинное изображение какой-нибудь святой или на Мону Лизу с ее таинственной улыбкой. Верхние боковые зубы женщины, так называемые клыки, были крупнее передних, и, когда она улыбалась, верхняя губа приподнималась над ними, образуя причудливо изогнутую линию. На белоснежной коже ее правой щеки выделялась большая родинка, которая от улыбки чуть приметно смещалась, как бы повинувшись этой изогнутой линии, что придавало лицу женщины удивительно нежное и милое выражение.

И все-таки, не заметь я на затылке этой женщины какой-то странный след, она так и осталась бы для меня просто изящной, обаятельной, утонченной красавицей, к которой достаточно прикоснуться, чтобы она исчезла, но никогда не возымела бы надо мною такой притягательной силы.

След этот был искусно, хотя, возможно, и без умысла прикрыт воротом одежды, и все же, идя с женщиной по улице, я неожиданно его заметил. Это была красная полоса, идущая от затылка и, надо думать, по спине. Ее можно было с равным основанием принять и за родимое пятно, и за след от недавно сошедшего струпа. Этот знак, казалось, сотканный из тончайших

красных нитей на гладкой белоснежной коже ее изящно вылепленного затылка, наводил на мысль о жестокости, но при этом, как ни странно, выглядел весьма эротично. Как только я его увидел, к красоте женщины, которая до сих пор казалась мне бесплотной, точно сновидение, сразу добавилось острое ощущение реальности, и эта красота неудержимо влекла меня к себе.

Из разговора с женщиной я узнал, что зовут ее Сидзуко Коямада и что она замужем за коммерсантом по имени Рокуро Коямада, компаньоном одной из солидных торговых фирм. К своему большому удовольствию, я выяснил, что Сидзуко принадлежит к числу поклонников детективного жанра и что мои произведения нравятся ей более других (как только я это услышал, сердце мое радостно забилося). Разговор о литературе невольно сблизил нас, и в этом не было ничего противоестественного. Когда наступило время расставаться, я не испытал особого сожаления: благодаря счастливому совпадению наших интересов мы условились впредь время от времени обмениваться письмами.

Меня подкупил превосходный вкус этой женщины, которая, несмотря на свою молодость, любила проводить время в безлюдных музеях, и, кроме того, мне весьма импонировало, что из всей массы публиковавшихся детективных произведений она особенно ценила мои сочинения, которые пользовались репутацией сухих и рассудочных. Короче говоря, я совершенно пленился этой женщиной и стал частенько посылать ей ничего не значащие письма, она же отвечала мне на них любезными, по-женски учтивыми посланиями. О, каким счастьем было для меня, привыкшего к одиночеству холостяка, обрести друга в лице этой очаровательной женщины!

2

Наш обмен письмами с Сидзуко Коямада продолжался несколько месяцев. Не могу отрицать, что со временем я не без смятения заметил, что в моих письмах появился некий затаенный смысл, да и в письмах Сидзуко (или мне только так казалось?), при всей их учтивой сдержанности, нет-нет да и прорывалась особая теплота, к которой никоим образом не обязывало случайное знакомство. Стыдно признаться, но с помощью всевоз-

можных уловок я попытался выведать кое-что о супруге Сидзуко, г-не Рокуро Коямаде, и узнал, что он много старше Сидзуко, совершенно лыс и от этого выглядит чуть ли не стариком.

В феврале этого года в письмах Сидзуко появилась какая-то странная нотка. Чувствовалось, что она чем-то серьезно встревожена.

«Нынче произошло событие, ужасно напугавшее меня, и всю ночь я не сомкнула глаз»,— писала она в одном из своих писем, и сквозь эту немудреную фразу я словно наяву увидел трепещущую от страха Сидзуко.

В другом ее письме говорилось: «Не знакомы ли Вы, мой друг, с писателем Сюдзэем Оэ, который, как и Вы, пишет детективные романы? Если Вам известно, где он живет, сообщите мне, пожалуйста».

Разумеется, я хорошо знал Сюдзэя Оэ по его произведениям, однако лично с ним знаком не был. Дело в том, что он слыл ужасным мизантропом и никогда не появлялся даже на писательских встречах. Кроме того, ходили слухи, что в середине прошлого года он вдруг бросил писать и переехал на другую квартиру, не сообщив никому своего нового адреса. Об этом я и известил Сидзуко, но, когда до меня дошло, что ее страхи так или иначе связаны с личностью Оэ, мной овладело смутное беспокойство, о причинах которого я расскажу позднее.

Вскоре от Сидзуко пришла открытка: «Мне нужно с Вами поговорить. Можно ли прийти к Вам?» Я смутно догадывался о содержании предстоящего разговора, но, конечно, и представить себе не мог, что дело обстоит столь серьезно, и потому радовался, как глупец, возможности вновь увидеть Сидзуко, легкомысленно предаваясь всяким фантазиям.

Получив мой ответ: «Жду Вас», Сидзуко тотчас же явилась ко мне. Я вышел встретить ее в переднюю. Сидзуко была настолько удручена и подавлена, что я готов был впасть в отчаяние, а содержание нашего разговора оказалось столь необычным, что мои сумасбродные грезы сразу развеялись.

— Я не в силах справиться с тревогой и поэтому решила побеспокоить вас,— начала Сидзуко.— Мне показалось, что вам можно довериться... Боюсь только, что говорить по этому щекотливому делу с вами, человеком, которого я знаю так мало, не вполне удобно...— Сказав это, Сидзуко улыбнулась своею обычной улыбкой,

обнажившей ее зубы и сдвинувшей с места родинку на щеке, и украдкой взглянула на меня.

Было холодно, и я придвинул к письменному столу продолговатую печурку-хибати в ящике из красного дерева. Чинно усевшись напротив меня, она положила пальцы на край ящика. Эти пальцы словно воплощали всю сокровенную суть этой женщины — гибкие, тонкие, изящные, они тем не менее не казались чрезмерно худыми, а их первородная белизна не производила болезненного впечатления. При всей их грации, сжатые в кулак, эти пальцы таили в себе некую упругую силу. Впрочем, не только пальцы — все тело этой женщины казалось таким.

Задумчивость Сидзуко заставила меня посерьезнеть, и я произнес в ответ:

— Готов помочь вам всем, что в моих силах.

— Это действительно ужасная история,— сказала Сидзуко, как бы предваряя этим заявлением свой рассказ. Затем она поведала мне о весьма странных событиях, перемежая повествование воспоминаниями о собственной жизни начиная с детских лет.

Рассказанное Сидзуко вкратце сводилось к тому, что родилась она в Сидзуоке, и годы ее юности, вплоть до окончания местной гимназии, были вполне счастливыми.

Единственным событием, омрачившим безмятежное счастье тех лет, была встреча с неким молодым человеком по имени Итиро Хирата, который, воспользовавшись неопытностью девушки, склонил ее к любовной связи. В то время ей было восемнадцать лет. Несчастливым это событие было потому, что Сидзуко лишь играла в любовь, повинаясь мимолетному капризу своего сердца, но не испытывала к Хирате по-настоящему глубокого чувства. Между тем чувство Хираты было вполне серьезным.

Вскоре девушка стала избегать Хирату, который докучал ей своими преследованиями, что же до юноши, то его привязанность к Сидзуко все росла. И вот по ночам Сидзуко стала замечать какую-то фигуру, которая бродила вокруг дома, а вскоре на ее имя начали приходить письма с угрозами. У восемнадцатилетней девушки были все основания опасаться возмездия за свое легкомыслие. Вид не на шутку встревоженной дочери взволновал и родителей Сидзуко.

Как раз в то самое время ее семью постигло несчастье, которое обернулось счастьем для самой Сидзу-

ко. Из-за резкого колебания цен на рынке ее отец не смог расплатиться с долгами и был вынужден свернуть торговлю. Спасаясь от кредиторов, он нашел себе прибежище у одного своего приятеля в городке Хиконэ.

Столь неожиданный поворот событий заставил Сидзуко бросить учение незадолго до окончания школы, однако, с другой стороны, благодаря перемене места жительства она избавилась от преследований злопамятного Хираты и смогла наконец вздохнуть свободно.

Из-за свалившихся на него бед отец Сидзуко стал болеть и вскоре скончался. Оставшись вдвоем с матерью, Сидзуко влачила жалкое существование. Однако это продолжалось недолго: в скором времени к ней посватался г-н Коямада, коммерсант, уроженец тех мест, где жили в полном уединении мать и дочь. То был перст судьбы.

Как-то увидев Сидзуко, Коямада был очарован ею и вскоре попросил ее руки. Сидзуко не отвергла его, хотя он был старше ее лет на десять. Девушку привлекала и его солидная внешность, и хорошие манеры. Предложение г-на Коямады было с готовностью принято, и вскоре Сидзуко с матерью поселилась в его токийском особняке.

С тех пор минуло семь лет. Никаких из ряда вон выходящих событий за это время в их семье не произошло, если не считать, что через три года после свадьбы Сидзуко скончалась ее мать, а еще через некоторое время г-н Коямада отправился по делам фирмы на два года за границу (по словам Сидзуко, вернулся он в конце позапрошлого года, а она все время, пока он отсутствовал, чтобы скрасить свое одиночество, брала уроки чайной церемонии, музыки и аранжировки цветов). Супруги хорошо ладили между собой и все эти годы были счастливы.

Г-н Коямада оказался весьма предприимчивым дельцом и за прошедшие семь лет сумел заметно приумножить свое состояние. Положение его в деловом мире было как никогда прочным.

— Стыдно признаться, но, выходя замуж за Коямаду, я утаила от него все, что касалось Хираты. — От стыда и затаенной печали Сидзуко потупила взор. В ее глазах под длинными ресницами блеснули слезы. Тихим голосом она продолжала: — Услышав как-то фамилию Хираты, муж что-то заподозрил, я же на все его расспросы отвечала, что никакого другого мужчины, кроме него, не знала. Одним словом, я скрыла от него правду, и скрываю ее по сей день. Чем больше Коямада подозревает меня,

тем искуснее мне приходится ему лгать. Человек не ве-
дает, где подстерегает его несчастье. Страшно подумать,
но тайна, скрытая мной семь лет назад, причем без вся-
кого злого умысла, приняла столь ужасное обличье
и заставляет меня так страдать сегодня. Я совер-
шенно забыла о существовании Хираты. Настолько за-
была, что, неожиданно получив от него письмо и взгля-
нув на имя отправителя, не сразу вспомнила, кто он
такой.

С этими словами Сидзуко протянула мне несколько
писем Хираты. Эти письма были отданы мне на хранение
и по сей день находятся у меня. Приведу первое из них,
поскольку его содержание как нельзя лучше вписывается
в мой рассказ.

Женщине, отринувшей мою любовь.

*Сидзуко-сан¹, наконец-то я отыскал тебя. Ты,
конечно, меня не заметила, но я, случайно встретив
тебя, пошел следом за тобой и узнал, где ты жи-
вешь. Узнал и твою теперешнюю фамилию —
Коямада.*

*Надеюсь, ты не забыла Итиро Хирату, того
самого человека, который стал тебе столь нена-
вистен?*

*Тебе, бессердечная, не понять, как я страдал,
когда ты меня отвергла. Сколько раз среди ночи
бродил я вокруг твоего дома, не в силах унять ду-
шевную муку. Но чем сильнее становилась моя
страсть, тем больше ты охладевала ко мне. Избе-
гала меня, боялась меня и в конце концов меня
возненавидела.*

*Можешь ли ты понять страдальца, которого
ненавидит любимый им человек? Нет нужды объ-
яснять, что со временем мои страдания перешли в
обиду, обида переросла в ненависть, а ненависть,
окрепнув, породила во мне желание мстить.*

*Когда ты, воспользовавшись благоприятно для
тебя сложившимися семейными обстоятельствами,
скрылась от меня, точно беглянка, без единого
слова прощания, я в течение нескольких дней не вы-
ходил из своей комнаты, не притрагивался к еде.
Тогда-то я и поклялся тебе отомстить.*

¹ С а н — господин, госпожа (яп.). Форма вежливого обращения.

Но я не знал, где тебя искать. Скрываясь от кредиторов, твой отец никому не сказал, куда вы переезжаете. Я не знал, когда мне доведется тебя встретить. Но я точно знал, что впереди у меня целая жизнь, и был уверен, что когда-нибудь в этой жизни тебя встречу.

Я был беден. Мне приходилось самому добывать себе средства к существованию. И по этой причине я долго не мог начать поиски. Прошел год, потом два, дни летели со скоростью выпущенных из лука стрел, и все время я был вынужден бороться с нуждой. Уставая от этой постоянной борьбы, я, сам того не желая, забывал о нанесенной мне обиде. Все мои помыслы были направлены на то, чтобы заработать себе на пропитание.

Но вот года три назад мне неожиданно повезло. На пределе отчаяния от неудач, которые я терпел во всем, за что ни брался, я попробовал ради развлечения написать повесть. На этом поприще мне улыбнулась удача, и я занялся литературным трудом.

Ты, как прежде, наверное, много читаешь, и я полагаю, тебе известно имя автора детективных рассказов Сюдзэ Оэ. Правда, вот уже год, как он ничего не пишет, но его имя, должно быть, еще не забыто. Так вот, Сюдзэй Оэ — это я.

Быть может, ты думаешь, что в погоне за дешевой славой писателя я забыл о своей обиде. О нет! Свою первую жестокую повесть я смог написать только потому, что сердце мое было исполнено ненависти. Если бы мои читатели хотя бы на миг представили себе, что подозрительность, одержимость злом и жестокость, пронизывающие эту повесть, суть не что иное, как порождение не покидающей меня жажды мести, они содрогнулись бы от ужаса.

Сидзуко-сан, как только я обрел материальное благополучие и уверенность в завтрашнем дне, я принялся — в той мере, в какой мне это позволяли средства и время, — разыскивать тебя. Разумеется, я делал это не потому, что питал бессмысленную надежду вернуть себе твою любовь. У меня уже есть жена, с которой я связал себя формально, для того лишь, чтобы избавиться от житейских хлопот. Однако для меня возлюбленная и жена от-

нюдь не одно и то же. Женившись, я не забыл обиды на презревшую меня возлюбленную.

И вот, Сидзуко-сан, я нашел тебя.

Меня бьет радостная дрожь. Пришло время исполнить желание, которое я лелеял долгие годы. Все это время я перебирал в уме различные способы мести, испытывая при этом радость, подобную той, какая охватывала меня, когда я находил острые сюжеты для своих произведений. И вот наконец я придумал такой способ мщения, который не только причинит тебе невыносимое страдание, но и повергнет тебя в неопиcуемый ужас. Представь себе, какой восторг я испытываю от одной мысли об этом! Даже если ты решишь обратиться в полицию, тебе не удастся помешать осуществлению моего плана. Я предусмотрел все.

Около года назад газеты и журналы сообщили о моем исчезновении. Оно не имело никакого отношения к плану мщения. Причина моего бегства — склонность к мизантропии и пристрастие к таинственности. Однако теперь это обстоятельство играет мне на руку. Я укроюсь от людей еще более тщательно и затем не спеша приступлю к осуществлению своего плана.

Конечно же, тебе не терпится узнать, в чем состоит мой план. Сейчас я не могу раскрыть его тебе полностью. Ведь наилучший результат будет достигнут тогда, когда ужас охватит тебя внезапно.

Впрочем, если ты настаиваешь, я слегка приподниму завесу тайны над некоторыми деталями. Хочешь, я перечислю до мельчайших подробностей все, что ты делала у себя дома четыре дня назад, вечером тридцать первого января?

С 17 до 19.30 ты читала книгу, сидя за маленьким столиком в комнате, которая в вашем доме отведена под спальню. Книга, которую ты читала, была сборником рассказов Рюро Хироцу под названием «Странные глаза». Прочла ты лишь первый рассказ.

В 19.30 ты велела прислуге приготовить чай и до 19.40 выпила три чашки чая и съела две вафли с начинкой от «Фугэцу».

В 19.40 ты пошла в уборную и спустя пять минут вернулась к себе. До 21.00 ты занималась вязаньем и о чем-то думала.

В 21.10 пришел твой муж. С 21.30 до начала одиннадцатого вы беседовали с мужем, попивая вино. Муж налил тебе полбокала. Поднеся вино к губам, ты заметила в бокале кусочек пробки и извлекла его оттуда пальцами. Сразу после трапезы ты приказала прислуге постелить постели.

До 23.00 вы с мужем не спали. Когда ты улеглась в свою постель, ваши стенные часы (кстати сказать, они отстают) пробили ровно одиннадцать.

Не охватывает ли тебя ужас при чтении этих записей, точных как железнодорожное расписание?

Мститель

Ночь под 3-е февраля.

— Я и прежде знала писателя Сюдзэ Оэ,— пояснила Сидзуко,— но мне и в голову не приходило, что это псевдоним Итиро Хираты.

По правде говоря, и среди нас, писателей, вряд ли кто знал подлинное имя Сюдзэ Оэ. И я, наверное, никогда ничего не узнал бы о нем, если бы не мой приятель Хонда, который часто навещался ко мне и время от времени рассказывал кое-что о Сюдзэ. Вот ведь до чего можно сторониться людей и презирать общество!

Помимо процитированного мною письма, Сидзуко получила от Хираты еще три. Они мало чем отличались друг от друга (хотя всякий раз были почему-то отправлены из разных мест): в каждом из них после отчаянных проклятий и угроз следовало детальное изложение всех событий того или иного вечера в жизни Сидзуко с точным указанием времени. Особенно это касалось секретов ее спальни — все самые тайные, самые интимные подробности в поведении Сидзуко представляли в нарочито обнаженном виде. С хладнокровным бесстыдством описывал Хирата все телодвижения, упоминал о произносимых словах, при чтении его писем к лицу невольно прилиwała краска стыда.

Нетрудно было представить себе, какого смущения, какой боли стоило Сидзуко показать эти письма постороннему человеку. Следовательно, только крайние обстоятельства заставили ее превозмочь себя и рискнуть обратиться ко мне за советом. С одной стороны, ее появление в моем доме доказывало, что Сидзуко больше всего на свете боится, как бы ее мужу не стала извест-

на тайна ее прошлого, а именно — что она лишилась девственности еще до замужества. С другой стороны, я усматривал в этом по-настоящему глубокое доверие ко мне.

— У меня нет родных, если не считать родственников со стороны мужа,— продолжала Сидзуко.— Да и среди знакомых нет человека достаточно близкого, чтобы я могла ему довериться. Извините меня за бесцеремонное обращение к вам, просто я решила, что лишь у вас я найду сочувствие, лишь вы сможете подсказать, как мне поступить в сложившейся ситуации.— От одного сознания, что эта прекрасная женщина видит во мне опору, сердце у меня радостно забилося.

Разумеется, Сидзуко имела все основания обратиться за советом именно ко мне. Во-первых, я, как и Сюдэй Оэ, занимаюсь сочинительством детективных произведений; кроме того, насколько можно судить по моим книгам, я отличаюсь ярко выраженной способностью к логическому мышлению. И все-таки, если бы она не питала ко мне столь безграничного доверия и благосклонности, она вряд ли избрала бы меня своим советчиком.

Понятное дело, я обещал Сидзуко сделать все возможное, чтобы помочь ей. Что касается детальной осведомленности Сюдэя Оэ о жизни Сидзуко, мне не оставалось ничего, кроме как предположить, что либо он подкупил кого-нибудь из прислуги Коямады, либо сам проник в их дом и из какого-нибудь укромного места наблюдал за Сидзуко. Судя по его письмам, Сюдэй был способен на любую подлость, на любое безрассудство.

Я спросил Сидзуко, что она думает по этому поводу, и немало удивился, когда она сказала, что мои предположения беспочвенны. По ее словам, вся прислуга живет в их доме с незапамятных времен и искренне им предана. К тому же ворота их дома всегда закрыты на замок, так как муж Сидзуко — человек осмотрительный. Но если бы, паче чаяния, кто-нибудь и сумел пробраться в дом, он не смог бы проникнуть в их спальню, которая находится в глубине дома, не попавшись при этом на глаза прислуге.

И все-таки, по правде говоря, я тогда недооценил возможностей Сюдэя Оэ. Ну что может сделать этот человек, ведь он всего-навсего писатель? — думал я. Мне казалось, что самое большее, на что он способен,—

это запугивать Сидзуко письмами, ведь сочинительство — его конек. Оставалось, правда, загадкой, каким образом ему удавалось добывать мельчайшие подробности о жизни Сидзуко, но и это я легкомысленно отнес на счет его проницательности: по-видимому, он просто-напросто расспросил кого-то из окружения Сидзуко и таким образом без особого труда добыл нужные ему сведения. С помощью этих доводов я попытался успокоить Сидзуко, твердо пообещав ей, ибо это было выгодно и мне самому, разыскать Сюндэя Оэ и по возможности уговорить его прекратить эту глупую игру. На том мы с Сидзуко и расстались.

Во время нашего разговора я не столько акцентировал внимание на угрожающих письмах Сюндэя, сколько пытался в самых ласковых выражениях, на какие был способен, успокоить Сидзуко. Наверное, потому что последнее мне было делать куда приятнее.

Прощаясь с Сидзуко, я сказал:

— Думаю, что вам не следует рассказывать об этом супругу. Обстоятельства не настолько серьезны, чтобы вынудить вас пожертвовать вашей тайной.— Глупец, я стремился растянуть удовольствие от посвященности в тайну, которая была скрыта даже от ее мужа.

Однако я всерьез решил сдержать данное Сидзуко обещание и разыскать Сюндэя. Я и прежде испытывал неприязнь к этому человеку, который во всех отношениях был диаметральной противоположностью мне. Писатель, гордящийся своей популярностью у таких же ущербных, как и он сам, читателей, которых развлекают хитросплетенные сюжеты, замешанные на интригах ревнивой, подозрительной и погрязшей в пороках женщины, невольно вызывал во мне раздражение. Я даже подумывал, что, если мне удастся разоблачить коварные происки Сюндэя, я смогу представить его перед всеми в весьма невыгодном свете. Однако тогда мне и в голову не приходило, что поиски Сюндэя Оэ окажутся столь трудным делом.

3

Сюндэй Оэ, как это явствовало из его писем, сменил множество разных профессий и четыре года назад неожиданно для себя самого сделался писателем.

Его первое произведение вышло в свет тогда, когда в Японии еще практически не существовало детективной литературы, и, как первое в своем роде, было восторженно встречено читающей публикой. Оэ сразу же стал любимцем читателей.

Нельзя сказать, чтобы он был особенно плодовитым писателем, и все же время от времени на страницах газет и журналов появлялись его новые произведения. То были сплошь зловещие, леденящие душу сочинения. Каждое из них, казалось, было пропитано кровью, коварством и пороком настолько, что всякий раз мороз пробирал по коже. Однако, как это ни парадоксально, его произведения таили в себе некую притягательную силу, и популярность Оэ не меркла.

Что касается меня, то я обратился к детективному жанру почти одновременно с ним, оставив ради этого занятие детской литературой. По причине крайней немногочисленности детективных произведений мое имя тоже не осталось незамеченным в литературных кругах. Оказавшись собратями по перу, мы с Оэ тем не менее настолько отличались друг от друга в своих произведениях, что нас можно было назвать антиподами. Он писал в мрачной, болезненной и навязчивой манере, а моим произведениям была свойственна ясность, и они всегда основывались на здравом смысле.

Таким образом, мы с Оэ сразу же оказались в положении соперников. Случалось и такое, что мы публично на страницах журналов бранили друг друга. Вернее сказать, к моей досаде, чаще всего в положении атакующей стороны оказывался я, что же до Сюдзэя, то он, хотя время от времени и парировал мои нападки, по большей части не снисходил до споров со мной, предпочитая отмалчиваться. И продолжал публиковать одно за другим свои исполненные жути произведения.

По правде говоря, браня книги Оэ, я не мог не ощущать на себе их гнетущей силы. Казалось, что автор одержим какой-то своеобразной страстью, которая была подобна, если можно так выразиться, тлеющему огню, не способному разгореться ярким пламенем. Но для читателя, возможно, именно в этом и таилась их непонятная притягательная сила. И если предположить, что эту силу питает, как утверждает в письмах Сюдзэй, неугасимая ненависть к Сидзуко, то все становится до некоторой степени понятным и объяснимым.

Признаюсь, что всякий раз, когда книги Сюдзэ получали восторженную оценку, я испытывал жгучую ревность. Во мне даже возникала ребяческая враждебность к нему, и в глубине души я вынашивал желание во что бы то ни стало превзойти соперника.

Однако около года тому назад он вдруг перестал писать и куда-то пропал, словно в воду канул. И это отнюдь не было следствием падения его популярности. Истинная причина его внезапного исчезновения мне неизвестна, только исчез он без следа, к вящей растерянности сотрудников газет и журналов, которые имели с ним дело. Даже я, при всей нелюбви к этому человеку, испытывал некое чувство утраты. Быть может, это покажется нелепостью, но мне явно неоставало любимого врага.

И вот Сидзуко Коямада принесла мне первую, причем поразительную, весть о Сюдзэ Оэ. Признаться, в глубине души я обрадовался возможности вновь оказаться лицом к лицу со своим давним противником, правда, теперь уже при весьма необычных обстоятельствах.

Впрочем, вполне можно было предположить, что на сей раз Сюдзэй решил перейти к воплощению в жизнь своих сумасбродных затей, и в этом не было ничего удивительного. Наверное, это было даже логично.

Как выразился один из знавших Оэ людей, он был, что называется, «преступником в душе». Им двигало желание нести людям смерть, его обуревали те же страсти, что владеют убийцей, с той лишь разницей, что свои кровавые преступления он до сих пор совершал только на бумаге.

Читатели его произведений наверняка помнят особую зловещую атмосферу, присущую его книгам. Помнят, что его романы насквозь проникнуты какой-то ненормальной подозрительностью, таинственностью и жестокостью. В одном из своих произведений он сделал следующее леденящее душу признание: «И вот наступило время, когда он не мог более довольствоваться одним лишь сочинительством. Смертельно устав от господствующих в этом мире скуки и банальности, он прежде находил удовольствие в том, что запечатлевал свои причудливые фантазии на бумаге. Это, собственно, и побудило его взяться за перо. Но вскоре и сочинительство ему наскучило. Что же теперь сулит ему острые ощущения? Преступление, только преступление. Единственное, чего он еще не успел изведать, была манящая сладость преступления».

Повседневная жизнь Оэ изобиловала странностями и чудачествами. В среде писателей и журналистов он был

известен своей болезненной мизантропией и склонностью к таинственности. Редко кому удавалось бывать у него. Как правило, дверь его дома захлопывалась перед любым посетителем, какое бы высокое положение тот ни занимал. Кроме того, он часто менял место жительства и, ссылаясь на дурное самочувствие, никогда не показывался в писательских собраниях.

Если верить слухам, он день и ночь проводил в постели, даже ел и работал лежа. Днем он плотно прикрывал ставни и, включив пятисвечовую лампочку, копошился в полумраке комнаты, перелагая на бумагу свои дикие фантазии.

Когда я узнал, что Оэ перестал писать и куда-то исчез, я подумал, уж не перешел ли он к претворению в жизнь своих сумасбродных замыслов, найдя себе пристанище где-нибудь в глухих трущобах Асакусы, которые не раз описывались в его произведениях. И вот не прошло и полугода, как он и в самом деле обнаружил себя как раз в роли человека, готового к осуществлению своих зловещих планов.

Я решил, что смогу скорее отыскать Сюдзэ Оэ, если прибегну к помощи литературных сотрудников газет или агентов по сбору рукописей для журналов, которые непосредственно связаны с печатающимися в них авторами. Однако, как я уже упоминал, Оэ был человеком со странностями и редко допускал к себе посетителей, поэтому после наведения самых общих справок о нем в редакциях журналов я понял, что необходимо найти человека, который был бы с ним близко знаком. По счастливой случайности как раз такой человек отыскился среди литераторов, с которыми я поддерживал дружеские отношения.

Речь идет об агенте по сбору рукописей для издательства «Хакубункан» по фамилии Хонда, который снискал себе репутацию ловкого журналиста. Одно время Хонда был как бы специально приставлен к Сюдзэ — в его обязанности входило заказывать тому рукописи для журнала. Ко всему прочему, Хонда не лишен был и способностей сыщика.

Я позвонил ему по телефону, и он приехал ко мне. В ответ на мой первый вопрос, по поводу образа жизни Оэ, он произнес таким фамильярным тоном, будто давно находился с Оэ в приятельских отношениях:

— Ах, ты о Сюдзэ? Ну и стервец же он, право. — И, расплывшись в добродушной улыбке подобно богу

Дайкоку¹, охотно принялся отвечать на мои вопросы.

По словам Хонды, когда Сюдэй был еще начинающим писателем, он снимал небольшой домик на окраине Токио, в Икэбукуро. Однако по мере того, как литературная слава его росла и соответственно увеличивались доходы, он арендовал все более просторные жилища. Хонда назвал мне около семи адресов, которые за два года успел сменить Сюдэй: он жил на улице Кикунтё в районе Усигомэ, потом в районе Нэгиси, затем на улице Хацусэтё в Янаке и в других местах.

Когда Оэ переехал в район Нэгиси, он был уже модным писателем и его без конца осаждали сотрудники журналов. С той самой поры он сделался нелюдимым и всегда держал дверь своего дома на запоре, жена же его входила и выходила через черный ход. Увидеться с ним было почти невозможно: как правило, он делал вид, что его нет дома, а потом присылал посетителю письмо, в котором говорилось: «Я не встречаюсь с людьми, поэтому прошу изложить Ваше дело в письменном виде». Не мудрено, что через некоторое время у многих желавших встретиться с Сюдэем буквально опускались руки, а тех, кому удавалось увидеться с ним, можно было по пальцам пересчитать. Уж на что привычны сотрудники журналов к капризам писателей, но тут и они вынуждены были отступить. К счастью, жена Сюдэя была женщиной умной, и зачастую Хонда заказывал рукописи и делал напоминания о сроках их представления именно через нее.

Впрочем, и с женой Сюдэя временами бывало не так-то просто встретиться: на запертой входной двери то и дело появлялись записки со строгими предупреждениями: «Болен. Посетители не допускаются». Или: «Отправился в путешествие». Или: «Уважаемые господа! Все запросы относительно рукописей просьба направлять по почте. Никого принять не могу».

Перед такого рода фокусами пасовал даже Хонда, и ему не раз приходилось отправляться ни с чем во свояси.

В свете всего сказанного вполне понятно, что Сюдэй никого не уведомлял о своих переездах — сотрудники журналов каждый раз были вынуждены сами разыскивать его, связываясь с ним по почте.

¹ Д а й к о к у — японский бог счастья.

— Говорят, кое-кому все-таки случалось побеседовать с Сюдзэем или хотя бы обменяться шутками с его женой, но, по-видимому, это удавалось лишь таким настойчивым людям, как я,— не без гордости заметил Хонда.

— На фотографии Сюдэй выглядит весьма привлекательным мужчиной. Таков ли он на самом деле?— спросил я. Рассказ Хонды становился для меня все более интересным.

— Ну что ты! — откликнулся мой собеседник. — У меня такое впечатление, что сфотографирован попросту не он. Правда, Сюдэй говорил мне, что этот снимок был сделан в молодости, но все равно не верится. Сюдэй совершенно не похож на этого привлекательного мужчину. В жизни он выглядит безобразно обрюзгшим, наверное, потому что мало двигается — ведь он все время проводит в постели. Лицо одутловатое, невыразительное. Глаза мутные. Одним словом, вылитый Тодзаэмон¹. К тому же Сюдэй плохой собеседник и обыкновенно больше молчит. Просто диву даешься, как этому человеку удастся создавать такие занимательные произведения. Помнишь повесть Кодзи Уно «Эпилептик»? Так вот, Сюдэй — точная копия главного героя. Подобно ему он ни днем ни ночью не встает с постели — наверное, уже все бока отлежал. Я виделся с Оэ дважды или трижды, и всякий раз он беседовал со мной лежа. Видимо, правду говорят, что он и ест в постели. Однако же существует в поведении Сюдзэя некая странность, не вяжущаяся с его образом жизни. Мне приходилось слышать, что этот нелюдим, привыкший целыми днями валяться в постели, время от времени облачается в какое-то странное одеяние и совершает прогулки в окрестностях Асакусы. Любопытно, что это происходит неизменно под покровом темноты. Будто он вор какой-то или летучая мышь. Вот я и подумал: уж не страдает ли Сюдэй мучительной застенчивостью? Не движем ли он желанием утаить от людей свое физическое безобразие? Чем громче становится его литературная слава, тем больше он стыдится своего уродства. Друзей он не заводит, посетителей не принимает. Так не служат ли его таинственные вечерние прогулки по многолюдным ули-

¹ Тодзаэмон — знаменитый борец сумо, живший в XVIII в. и отличавшийся могучим телосложением.

цам своеобразной компенсацией за долгие часы одиночества? Изучив характер Сюдзэ и сопоставив собственные наблюдения с недомолвками его жены, я вполне могу предположить, что дело обстоит именно так.

По мере того как Хонда со свойственным ему красноречием приводил все новые факты из жизни Сюдзэ, в моем воображении все более отчетливо возникал образ этого человека. А под конец нашей беседы я узнал об одном поистине удивительном происшествии.

— Поверишь ли, Самукава-сан,— обратился Хонда ко мне,— на днях мне довелось собственными глазами увидеть этого «исчезнувшего без следа» Оэ. Обстоятельства нашей встречи были столь необычны, что я не рискнул даже поздороваться с ним, но это был, вне всякого сомнения, он.

— Где ты его встретил?— невольно вырвалось у меня.

— В парке Асакуса. Дело было под утро. Я возвращался домой. Признаться, я был немного навеселе.— Хонда улыбнулся и почесал в затылке.— Знаешь китайский ресторанчик «Райрайкэн»? Так вот, как раз возле этого ресторанчика стоял тучный человек в красном колпаке и шутовском наряде с пачкой рекламных листов в руке. И это — ранним утром, когда улицы еще совсем пустынные. Конечно, все это весьма смахивает на небылицу, но странным человеком в колпаке был не кто иной, как Сюдзэй Оэ. От удивления я прямо-таки застыл на месте, не зная, как поступить дальше: то ли окликнуть его, то ли пройти мимо. Видимо, и он меня заметил, но лицо его оставалось бесстрастным. В следующую минуту он повернулся ко мне спиной, поспешно зашагал прочь и вскоре скрылся за углом. Сначала я решил было броситься за ним, но потом передумал, сообразив, что вступать в беседу с человеком, застигнутым в таком виде, было бы неразумно, и отправился домой.

Все время, пока я слушал рассказ Хонды о странном образе жизни Сюдзэ, мне было не по себе, будто я видел какой-то неприятный сон. Теперь же, узнав о том, что он стоял в парке Асакуса в шутовском наряде, я просто испугался. Мне даже показалось, что у меня на голове зашевелились волосы. Тогда я еще не мог уяснить, существует ли непосредственная связь между шутовским обликом Оэ и его угрожающими письмами Сидзуко, но мне уже казалось, что какая-то связь, безусловно, есть и ее нельзя игнорировать (во всяком случае,

встреча Хонды с Сюдзэем в Асакусе по времени точно совпадает с получением Сидзуко первого письма от него).

Воспользовавшись случаем, я решил выяснить, соответствует ли почерк автора письма почерку Оэ, и, выбрав из всего этого письма одну страничку, по которой трудно было судить, кому и с какой целью оно написано, показал ее Хонде.

Взглянув на листок, Хонда не только с полной уверенностью подтвердил, что это рука Сюдзэя, но и сказал, что по стилю и грамматическому строю написанное не может принадлежать никому иному, кроме Сюдзэя. Дело в том, что некогда Хонда попробовал ради интереса написать рассказ в подражание Сюдзэю и поэтому хорошо представляет себе его манеру письма.

— У Оэ фразы какие-то вязкие, и подражать его стилю довольно трудно, — заметил Хонда.

Я готов был согласиться с этим суждением. Прочитав несколько писем Сюдзэя, я еще отчетливее, чем Хонда, представил себе своеобразный стиль их автора.

В тот же день под каким-то предлогом я попросил Хонду выяснить для меня адрес Сюдзэя.

— Хорошо, — согласился тот. — Можешь на меня положиться.

Однако же это ни к чему не обязывающее обещание приятеля не успокоило меня, и я решил наведаться в дом № 32 по улице Сакурагитё, где, как сказал Хонда, до недавнего времени проживал Оэ, и попытаться что-нибудь выведать у его бывших соседей.

4

На следующий день, отложив работу над новой рукописью, я отправился на улицу Сакурагитё. Поговорив с горничной, служившей в одном из соседних домов, с торговцем и еще с несколькими людьми, я убедился, что все рассказанное мне накануне Хондой соответствовало действительности, но ничего нового о последующей жизни Сюдзэя мне узнать не удалось.

По соседству с домом, где проживал Сюдзэй Оэ, стояли такие же небольшие особнячки средней руки. Их обитатели в отличие от соседей в многоквартирных домах почти не общались между собой. Поэтому соседи Сюдзэя

только и знали, что он переехал и никому не дал своего нового адреса. Более того, поскольку на дверях дома у Сюдзэя не было таблички с его именем, люди даже не догадывались, что живут по соседству с известным писателем. И названия конторы, которая предоставила ему фургон для переезда, никто сообщить не смог. Таким образом, я вынужден был возвратиться домой ни с чем.

Поскольку никаких иных возможностей выяснить что-либо об Оэ я не видел, мне ничего не оставалось, как углубиться в работу над рукописью, с которой я и так уже порядком затянул, да время от времени позванивать Хонде и узнавать о состоянии дел с поисками Сюдзэя. Прошло пять или шесть дней, но напасть на след Оэ тому все не удавалось. Между тем Сюдзэй медленно, но верно шел к намеченной цели.

На исходе недели Сидзуко позвонила мне домой и попросила срочно приехать к ней, потому что стряслось нечто совершенно ужасное. Мужа, по ее словам, сейчас дома нет, прислуга отлучилась по делам и вернется не скоро, так что она с нетерпением ждет меня. Судя по всему, звонила Сидзуко не из дома, сочтя более благоразумным воспользоваться телефоном-автоматом. Говорила она крайне сумбурно, прерывающимся от волнения голосом. Несколько коротких фраз — вот и все, что она успела мне сказать за три минуты телефонного разговора.

Итак, воспользовавшись отсутствием мужа, Сидзуко отослала прислугу из дома и тайком приглашает меня к себе. Это приглашение посеяло во мне смутные надежды. Я пообещал прийти тотчас же и, разумеется, отнюдь не из-за родившихся в моей душе надежд поспешил к ней домой в район Асакуса.

Дом Коямады помещался в некотором отдалении от окружавших его торговых фирм и по виду напоминал старинный японский замок. Сразу за домом протекала река, хотя с фасада ее не было видно. И только грубый бетонный забор, верх которого был утыкан острыми осколками стекла для защиты от воров, да двухэтажная пристройка европейского типа, вплотную примыкавшая к главному дому, не вязались со старинной архитектурой японского особняка. Эти два сооружения вносили чудовищную дисгармонию в общий старинный пейзаж, от них так и веяло провинциальным вкусом нувориша.

Я подал свою визитную карточку девушке простоватого вида и был препровожден в европейскую пристройку, где в гостиной меня поджидала крайне встревоженная Сидзуко.

После долгих извинений за доставленное мне беспокойство Сидзуко, почему-то понизив голос, сказала:

— Первым делом прочтите вот это.— И протянула мне конверт. Боязливо оглянувшись по сторонам, она придвинулась ко мне.

Как и следовало ожидать, в конверте оказалось очередное письмо Сюдзэя Оэ. Поскольку по содержанию оно несколько отличалось от предыдущих, я считаю уместным привести его здесь целиком.

Госпоже Коямада.

Сидзуко, о том, как ты страдаешь, видно по твоим глазам. Я знаю, что втайне от мужа ты прилагаешь старания к тому, чтобы дознаться, где я скрываюсь. Но поиски твои бессмысленны, и я советую тебе их прекратить. Если у тебя хватит смелости рассказать мужу о моих преследованиях и вы рискуете обратиться в полицию, это ни к чему не приведет. Ни одна душа не знает, где я скрываюсь. О том, сколь я предусмотрителен, тебе должно быть известно хотя бы из моих книг.

Итак, завершился первый этап моего плана. Это была как бы разминка. Пришло время приступить ко второму этапу.

В связи с этим я должен кое-что тебе сообщить. Полагаю, что ты уже догадалась, каким образом мне удастся с такой точностью узнавать обо всем, что ты делаешь каждый вечер. С тех пор как я отыскал тебя, я следую за тобой по пятам подобно тени. Невидимый тебе, я ежечасно и неотступно наблюдаю за тобой — и когда ты находишься дома, и когда выходишь на улицу. Как знать, быть может, и теперь я, ставший твоей тенью, смотрю на тебя из какого-нибудь угла твоей комнаты и вижу, как ты трепещешь, читая это письмо.

Как ты понимаешь, наблюдая за тобой каждый вечер, я стал невольным свидетелем твоих супружеских отношений. И во мне вспыхнула жгучая ревность.

Этого я не мог предусмотреть, разрабатывая свой план мщения, но, как я вижу теперь, чувство

ревности не только не способно помешать осуществлению моего замысла, но, напротив, подогревает во мне желание мстить, беспощадно мстить. Итак, я понял, что некоторое отступление от первоначального плана будет лишь способствовать успеху всего предприятия.

Вот что я имею в виду: поначалу я рассчитывал вконец измучить и запугать тебя и таким образом довести до гибели. Но теперь, став свидетелем твоих супружеских ласк, я решил, что будет правильнее, если, прежде чем убивать тебя, лишу жизни у тебя на глазах любимого тобой человека. И только после того как ты вкусишь всю горечь потери, настанет твой черед.

Однако торопиться мне некуда. Я никогда ничего не делаю в спешке. Грешно было бы переходить к очередному этапу моего плана, пока ты не оправиишься от ужаса после прочтения этого письма.

*Мститель
Ночь под 16-е марта.*

Читая эти жестокие, полные зловещего смысла строки, я не мог не содрогнуться. Я ощущал, как растет во мне ненависть к Сюдзю Оэ, которого уже нельзя было считать человеком.

Но если бы я позволил себе поддаться страху, кто утешил бы Сидзуку, которая совершенно пала духом? Мне не оставалось ничего иного, как сделать вид, будто я абсолютно спокоен, и снова и снова стараться убедить Сидзуку, что угрозы Сюдзю не более чем писательские выдумки.

— Простите, не могли бы вы говорить чуточку тише? — перебила меня Сидзуку.

Казалось, мои пылкие увещевания не задели ее слуха. Внимание ее было сосредоточено на чем-то другом: время от времени она пристально вглядывалась в какую-то точку и внимательно прислушивалась. Она старалась говорить как можно тише, будто кто-то мог нас подслушать. Губы ее побелели и стали почти неразличимы на бледном лице.

— Может ли все это происходить на самом деле? Уж не помутился ли у меня рассудок? — произнесла наконец Сидзуку, понизив голос до шепота.

— О чем вы? — откликнулся я таким же многозначительным шепотом.

— В этом доме скрывается Хирата.

— Где? — спросил я в растерянности, не в силах уловить смысл в словах Сидзуко.

Вместо ответа она решительно поднялась и, еще более побледнев, жестом пригласила меня следовать за собой. Сердце у меня тревожно замерло, и я послушно пошел за ней. По дороге она заметила у меня на руке часы, почему-то попросила их снять и вернулась в комнату, чтобы положить их на стол. Стараясь ступать бесшумно, мы прошли короткий коридор и вскоре оказались перед комнатой Сидзуко. Раздвинув комнатную перегородку, Сидзуко замерла в страхе, как будто прямо перед собой увидела злоумышленника.

— Странно. Уж не ошиблись ли вы? Да и как смог бы этот человек среди бела дня проникнуть в ваш дом? — Не успел я произнести эти слова, как Сидзуко жестом велела мне замолчать и, взяв меня за руку, подвела к углу комнаты. Она подняла глаза кверху и подала мне знак прислушаться. Минут десять мы простояли, уставившись друг на друга и напряженно вслушиваясь в тишину. Дело происходило днем, но в комнате Сидзуко, расположенной в глубине просторного японского дома, не было слышно ни звука. Здесь стояла такая тишина, что можно было услышать, как стучит в висках собственная кровь.

— Вы не слышите тиканья часов? — почти беззвучно спросила наконец Сидзуко.

— Нет. А где здесь часы?

Сидзуко не ответила и еще некоторое время продолжала напряженно к чему-то прислушиваться. Наконец, как будто успокоившись, она проговорила:

— Да, кажется, действительно ничего не слышно.

Мы вернулись в гостиную, где прерывающимся от волнения голосом Сидзуко поведала мне о следующем таинственном происшествии.

Дело было так. Она сидела в своей комнате и вышивала, когда вошла горничная и подала ей уже известное письмо Сюдзэя. К тому времени Сидзуко было достаточно одного взгляда на конверт, чтобы понять, от кого оно. Она взяла письмо в руки, и ее тотчас же охватило невыразимое беспокойство, но поскольку отложить его в сторону значило бы обречь себя на еще большую тревогу, Сидзуко дрожащей рукой вскрыла конверт.

Узнав, что отныне кровавый замысел Сюдзэя распространяется и на ее мужа, Сидзуко не могла найти себе места от страха. Повинуясь какому-то непонятному импульсу, она встала и направилась в угол комнаты. Как только она поравнялась с комодом, ее внимание привлек доносящийся откуда-то сверху едва уловимый звук, похожий на жужжание.

— Сперва я решила, что у меня просто шумит в ушах,— продолжала Сидзуко,— но, внимательно прислушавшись, поняла, что природа этого звука совершенно иная — он напоминал мерное постукивание одного металлического предмета о другой: тик-так, тик-так.

Сидзуко сразу же пришла к выводу, что где-то наверху скрывается человек и что странный звук — это тиканье его карманных часов.

Не оказись Сидзуко в углу комнаты, не будь в комнате так тихо, наконец, не будь ее нервы напряжены до предела, вряд ли ей удалось бы расслышать этот слабый, едва уловимый звук. А что, если это было просто тиканье часов, находящихся где-то рядом? Тогда этот звук мог быть отражен потолком по тем же самым законам, по которым преломляются лучи, и его можно было принять за исходящий с чердака. С этой мыслью Сидзуко внимательно осмотрела все вокруг, но ничего похожего на часы не обнаружила.

Она вдруг вспомнила фразу из письма Сюдзэя: «Кто знает, быть может, и теперь я, ставший твоей тенью, смотрю на тебя из какого-нибудь угла твоей комнаты...» Сидзуко инстинктивно взглянула наверх. Как раз над ее головой в потолке зияла щель, образованная слегка отодвинутой потолочной доской. В этот миг ей почудилось, что там, в темноте, в этой щели сверкнули глаза Сюдзэя.

«Так это вы, Хирата-сан?»— вне себя от ужаса произнесла Сидзуко. Затем, не сдерживая слез, она с видом воина, вынужденного сдаться врагу, заговорила с человеком на чердаке. В тихом голосе Сидзуко звучала искренняя мольба: «Что бы со мною ни стало, я не боюсь. Я готова на все, лишь бы вы наконец успокоились. Можете даже убить меня, если вам так угодно. Прошу только оставить в покое моего мужа. Я скрыла от него правду, и мне страшно от одной лишь мысли, что он может погибнуть по моей вине. Пощадите его! Молю вас, пощадите его!»

Сверху ответа не последовало. Успев оправиться от страха, Сидзуко долго стояла на том же месте, не в силах побороть охватившее ее отчаяние. С чердака по-прежнему доносилось приглушенное тиканье часов. Затаившееся чудовище, казалось, не дышало и безмолвствовало, будто пораженное немотой.

Это гнетущее безмолвие повергло Сидзуко в ужас. Она выбежала из комнаты и, не в силах более оставаться дома, бросилась на улицу. Тут она неожиданно вспомнила обо мне и, отринув все сомнения, направилась к телефону-автомату.

Слушая рассказ Сидзуко, я невольно вспомнил один из наиболее страшных рассказов Сюндэя Оэ — «Развлечения человека на чердаке». Если тиканье часов, которое слышала Сидзуко, не было слуховой галлюцинацией, если Сюндэй и впрямь затаился на чердаке, получалось, что сюжет этого рассказа без каких бы то ни было изменений переносился в реальную действительность. Это было вполне в духе Сюндэя.

Хорошо помня содержание этого рассказа, я не только не мог обратить в шутку на первый взгляд почти невероятный рассказ Сидзуко, но и сам испытывал панический страх. У меня было такое чувство, будто я своими глазами увидел ухмыляющегося во мраке толстяка в красном колпаке и шутовском наряде.

5

Посоветовавшись с Сидзуко, я решил, подобно частному детективу из рассказа «Развлечения человека на чердаке», подняться наверх и посмотреть, есть ли там чьи-нибудь следы, и, если следы обнаружатся, выяснить, каким образом этот человек попадает на чердак. «Что вы, это опасно», — пыталась удержать меня Сидзуко, но, отстранив ее, я, как подсказал мне опыт моего предшественника из рассказа Сюндэя, раздвинул потолочное перекрытие над комодом и, подобно бывалому электромонтеру, полез наверх. В доме по-прежнему никого не было, кроме девушки, встретившей меня, но и та была занята своими делами на кухне, поэтому никто помешать мне не мог.

Нельзя сказать, чтобы чердак выглядел так же опрятно, как описывает в своем рассказе Оэ. Особой

захламленности там, правда, не было, потому что под Новый год, когда в доме проводилась уборка, потолочные перекрытия тщательно промывались, однако за три месяца на чердаке успела накопиться пыль и по углам уже протянулась паутина. Понимая, что в темноте трудно будет что-либо разглядеть, я попросил у Сидзуко фонарик и теперь, осторожно двигаясь по балкам, направлялся к месту, которое меня интересовало. Ориентиром служила полоска неяркого света, пробивавшегося снизу сквозь щель в потолке — по-видимому, после уборки потолочное перекрытие как следует не подогнали. Но не успел я и наполовину приблизиться к цели, как обнаружил нечто такое, от чего у меня замерло сердце.

Поднимаясь на чердак, я все еще сомневался в достоверности рассказа Сидзуко, однако ее предположения теперь полностью подтвердились. На чердаке были отчетливо видны следы побывавшего там человека.

Я похолодел. От одной мысли, что незадолго до меня этот же путь проделал на четвереньках, уподобившись ядовитому пауку, Сюдзэй Оэ — человек, которого я знал лишь по книгам и никогда не видел в жизни, — меня охватил не поддающийся описанию страх. Собравшись с духом, я двинулся дальше по отпечатавшимся на запыленной балке следам то ли рук, то ли ног побывавшего здесь человека. Вот и место, откуда доносилось до Сидзуко тиканье часов, — и в самом деле, судя по основательно стертой пыли, человек находился тут достаточно долго.

Уже не помня себя, я двигался по следам того, кто, по всей вероятности, и должен был быть Сюдзэй Оэ. Похоже, он обошел весь чердак — и тут и там были заметны его беспорядочные следы. В потолочном перекрытии над комнатой Сидзуко и над общей спальней я обнаружил щели, в этих местах пыль как раз была стерта.

Подражая герою рассказа «Развлечения человека на чердаке», я взглянул оттуда вниз и сразу же понял, что Сюдзэй вполне мог получать удовольствие от этого занятия. Видимый сквозь щель в потолке «лежащий внизу мир» являл собой весьма своеобразное, не поддающееся воображению зрелище. В особенности меня поразили сидевшей с опущенной головой Сидзуко. Как странно может выглядеть человек под определенным углом зрения!

Мы привыкли смотреть на все, в том числе и на самих себя, со стороны, и человек, сколь бы хорошо он ни представлял себе свой облик, никогда не задумывается о том, как он выглядит сверху. И в этом его просчет. Сверху человек просматривается в своем естественном, неприукрашенном виде и представляет довольно неприглядное зрелище. В прическе Сидзуко (кстати говоря, сверху ее форма казалась весьма странной), в том месте, где она разделялась на верхние пряди и пучок, проглядывала светлая полоса пробора, и это производило впечатление неопрятности, особенно в сравнении с блестящими, сверкающими чистотой прядями волос. Глядя на Сидзуко сверху, я отчетливо различал грубый красный след, который тянулся от затылка по белоснежной коже ее спины и терялся где-то в темной глубине под одеждой. Из-за этих моих открытий Сидзуко перестала казаться мне столь изысканной, как прежде. Но зато я еще более отчетливо ощутил на себе влияние присущей ей удивительной чувственности.

Но как бы то ни было, в те минуты меня больше всего заботил вопрос: не остались ли на чердаке непреложные доказательства того, что там побывал именно Оэ? С помощью фонарика я внимательно осмотрел все вокруг, однако оставленные на полу следы рук и ног были смазаны и неясны. Само собой понятно, что в подобной ситуации снять отпечатки пальцев побывавшего на чердаке человека мне не удалось. Как и герой «Развлечений человека на чердаке», Сюдэй действовал в перчатках и носках.

Только в малоприметном углу, где деревянная подпорка соприкасалась с потолочной балкой, как раз над комнатой Сидзуко, я вдруг заметил небольшой круглый предмет темно-серого цвета. Это была металлическая вещица, по форме напоминающая пуговицу с выгравированными на ней буквами R.K.BPOS CO. Подбрав ее, я сразу же вспомнил пуговицу от сорочки, которая фигурирует в «Развлечениях человека на чердаке», однако, несмотря на подобное совпадение, моя находка совсем не походила на пуговицу от одежды. Скорее, это была застежка для шляпы, но точного назначения этого предмета я тогда определить не мог. Позднее я показал его Сидзуко, но и та в ответ лишь развела руками.

Находясь на чердаке, я попытался выяснить, каким образом пробирался сюда Сюднэй. Двигаясь по следам, я обнаружил, что они обрываются над кладовкой, расположенной напротив передней. Грубо отесанные доски, служившие потолком кладовки, без труда раздвигались, стоило только чуточку их приподнять. Я спустился вниз, став ногой на брошенный в кладовке сломанный стул, и нажал на дверь. Замка на ней не было, и она без труда распахнулась. Прямо перед собой я увидел бетонный забор высотой чуть выше человеческого роста.

Значит, Сюднэй Оэ, выждав момент, когда улица опустеет, перелезал через этот забор (как я упоминал, его верх был утыкан осколками стекла, но для опытного человека это вряд ли могло служить серьезным препятствием), проникал в незапирающуюся кладовку, а оттуда — на чердак.

Раскрыв секрет проникновения Оэ на чердак, я даже ощутил некоторое разочарование, насколько все оказалось просто. «До такого мог додуматься и ребенок», — подумал я с презрением. Страх перед непонятным и таинственным исчез, на смену ему пришла обыкновенная досада. Однако, отказавшись принимать противника всерьез, я допустил грубейшую ошибку, но понял это, к сожалению, слишком поздно.

До смерти перепуганная Сидзуко сказала мне, что, поскольку опасность грозит не только ей, но и ее мужу, она готова пожертвовать своей тайной и заявить обо всем в полицию, я же, не веря в серьезность намерений Сюднэя, принялся урезонивать ее, ссылаясь на то, что Сюднэй не станет повторять глупой уловки героя «Развлечений человека на чердаке», спуская с потолка яд, и что из одного факта проникновения Оэ на чердак нелепо делать вывод, будто он замышляет убийство. Действительно, он, как ребенок, получает удовольствие от того, что внушает Сидзуко страх, он мастер прикидываться, будто замышляет ужасное преступление. Но в конце концов он всего лишь писатель, и для того, чтобы осуществить свои замыслы на деле, у него слишком коротки руки. Я всеми силами старался утешить Сидзуко, но, поскольку недоброе предчувствие не покидало ее, я обещал ради ее спокойствия обратиться к своему приятелю, который обожает всякие таинственные приключения, с тем чтобы тот каждую ночь дежурил у двери кладовой.

Со своей стороны Сидзуко решила под каким-нибудь предлогом на некоторое время перевести спальню в комнату для гостей, которая находилась на втором этаже европейской части дома. Там в потолке никаких щелей нет и наблюдать за ними никто не сможет.

Эти две меры предосторожности были приняты на следующий же день, но, как выяснилось позже, они не остановили уже занесенной над жертвой руки злодея. Ровно через два дня, в ночь на двадцатое марта, в строгом соответствии со своим замыслом чудовище во мраке лишило жизни свою первую жертву. Ею оказался Рокуро Коямада.

6

В письме Сюдзэя вслед за сообщением о его намерении убить г-на Коямаду говорилось: «Однако топтаться некуда. Я никогда ничего не делаю в спешке». Почему же тогда на сей раз он отступил от своего правила, совершив преступление всего лишь через два дня после отправки письма? Быть может, это диктовалось соображениями тактического порядка? Тогда своим письмом он намеревался дезориентировать Сидзуку и затем нанести неожиданный удар. Но потом меня вдруг осенила другая догадка.

Услышав тиканье часов на чердаке и решив, что там скрывается Сюдзэй, Сидзуко со слезами на глазах стала молить его сохранить жизнь г-ну Коямаде и тем самым лишний раз дала возможность Сюдзэю убедиться в ее искренней привязанности к мужу. От этого ревность Сюдзэя разгорелась еще больше, и в то же время он не мог не почуять грозящую ему опасность разоблачения. Не потому ли он решил как можно скорее покончить со столь дорогим Сидзуко человеком?

И все же обстоятельства смерти Рокуро Коямады выглядели весьма странно.

Как только Сидзуко сообщила мне о смерти мужа, я в тот же вечер приехал к ней и попросил ее подробно рассказать обо всех событиях того рокового дня.

Оказалось, что в поведении г-на Коямады в тот день ничего странного она не заметила. Он вернулся со службы немного раньше обычного и, поужинав, отправился в Коумэ, что на противоположном берегу реки, сыграть

несколько партий в го¹ с приятелем. Вечер был теплый, поэтому он не стал надевать пальто и вышел из дома в шелковом авасэ и плотной накидке-хаори поверх него. Неторопливо он направился в сторону реки. Было это около семи часов вечера.

Дом приятеля находился неподалеку, и г-н Коямада всегда ходил туда пешком. Что произошло после его ухода из дома, Сидзуко не знала. Она прождала мужа всю ночь, но он так и не вернулся, а поскольку как раз накануне пришло упомянутое мною письмо Сюдзэ, ее охватило беспокойство. Едва дождавшись утра, Сидзуко принялась обзванивать всех знакомых мужа, к тем же, у кого телефона не было, она отправила посыльного. Но, как оказалось, ни к кому из них в тот роковой вечер г-н Коямада не заходил. Пробыв у приятеля до двенадцати часов, он пешком же отправился домой. Разумеется, Сидзуко звонила и мне, но в это время меня не было дома, и о происшедшем я узнал только вечером.

Когда г-н Коямада не появился у себя в конторе к началу рабочего дня, служащие тоже принялись разыскивать его, однако и эти поиски ни к чему не привели. Только в полдень Сидзуко позвонили из полиции и сообщили о странной смерти ее мужа.

Если пройти немного к северу от трамвайной остановки у Каминаримон, что неподалеку от моста Адзумабаси, и затем спуститься к плотине, можно сразу увидеть пристань, к которой причаливает пассажирский катер, курсирующий между Адзумабаси и Сэндзюобаси. Это своеобразная достопримечательность реки Сумидагава времен пассажирских пароходов. Сам я довольно редко пользуюсь этим видом транспорта, но, когда мне нужно попасть в Гэммон или Сирахигэ, я, как правило, добираюсь туда на таком вот катере. Эта старинная, провинциальная атмосфера бывает мне по душе, и время от времени я люблю в нее погружаться.

Пристань, о которой я говорю, представляет собой нечто похожее на плот, спущенный на воду. Здесь, на этом слегка раскачивающемся плоту, находятся и скамейки для пассажиров и уборная.

Двадцатого марта хозяйка небольшого магазинчика в Асакусе отправилась по делам в Сэндзю и около

¹ Го — игра типа шашек. Возникла в Древнем Китае, особенно распространена в Японии.

восьми часов утра была уже на пристани. Она зашла в уборную, но, не успев закрыть за собой дверь, тут же с криком выскочила оттуда. На вопрос подбегавшего к ней старика контролера она ответила, что в туалете, под отверстием в сиденье, в воде, она увидела обращенное вверх мужское лицо.

Как объяснил мне позднее контролер, он поначалу решил, что это проделка лодочника или еще кого-нибудь (мало ли в наше время людей с извращенными сексуальными наклонностями), но, войдя в туалет, он в самом деле увидел в воде на расстоянии около тридцати сантиметров от отверстия мужскую голову: покачиваясь на волнах, голова то скрывалась наполовину в воде, то снова всплывала, словно заводная игрушка, и потому зрелище само по себе не казалось страшным.

Поняв, что в воде плавает труп, старик стал громко звать на помощь собравшихся на пристани молодых парней. На его зов откликнулся дюжий детина-рыботорговец, который вместе с другими парнями попытался вытащить труп. Но в уборной сделать это оказалось невозможным, поэтому они с помощью багра зацепили труп снаружи и подтянули его к берегу.

Одежды на трупе не было, если не считать трусов. На вид покойнику можно было дать лет сорок, и предположить, что такому солидному мужчине вдруг ни с того ни с сего вздумалось искупаться в столь неподходящее время года, было сущей нелепицей. При более тщательном осмотре трупа обнаружилось, что спина пострадавшего исполосована ножом или каким-то другим острым предметом. По всему было видно, что это не просто утопленник.

Толпа заволновалась, а когда труп стали наконец вытаскивать из воды, выявилась еще одна странная деталь: как только покойника схватили за волосы, они в тот же миг, прямо на глазах у полицейского, подоспевшего к месту происшествия, легко отделились от черепа. Все в ужасе отпрянули, но, когда первый страх прошел, ребятам показалось странным, что у покойника, пробывшего в воде сравнительно недолго, волосы отделяются с такой легкостью. Как выяснилось, у них в руках оказался обыкновенный парик, голова же покойного была просто лысой.

Найденный в реке мужчина был г-н Коямада. Вот какой трагический конец ожидал президента известной торговой фирмы.

Выходило, что преступник снял с убитого одежду, а затем, надев на его лысую голову парик, сбросил тело в воду около моста. Хотя труп был найден в воде, смерть, как видно, наступила раньше, в результате ран, нанесенных каким-то острым предметом в области левого легкого. Помимо этих тяжелых ран, на спине покойного было обнаружено еще несколько неглубоких порезов. По-видимому, преступнику не сразу удалось лишить свою жертву жизни.

Согласно заключению полицейского врача, г-н Коямада был убит примерно в час ночи. Поскольку ни его одежды, ни документов обнаружено не было, сразу установить личность убитого оказалось невозможным, и полиция долгое время пребывала в полном неведении. Наконец около полудня нашелся человек, который опознал труп, и из полиции сразу же позвонили Сидзуко домой.

Когда вечером я приехал к Сидзуко, дом был полон родственников, сослуживцев и друзей г-на Коямады. Сидзуко сказала мне, что она только что вернулась из полицейского управления. Она сидела подавленная и молчаливая в окружении родных и служащих фирмы, явившихся выразить ей соболезнование.

Труп г-на Коямады все еще находился в полиции на тот случай, если понадобится произвести вскрытие, однако на застланном белым полотном возвышении домашнего алтаря уже стояла деревянная табличка с посмертным именем покойного и курились благовония.

По просьбе Сидзуко и сослуживцев покойного я рассказал все, что мне было известно об обстоятельствах, при которых был найден труп г-на Коямады. Все это время меня мучили стыд и раскаяние, ведь накануне я настойчиво убеждал Сидзуко не обращаться в полицию.

Что касается преступника, я нисколько не сомневался в том, что им был Сюдэй Оэ. Наверняка дело было так: как только г-н Коямада вышел от приятеля, Сюдэй направился за ним следом к мосту и там, на пристани, убил его, а труп сбросил в реку. Если принять во внимание время, когда было совершено преступление, сообщение Хонды о том, что Сюдэй обычно в это время прогуливается в районе Асакусы, а главное — то письмо, в котором он заранее сообщал о своем намерении убить г-на Коямаду, убийцей мог быть только Сюдэй, и никто другой. Никаких сомнений на этот счет у меня не было.

Но почему г-н Коямада был раздет? Почему на нем оказался этот странный парик? Если и это было делом рук Сюдзэя, то зачем ему понадобилось разыгрывать весь этот фарс? На эти вопросы я не находил ответа.

Улучив момент, я дал понять Сидзуко, что хочу переговорить с ней наедине. Словно ожидая этого, она послушно поднялась и, извинившись перед присутствующими, вышла за мной в соседнюю комнату.

Когда мы остались одни, она чуть слышно окликнула меня и порывисто припала ко мне. Глаза ее под длинными ресницами заблестели и наполнились слезами. Крупные капли одна за другой покатались по ее бледным щекам.

— Не знаю, сможете ли вы меня простить. Все произошло из-за моей беспечности. Я не думал, что он решится на такое. Я виноват, я один во всем виноват...

Почувствовав, как у меня самого на глаза наворачиваются слезы, я схватил руку рыдающей Сидзуко и, сжимая ее изо всех сил, снова и снова умолял простить меня. Это было мое первое прикосновение к Сидзуко. Я до сих пор помню тепло и упругость пальцев ее хрупкой белоснежной руки. Несмотря на трагичность ситуации, от этого прикосновения в груди у меня вспыхнуло пламя.

— Вы рассказали в полиции о письмах? — спросил я наконец, когда всхлипывания Сидзуко затихли.

— Нет, я не знала, как лучше поступить.

— Значит, пока вы ничего не рассказали?

— Нет, мне хотелось прежде посоветоваться с вами.

Я все еще не отпускал руку Сидзуко, и она стояла, по-прежнему прижавшись ко мне.

— Вы, конечно, тоже считаете, что это дело рук того человека?

— Да. Вы знаете, той ночью произошло нечто странное.

— Нечто странное?

— Воспользовавшись вашим советом, я перевела спальню на второй этаж европейского дома. Я была уверена, что уж там-то он не сможет за мною подсматривать. Но он все-таки подсматривал.

— Каким образом?

— Через окно.

С округлившимися от страха глазами при воспоминании о событиях той ночи Сидзуко стала рассказывать:

— В двенадцать часов ночи я легла в постель, но, поскольку муж все еще не возвращался, я начала беспокоиться. Мне было страшно одной в этой комнате с такими высокими потолками. Казалось, что из углов кто-то смотрит на меня. На одном из окон штора была спущена, но не до конца. Сгустившаяся за окном тьма настолько пугала меня, что я невольно стала всматриваться в темноту и вдруг увидела за окном лицо человека.

— А вам не могло это померещиться?

— Вскоре лицо исчезло, но я уверена, что это не был обман зрения. Я как сейчас вижу эти прижатые к стеклу космы, эти устремленные на меня глаза.

— Это был Хирата?

— Наверное, он. Кому же, кроме него, придет такое в голову?

После этого разговора мы с Сидзуко окончательно пришли к выводу, что в смерти г-на Коямады повинен, вне всякого сомнения, Сюдэй Оэ, он же Итиро Хирата. Кроме того, мы решили вместе заявить в полицию, что теперь преступник покушается на жизнь Сидзуко, и в связи с этим просить взять Сидзуко под защиту.

Следователем по этому делу был назначен бакалавр юридических наук Итосаки, который по счастливому стечению обстоятельств оказался членом «Общества любителей», созданного по инициативе писателей, работающих в детективном жанре, а также медиков и юристов. Поэтому, когда мы с Сидзуко явились в полицейское управление Касагаты, где находился следственный отдел, он принял нас по-приятельски, без той сухой учтивости, которую здесь встречают обычные посетители.

Как выяснилось, Итосаки глубоко заинтересовало и озадачило это необычное дело. Он заверил нас, что делает все возможное, чтобы найти Сюдэя Оэ, обещал устроить в доме Сидзуко засаду и кроме того увеличить в районе число полицейских нарядов с тем, чтобы обеспечить вдове полную безопасность. Далее, выслушав мое предостережение о том, что на немногочисленных известных фотографиях Сюдэй Оэ мало похож на самого себя, Итосаки вызвал Хонду и попросил его нарисовать словесный портрет преступника.

В течение всего следующего месяца полиция не щадя сил разыскивала Сюдзэ Оэ. Я, со своей стороны, прибегнув к помощи Хонды, тоже пытался выяснить хоть что-нибудь об этом человеке, расспрашивал знакомых мне сотрудников газет и журналов, всех, кто только попадался под руку. Но Сюдзэй по-прежнему не обнаруживал себя, будто владел каким-то волшебством.

Ладно бы еще он жил один, но ведь у него была жена. Так где же и как им вдвоем удавалось скрываться? Быть может, прав следователь, полагая, что они просто-напросто тайно бежали за границу?

Но тогда непонятно, почему после смерти г-на Коямады Сидзуко перестала получать письма от Сюдзэя. Мог ли Сюдзэй отказаться от осуществления следующего этапа своего плана, а именно от убийства Сидзуко, и теперь был всецело поглощен заботой, как бы надежнее укрыться от полиции? Нет, такой человек, как Оэ, не мог не продумать всех деталей заранее. Стало быть, сейчас он находится в Токио и, затаившись, лишь выжидает удобный момент для расправы с Сидзуко.

По приказу начальника полицейского управления Касагаты один из сыщиков отправился на улицу Сакурагитё в Уэно, как в свое время поступил я, и побеседовал с жителями домов, соседствующих с домом № 32, в котором когда-то проживал Сюдзэй. Поскольку сыщик в отличие от меня, профана, был мастером своего дела, ему в конце концов, хотя и не без труда, удалось найти транспортную контору, которая снабдила Оэ фургонном для переезда (эта небольшая контора находится в том же районе, только на значительном отдалении от прежнего жилища Оэ), и узнать через ее владельца, куда переехал Сюдзэй.

В результате длительных поисков сыщик выяснил, что, съехав с квартиры на улице Сакурагитё, Сюдзэй сменил еще несколько квартир и каждый раз селился в самых захудалых районах, таких, как улица Янагисима в квартале Хондзё и улица Сусакитё в Мукодзиме. Последним пристанищем Сюдзэя была замызганная постройка барачного типа на улице Сусакитё, с двух сторон зажатая небольшими фабричными строениями. Этот дом он снял в аренду несколько месяцев назад, однако, несмотря на то, что домовладелец считал

его занятым, помещение оказалось совершенно нежилым, и, судя по царящему там запустению, трудно было определить, как давно дом был покинут.

Расспросы людей в округе тоже ничего не дали: как я уже говорил, жалкий домишко с обеих сторон был зажат фабричными строениями, и никакой дотошной хозяйшки, из тех, которым до всего есть дело, поблизости разыскать не удалось.

Но тут на горизонте снова возник Хонда. Изучив обстоятельства дела, он с присущей ему страстью ко всяким запутанным историям необычайно увлекся сыском и, памятуя о встрече с Сюдзэем в парке Асакуса, в свободное от работы время энергично им занимался.

Вспомнив, что в тот день Сюдзэй держал в руках рекламные листки, Хонда обошел несколько рекламных агентств вблизи парка Асакуса, чтобы выяснить, не нанимало ли какое-нибудь из них пожилого человека. Однако, к его огорчению, выяснилось, что в некоторых случаях, когда работы особенно много, эти агентства прибегают к услугам бродяг, обретающихся в парке Асакуса. Их нанимают всего лишь на один день и выдают специально броскую одежду. «Нет, человека, о котором вы спрашиваете, мы не знаем. Скорее всего, это был один из «поденщиков», — так повсюду отвечали Хонде.

Тогда Хонда стал по вечерам прогуливаться по парку Асакуса, останавливаясь перед каждой скамейкой в тени деревьев, заглядывая в каждый ночлежный дом, куда стекались бродяги со всей округи. Вступая с ними в беседу, Хонда пытался выяснить, не приходилось ли им встречать человека, по описаниям похожего на Сюдзэя. Однако и эти его усилия не увенчались успехом. Напасть на след Сюдзэя по-прежнему не удалось.

Надо сказать, что Хонда регулярно раз в неделю заходил ко мне и рассказывал о результатах своих поисков. И вот однажды, расплывшись в улыбке подобно богу Дайкоку, он поведал мне следующее:

— Самукава-сан, в последнее время я усиленно интересовался балаганными аттракционами и обратил внимание на одну любопытную вещь. Наверное, ты знаешь, что нынче в моде аттракционы вроде «женщина-паук» или «женщина без туловища». Есть, однако, еще и «человек без головы». По большей части в этих аттракционах участвуют женщины. Так вот, в последнем случае берется прямоугольный ящик, разделенный на три отсе-

ка, и ставится на землю в вертикальном положении. В двух нижних отсеках помещаются туловище и ноги женщины, третий же вроде остается пустым. По логике вещей, там должна находиться голова женщины, но ее не видно. Казалось бы, в ящике находится обезглавленный труп, однако время от времени женщина подает признаки жизни — шевелит ногами и руками. Это неприятное и одновременно эротическое зрелище. Секрет фокуса состоит в том, что в якобы пустом отсеке наклонно устанавливают самое обычное зеркало, и поэтому создается иллюзия, будто за ним ничего нет. К чему я веду речь? А к тому, что когда-то я видел подобный аттракцион на пустыре неподалеку от храма Гококудзи. Ну, ты знаешь, о чем я говорю: к этому пустырю можно выйти прямо с моста Эдогавабаси. Так вот, в отличие от других подобных аттракционов в нем была занята не женщина, а довольно-таки полный мужчина, одетый в грязный, залоснившийся костюм клоуна.

В этом месте Хонда на некоторое время умолк, словно пытаясь оценить, какое впечатление произвел на меня его рассказ, и затем, удостоверившись, что я слушаю его с подобающим вниманием, продолжал:

— Должно быть, ход моих мыслей тебе понятен. Что и говорить, отменный способ полностью замести следы, при этом целый день находясь на глазах у публики. Ведь лица его никто не видит! Такая мысль могла прийти на ум лишь оборотню вроде Сюдзэя. Кроме того, он нередко обращался к подобным аттракционам в своих произведениях, и вообще он большой любитель таких штук.

— Ну, а что дальше? — нетерпеливо прервал я Хонду.

Его спокойствие начинало меня раздражать.

— Понятное дело, вспомнив об этом аттракционе, я сразу же бросился к мосту Эдогавабаси. К счастью, балаган все еще находился там. Я заплатил за вход и стал наблюдать за мужчиной, который участвовал в этом аттракционе. «Как же все-таки увидеть его лицо?» — все время спрашивал я себя. И наконец меня осенило: несколько раз в день он наверняка выходит в туалет. И вот, запасшись терпением, я стал ждать, когда ему наконец понадобится выйти. Через некоторое время не слишком обширная программа подошла к концу и зрители стали расходиться. Я же по-прежнему терпеливо ждал. И вот наконец человек в ящике несколько раз хлопнул в ладоши.

Как раз в этот момент ко мне подошел ведущий и, объяснив, что у них сейчас перерыв, попросил меня выйти на улицу. Но странные хлопки мужчины в ящике меня заинтересовали. Обойдя балаган снаружи, я нашел в брезентовой стенке небольшую дырку. Заглянув в нее, я увидел, как ведущий помогает мужчине выбраться из ящика. Оказавшись на свободе — голова, разумеется, была у него на месте, — мужчина стремглав бросился в угол балагана и стал справлять нужду. По-видимому, хлопок в ладоши означал, что он больше не может терпеть. Ну не потеха ли? Ха-ха...

— Ты что же, пришел сюда, чтобы потешить меня забавной историей? — сердито оборвал я Хонду.

Тот сразу же сделался серьезным и сказал:

— Да нет. Дело в том, что я обознался. Опять неудача... И так все время. Просто на этом примере я хотел показать тебе, скольких трудов мне стоят эти розыски.

Разумеется, рассказ Хонды здесь можно было бы и не приводить, но он служит хорошей иллюстрацией к нашим долгим и безрезультатным поискам Сюдзэ Оэ.

И все же необходимо упомянуть об одном загадочном факте, который, как мне казалось, служит ключом к разгадке всей этой таинственной истории. Речь идет о парике, обнаруженном на голове покойного г-на Коямады. Решив, что парик был куплен где-нибудь в районе Асакусы, я обошел все заведения в том районе, торгующие подобными вещами, и в конце концов в лавке «Мацуи» на улице Тидзукатё напал на след. Здесь я нашел парик, очень похожий на тот, что был на покойном. По словам хозяина лавки, в точности такой парик он продал одному из своих заказчиков, только не Сюдзэ Оэ, как я предполагал, а самому Рокуро Коямаде.

Да, судя по описаниям хозяина лавки, покупателем был не кто иной, как г-н Коямада. Более того, заказывая парик, Коямада сообщил свою фамилию, а когда парик был готов (как раз в самом конце прошлого года), сам пришел за ним. По словам хозяина лавки, г-н Коямада приобретал парик для себя, считая, что лысина его уродует. Почему же тогда Сидзуко, его жена, ни разу не видела его в парике? Сколько я ни размышлял над этой загадкой, решить ее мне не удавалось.

Что же касается моих отношений с Сидзуко, то после смерти г-на Коямады они постепенно становились все более дружескими. Так уж получилось, что из советчика я вскоре превратился в ее покровителя. Даже родствен-

ники покойного г-на Коямады, зная о том, сколько внимания я уделил Сидзуко, начиная с известного обследования чердака, не считали возможным меня игнорировать. К тому же следователь Итосаки, обрадованный тем, что мы с Сидзуко находимся в дружеских отношениях, просил меня время от времени навещать ее и оказывать ей всяческую поддержку. Таким образом, я мог совершенно открыто бывать в доме Сидзуко.

Как я уже отмечал, Сидзуко с первой же нашей встречи прониклась ко мне чувством симпатии как к человеку, чьи книги были любимы ею, теперь же, когда нас связали столь сложные обстоятельства, она видела во мне свою единственную опору. Подобное развитие наших отношений было вполне естественным.

Встречаясь с Сидзуко, я ловил себя на том, что отошусь к ней иначе, нежели до смерти ее мужа, — если прежде она казалась мне совершенно недоступной, то теперь страсть, таившаяся в ее белоснежном теле, прелесть ее плоти, умевшей быть одновременно и неуловимой и удивительно осязаемой, внезапно приобрели для меня реальный смысл. И уж совсем нестерпимым мое желание стало тогда, когда я случайно увидел в спальне Сидзуко небольшой хлыст заграничной работы.

Ничего не подозревая, я спросил Сидзуко:

— Ваш муж увлекался верховой ездой?

На мгновение лицо Сидзуко побледнело, затем залилось яркой краской. Едва слышно она ответила:

— Нет.

Благодаря этой своей оплошности я неожиданно узнал тайну странных красных следов на спине Сидзуко. Теперь я вспомнил, что не раз с удивлением обращал внимание на то, что эти рубцы время от времени принимали иную форму. Но теперь... Значит, муж Сидзуко, этот добродушный лысый человек, обладал отвратительными наклонностями садиста!

Но это еще не все. Теперь, когда со дня смерти г-на Коямады прошел месяц, эти красные следы у Сидзуко исчезли. Как только я сопоставил свои наблюдения, мне уже не нужно было выслушивать объяснений Сидзуко, чтобы убедиться в собственной правоте.

Но почему после этого открытия я не переставал изнывать от желания? Быть может, и во мне, к стыду моему, таились порочные наклонности, присущие покойному г-ну Коямаде?

Двадцатого апреля, спустя ровно месяц после смерти Коямады, Сидзуко совершила паломничество в храм, а вечером пригласила родственников и друзей покойного мужа, с тем чтобы по буддийскому обычаю вознести молитвы духу усопшего. В числе прочих был приглашен и я. В тот вечер произошло еще два события (хотя на первый взгляд они не имели друг к другу никакого отношения, впоследствии выяснилось, что между ними все-таки существовала некая роковая связь), настолько потрясшие меня, что я, наверное, буду помнить их до конца жизни.

Мы с Сидзуко шли по темному коридору. После того как гости разошлись, я еще на некоторое время задержался, обсуждая с ней положение дел с розысками Сюдзэ. В одиннадцать часов я поднялся — засиживаться дольше было уже неприлично (что могла подумать прислуга?) — и направился к выходу, где меня уже ждало вызванное Сидзуко такси. Сидзуко пошла проводить меня до парадного. Так мы оказались с ней вдвоем в коридоре. Выходившие в сад окна коридора были открыты. Как только мы поравнялись с первым из них, Сидзуко вскрикнула и обеими руками обхватила меня.

— Что случилось? Что вы увидели?

Вместо ответа она, по-прежнему прижимаясь ко мне, одной рукой указала в сторону окна.

Вспомнив о Сюдзэ, я похолодел от страха, но тут же пришел в себя: в темноте сада между шелестящими листвой деревьями бежала белая собака.

— Да это же собака! Вы напрасно испугались, — сказал я, нежно взяв ее за плечо. Но хотя бояться было уже нечего, Сидзуко объятий не размыкала. Теплота ее тела внезапно передалась мне. Неожиданно для самого себя я стиснул ее в объятиях и приник губами к ее губам.

Не знаю уж, было ли это на счастье мне или на беду, но она не только не сделала ни малейшей попытки отстраниться, но, напротив, с какой-то застенчивой силой прижала меня к себе.

Случись все это не в день поминовения ее мужа, мы, наверное, не испытали бы такого острого чувства вины. В тот вечер мы не сказали друг другу боль-

ше ни слова и даже не посмели взглянуть друг другу в глаза.

Я сел в машину, но мысли мои по-прежнему были заняты Сидзуко. Мои губы все еще ощущали прикосновение ее горячих губ, моя грудь хранила жар ее тела, сердце бешено стучало.

Меня обуревали противоречивые чувства: то я готов был прыгать от счастья, то испытывал мучительные угрызения совести. Я смотрел в окно машины и ничего не видел.

И все же, как это ни странно для человека в моем состоянии, меня с самого начала не покидало ощущение, что в машине присутствует какая-то хорошо мне знакомая маленькая вещица. Погруженный в мысли о Сидзуко, я глядел перед собой, а эта вещица мелькала у меня перед глазами. «Почему, ну почему я все время смотрю в одну точку?» — рассеянно спрашивал я себя, и вдруг ответ нашелся сам собой.

На руках у водителя, грузного сутулого мужчины в поношенном синем демисезонном пальто, сидевшего за рулем, были элегантные дорогие перчатки, совсем не вязавшиеся с его обликом.

От моего взгляда не укрылось, что это были зимние перчатки, вовсе не подходящие для апрельской погоды. А главное — кнопка, вот что больше всего меня поразило! Круглый металлический предмет, который я обнаружил на чердаке в доме Коямады и принял за пуговицу, оказался не чем иным, как кнопкой от перчатки.

Разумеется, в беседе со следователем Итосаки я упомянул о найденной мною металлической пуговице, но, во-первых, тогда у меня не было ее при себе, и, во-вторых, поскольку личность преступника была уже известна, мы со следователем не придали значения такого рода улике. Скорее всего, эта пуговица так и лежала бы у меня в кармане жилета от зимнего костюма.

То, что этот металлический предмет может быть кнопкой от перчатки, мне и в голову не приходило. Очевидно, преступник находился на чердаке именно в этих перчатках и попросту не заметил, как кнопка оторвалась.

Но этого мало, меня ожидало еще одно поразительное открытие. На левой перчатке у водителя кнопки не было, там виднелось одно лишь металлическое гнездыш-

ко. А что, если на чердаке мною найдена кнопка от этой перчатки? Тогда...

— Послушайте,— окликнул я водителя.— Дайте мне на минутку ваши перчатки.

Удивленный столь неожиданной просьбой, водитель все-таки притормозил и послушно подал мне перчатки.

Как и следовало ожидать, на кнопке были выгравированы знакомые мне буквы R.K.BPOS CO. Теперь к владевшему мной удивлению примешалось чувство необъяснимого страха.

Отдав мне перчатки, водитель продолжал спокойно вести машину, по-прежнему не оборачиваясь, а я разглядывал его плотную фигуру, и мне в голову пришла сумасбродная мысль. Не сводя глаз с отражавшегося в зеркальце лица шофера, я внятным голосом произнес два слова: «Сюндэй Оэ...» Конечно, это было глупо с моей стороны, во-первых, потому, что выражение лица шофера абсолютно не изменилось, а во-вторых, потому, что Сюндэй Оэ никогда не стал бы действовать в духе Люпэна¹.

Когда машина остановилась перед моим домом, я щедро расплатился с водителем и еще ненадолго задержал его.

— Вы не помните, когда вы потеряли кнопку от перчатки?

— Да она с самого начала была без кнопки,— недоуменно ответил водитель.— Вообще-то это не мои перчатки. Я получил их вроде как в подарок от покойного Коямады. Наверное, без кнопки он не хотел их больше носить. Но они были еще совсем новые, вот он и отдал их мне.

— Как, сам Коямада?— невольно вырвалось у меня.— Тот самый, в доме которого я сейчас был?

— Да, тот самый. Я часто возил его на службу и со службы. Он очень хорошо ко мне относился.

— И как давно вы носите эти перчатки?

— Получил я их еще зимой, но все берег, уж больно они хороши. Сегодня в первый раз их надел — старые совсем порвались. А без перчаток плохо — руль выскальзывает из рук. Только не пойму, к чему вы все это спрашиваете?

¹ Л ю п э н Арсен — герой серии приключенческих романов французского писателя М. Леблана.

— Послушайте, не могли бы вы продать мне эти перчатки?

За соответствующую плату водитель в конце концов согласился расстаться с перчатками. Войдя в дом, я сразу же достал кнопку, найденную на чердаке, и что же? — она легко вошла в свое гнездышко на перчатке.

Бывают же такие совпадения! Сюдэй Оэ и Рокуро Коямада были обладателями одинаковых перчаток!

Позднее я пошел с этими перчатками в магазин «Идзумия» на Гиндзе, лучший из всех магазинов в городе, торгующих заграничными товарами. Взглянув на перчатку, хозяин магазина сказал, что в Японии подобных вещей не производят, что, скорее всего, это перчатки английского производства и что, насколько ему известно, в Японии отделений фирмы R.K.BPOS CO нет. Сопоставив эти сведения с тем фактом, что г-н Коямада до сентября позапрошлого года находился за границей, я сделал вывод, что владельцем перчаток был именно он, а следовательно, и оторванная кнопка принадлежала ему. Каким же образом в руки Сюдэя Оэ попали перчатки, которых в Японии приобрести нельзя, причем в точности такие, как у г-на Коямады?

«Итак, что же получается?» — размышлял я, опершись о стол и обхватив голову руками. «Получается... Получается...» — то и дело повторял я, пытаясь мобилизовать все свои аналитические способности и в конце концов разрешить эту загадку.

И вдруг мне в голову пришла интересная мысль. Я подумал, что длинная узкая улица, на которой стоит дом Коямады, тянется вдоль реки Сумидагава, а стало быть, этот дом находится на самом берегу реки. Действительно, я не раз любовался рекой из окон европейской части их дома, но теперь этот факт, как бы впервые осознанный, наполнился для меня новым смыслом.

У меня перед глазами вдруг возникла большая латинская буква U.

В верхнем левом конце этого U находится дом Коямады, в верхнем правом конце — дом его приятеля, к которому он ходил играть в го. А в самой нижней части расположен мост Адзумабаси. Как мы считали до сих пор, в тот вечер г-н Коямада вышел из правой точки U, спустился до конца этого U и там был убит. Но мы совсем забыли

о реке. А река течет в направлении от верхней части U к его нижней части. Тогда естественно предположить, что труп был найден не в том месте, где произошло убийство, а был отнесен течением реки к пристани у моста Адзумабаси.

Итак, труп был отнесен течением. Труп был отнесен течением. Но где же было совершено убийство?

Я все глубже и глубже погружался в трясину самых невероятных предположений.

9

На протяжении нескольких вечеров я напряженно сопоставлял факты. Я был настолько поглощен своими мыслями, что почти забыл о существовании Сидзуко, — как ни странно, даже ее красота была бессильна перед лицом охвативших меня сомнений.

За все это время я побывал у Сидзуко лишь два раза, и то только затем, чтобы кое-что уточнить. И каждый раз, закончив разговор, я сразу же прощался с ней и спешил домой. Наверняка это озадачивало ее, и, когда она выходила проводить меня до парадного, ее лицо выражало неподдельную тоску.

В результате пятидневных размышлений я пришел к поистине ошеломляющим выводам. Чтобы в будущем не повторяться, я приведу здесь выдержку из сохранившейся у меня докладной записки, которую я составил тогда на имя следователя Итосаки. Прийти к подобным выводам мог только автор детективных романов с присущей ему способностью фантазировать. Насколько это обстоятельство оказалось существенным, я понял позднее.

Вот эта выдержка из моей докладной записки.

«... Как только мне удалось установить, что найденная на чердаке кнопка принадлежала г-ну Коямаде, я обратил внимание на целый ряд обстоятельств, которые все это время не давали мне покоя.

Я сразу вспомнил о парике, обнаруженном на мертвом г-не Коямаде, о том, что парик был заказан им самим (по причинам, о которых я скажу позже, отсутствие на трупе одежды не особенно озадачивало меня), о том, что со смертью г-на Коямады внезапно перестали приходить зловещие письма Итиро Хираты, наконец, о

том, что г-н Коямада обнаруживал садистские наклонности, столь не вяжущиеся с обликом добропорядочного господина (кстати, как правило, в жизни именно так и бывает). Эти и многие другие обстоятельства, на первый взгляд казавшиеся нагромождением случайностей, постепенно стали выстраиваться в один логический ряд.

Для того чтобы убедиться в правильности своих предположений, я стал искать доказательства. Прежде всего я отправился к вдове г-на Коямады и с ее разрешения осмотрел кабинет покойного. Ведь ничто не способно лучше рассказать о характере и тайнах человека, чем его кабинет.

Не обращая внимания на недоумение г-жи Коямада, я почти полдня возился в кабинете ее покойного мужа, внимательно осматривая содержимое книжных шкафов и ящиков. В одном из книжных шкафов я обнаружил отделение, дверца которого была заперта на ключ. Попросив ключ от этой дверцы, я узнал, что г-н Коямада носил его на цепочке от часов и никогда с ним не расставался. Так было и в день его смерти: г-жа Коямада точно помнила, что он вышел из дома, сунув часы и ключ за пояс кимоно. Поскольку иного выхода не было, я уговорил г-жу Коямаду разрешить мне взломать дверцу.

В шкафу я обнаружил дневники г-на Коямады за несколько лет, пакеты с какими-то бумагами, связку писем, книги и множество других вещей. Внимательно осмотрев эти вещи, я отложил три из них, имеющие непосредственное отношение к делу.

Прежде всего мое внимание привлек дневник г-на Коямады за тот год, когда он женился на Сидзуко. За три дня до свадьбы на полях дневника красными чернилами была сделана следующая запись: «Узнал об отношениях Сидзуко с молодым человеком по имени Итиро Хирата. Как выяснилось, со временем она к нему охладела и на все его просьбы о встречах неизменно отвечала отказом. После того как ее отец разорился, она сумела исчезнуть из его поля зрения. Вот и хорошо. Дальнейшим выяснением ее прошлого заниматься не буду».

Выходит, что еще до свадьбы г-ну Коямаде каким-то образом удалось узнать тайну своей супруги. Но он никогда ни одним словом не обмолвился об этом.

Второй моей находкой был сборник рассказов Сюдзэя

Оэ под названием «Развлечения человека на чердаке». Наличие такой книги в кабинете делового человека в достаточной мере странно, не правда ли? Я просто отказывался верить своим глазам, пока г-жа Сидзуко не объяснила мне, что ее муж был большим книголюбом. В начале книги помещен фотографический портрет Сюдзэ Оэ, а на последней странице, рядом с выходными данными, указано подлинное имя автора — Итиро Хирата. Полагаю, что на это следует обратить внимание.

И наконец, среди прочих вещей г-на Коямады мною был найден двенадцатый номер журнала «Синсэйнэн», который выпускает издательство «Хакубункан». В этом номере произведений Сюдзэ нет, зато на фронтисписе в виде факсимиле в натуральную величину воспроизведено полстраницы какой-то из его рукописей, а под репродукцией подпись: «Фрагмент новой рукописи г-на Сюдзэ Оэ». Рассмотрев эту репродукцию на свету, я заметил на меловой бумаге вмятины, как бывает, когда проводишь по бумаге ногтем. Не иначе как по этим строкам, наложив сверху листок тонкой бумаги, кто-то не раз водил карандашом. Мне сделалось страшно от того, как одно за другим подтверждались мои, казалось бы, невероятные предположения.

В тот же день я попросил г-жу Коямаду показать мне перчатки, которые ее муж привез из-за границы. Поиски заняли немало времени, но в конце концов она появилась с парой перчаток, в точности таких, какие я купил накануне у водителя. Передавая их мне, она с недоуменным видом заметила, что вторую пару найти не смогла.

Все эти вещественные доказательства: дневник, книгу, журнал, перчатки и кнопку, найденную на чердаке, — я могу предъявить Вам по первому же требованию.

Помимо названных, в моем распоряжении имеется еще несколько любопытных улик, на которых я остановлюсь несколько позже. Однако уже на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что г-н Рокуро Коямада был страшным человеком и что, скрываясь под маской доброго и преданного мужа, он строил чудовищные по своему коварству планы.

В связи с этим возникает вопрос: не слишком ли мы увлеклись личностью Сюдзэ Оэ? Не получилось ли так, что, зная о его жестоких произведениях и не уклады-

вающемся в привычные рамки образе жизни, мы позволили себе сделать из этого единственный вывод: никто, кроме Сюдэя, не способен на такое преступление.

Но чем в таком случае объяснить его бесследное исчезновение? Если исходить из того, что преступник именно он, это совершенно непонятно. Может быть, нам никак не удастся его найти именно потому, что он невиновен? Вполне вероятно, что он скрылся из виду по причине свойственной ему нелюдимости, а чем известнее он становился, тем быстрее прогрессировала в нем эта своеобразная болезнь. Возможно, как Вы сами когда-то предположили, он бежал за границу. Быть может, сейчас он живет где-нибудь в Шанхае и покуривает себе трубку, пропуская дым через воду, как это делают китайцы.

Если предположить, что преступник в самом деле Сюдэй Оэ, как тогда объяснить его поведение после убийства г-на Коямады? Получается, что человек, долгие годы тщательно и целенаправленно разрабатывавший свой план мести, убил г-на Коямаду, то есть выполнив задачу не первостепенной важности, вдруг ни с того ни с сего забывает о своей главной цели и все бросает на полпути. Любому, кто читал его произведения и знает о его образе жизни, подобное поведение покажется абсурдным.

Существует и другое обстоятельство, еще более красноречиво свидетельствующее против нашей первоначальной версии. Как, например, Сюдэю удалось потерять на чердаке кнопку от перчатки, которая принадлежала г-ну Коямаде? Если принять во внимание, что эти заграничные перчатки в Японии не продаются, а также то, что на одной из перчаток, которые г-н Коямада отдал шоферу такси, кнопка была оторвана, то нелепо считать, будто на чердаке находился не г-н Коямада, а Сюдэй Оэ. (Здесь, правда, может возникнуть вопрос, почему г-н Коямада столь легкомысленно передал эту важную улику в руки шофера. Однако все дело в том, что с точки зрения юридической он не совершал ничего противозаконного. Пребывание на чердаке служило для него просто развлечением, хотя и несколько необычного свойства. Поэтому потерянная кнопка, пусть даже она была потеряна на чердаке, для него не имела значения. Он не чувствовал себя преступником, и поэтому ему не нужно было допытываться у себя: «Когда я потерял эту кнопку?

Не на чердаке ли? Не может ли она послужить уликой против меня?»)

У меня есть и другие доказательства невинности Сюдэя. Г-н Коямада хранил уже упоминавшиеся мною дневник, книгу рассказов Оэ и журнал в запертом шкафу, а единственный ключ от шкафа всегда держал при себе, что не только позволяет подозревать г-на Коямаду в злонамеренности, но и полностью отменяет версию, по которой Сюдэй Оэ мог нарочно подбросить эти вещи в шкаф, чтобы скомпрометировать г-на Коямаду. В самом деле, подделать запись в дневнике он не смог бы, равно как не смог бы и получить доступ к шкафу.

На основании вышеизложенного можно прийти к единственному выводу: Сюдэй Оэ, он же Итиро Хирата, в виновность которого мы с такой легкостью уверовали, с самого начала не имел никакого отношения к убийству г-на Коямады.

Нас ввел в заблуждение обманчивый облик г-на Коямады. Нам трудно было представить себе, что этот респектабельный с виду господин может быть таким коварным и двуличным, что этот мягкий и преданный муж, оказываясь в своей спальне, сразу же превращался в демона, хлеставшего несчастную Сидзуко привезенным из-за границы хлыстом. Но случаи, когда в одном человеке уживаются добропорядочный муж и коварный демон, не столь уж редки. Наверное, можно даже сказать, что, чем более мягок и прекрасоушен человек, тем легче он может поддаться власти дьявола.

Позволю себе изложить свою точку зрения на события, связанные со смертью г-на Коямады.

Четыре года назад г-н Рокуро Коямада по делам фирмы отправился за границу. За два года он побывал в Лондоне и еще в нескольких европейских столицах. По-видимому, там и расцвели пышным цветом его порочные наклонности (от его сотрудников мне удалось кое-что узнать о его любовных похождениях в Лондоне). С возвращением г-на Коямады на родину в сентябре позапрошлого года дурная привычка, уже ставшая его второй натурой, лишь усугубилась, как только он оказался рядом с беззаветно любящей его Сидзуко.

Опасность подобного рода наклонностей заключается не только в том, что от них впоследствии трудно

избавиться, так же, как, скажем, от пристрастия к морфию, но и в том, что с течением времени они приобретают характер прогрессирующего недуга. Подверженный им человек начинает искать все новых, еще более острых ощущений. Сегодня его уже не удовлетворяют те средства, к которым он прибегал вчера.

Нетрудно себе представить, что в один прекрасный день г-н Коямада обнаружил, что, стегая Сидзуко хлыстом, он больше не испытывает удовлетворения. Тогда с одержимостью маньяка он ринулся на поиски новых возбудителей. Как раз в это время он услышал от кого-то о рассказе Сюдзэ Оэ «Развлечения человека на чердаке» и, заинтересовавшись его необычным названием, решил во что бы то ни стало прочитать его. И здесь он обрел близкую себе душу — человека, одержимого теми же пороками.

Насколько полюбилась ему эта книга, видно хотя бы по тому, что он из нее извлек. Дело в том, что в этом рассказе Сюдзэй постоянно убеждает читателя в совершенно непостижимом удовольствии, которое можно испытать, незаметно подглядывая за человеком (особенно если этот человек — женщина), находящимся наедине с самим собой. Легко представить себе, сколь созвучным оказалось это откровение помыслам г-на Коямады. Подобно герою рассказа Сюдзэ, он превратился в человека на чердаке и незаметно наблюдал оттуда за своей женой.

Ворота в доме Коямады находятся на почтительном расстоянии от прихожей, поэтому, входя во двор, он без особого труда, никем не замеченный прокрадывался в кладовку, оттуда проникал на чердак и оказывался как раз над комнатой жены. Я даже рискну утверждать, что в те часы, когда г-н Коямада якобы играл в го с приятелем, он на самом деле находился на чердаке.

Далее, увидев в конце книги «Развлечения человека на чердаке» подлинное имя ее автора, г-н Коямада заподозрил, что Сюдзэй и Итиро Хирата, бывший некогда любовником Сидзуко и наверняка затаивший обиду на нее, — одно и то же лицо. Тогда г-н Коямада начал собирать статьи, имеющие отношение к Сюдзэю Оэ, вникать во всевозможные сплетни о нем и, таким образом, в конце концов узнал о его отношениях с Сидзуко, о том, что в повседневной жизни Сюдзэй болезненно сторонил-

ся людей, и о том, что в последнее время он вовсе перестал писать и куда-то исчез.

Итак, в книге «Развлечения человека на чердаке» г-н Коямада одновременно отыскал и близкую себе душу, одержимую теми же порочными страстями, что и он сам, и бывшего любовника своей жены, к которому он не мог не испытывать ревности и неприязни. Вот на какой почве у него созрела мысль сыграть свою злую шутку.

Идея тайного подсматривания за женой, безусловно, заинтересовала его, однако для человека с садистскими наклонностями одного этого было мало. С изощренной изобретательностью больного он принялся искать нового, более действенного, более жестокого способа удовлетворения своей чувственности, способного заменить хлыст. Так он пришел к мысли разыграть спектакль со зловещими «письмами» Итиро Хираты. У него оказался журнал «Синсэйнэн» с фотографией рукописи Сюдзэ. Чтобы сделать этот спектакль еще более интересным и достоверным, он стал методично изучать по этой фотографии почерк Сюдзэ. Об этом свидетельствуют вмятины от карандаша на обложке журнала.

Свои письма г-н Коямада отправлял через определенные промежутки времени, причем из разных почтовых отделений. Это не представляло для него особой сложности: ему приходилось постоянно разъезжать на машине по делам фирмы.

Что же касается содержания писем, то в газетах и журналах он мог почерпнуть достаточно сведений о Сюдзэ, а подробности о жизни Сидзуко он знал из своих наблюдений с чердака. К тому же он как-никак был мужем Сидзуко. Он, конечно, помнил, что и как говорила Сидзуко в минуты супружеской близости, а позднее все это описывалось в письмах якобы от Сюдзэ. Поистине дьявольская уловка! Присвоив себе чужое имя, он предавался преступному развлечению, посылая жене леденящие душу письма, и одновременно испытывал злорадство, наблюдая с чердака за тем, с каким трепетом их читала Сидзуко. При этом он, однако, не забывал и о хлысте! Почему я так считаю? А потому, что лишь после смерти г-на Коямады у Сидзуко перестали появляться кровавые следы. Однако не следует думать, будто г-н Коямада истязал свою жену из чувства ненависти к ней. Напротив, он прибегал к такой жестокости именно потому, что без памяти любил ее. Такова уж психология

людей с извращенными сексуальными наклонностями, и Вам это хорошо известно.

Вот, собственно, и все мои доводы в пользу того, что сочинителем и отправителем страшных писем был не кто иной, как Рокуро Коямада.

Теперь возникает вопрос: каким образом все эти, казалось бы, невинные развлечения психически неполноценного человека повлекли за собой столь трагическую развязку? Почему они окончились плачевно прежде всего для самого г-на Коямады? Как случилось, что он, голый, в парике, оказался в воде у моста Адзумабаси? Кто, наконец, нанес ему раны? Если считать, что Сюдзэй Оэ не имел отношения к этому происшествию, смерть г-на Коямады должна объясняться какими-то иными причинами. Позволю себе поделиться с Вами своими соображениями на этот счет.

Мне кажется, что в этом деле не было ни преступления, ни убийцы: г-н Коямада погиб всего лишь по вине несчастного случая. Быть может, боги прогневались на него за все его прегрешения, и его постигла небесная кара.

«Но как же тогда быть с тяжелыми ранами, обнаруженными на его спине?» — спросите Вы. К этому вопросу я еще вернусь, здесь же мне хочется рассказать по порядку, на каком основании у меня возникло вышеизложенное предположение.

Толчком к этой догадке послужил парик г-на Коямады. Наверное, Вы помните, что 17 марта, то есть на следующий день после моего обследования чердака, Сидзуко перевела спальню на второй этаж европейской части дома. Я не знаю, каким образом ей удалось убедить мужа в целесообразности подобного шага и почему г-н Коямада счел возможным согласиться с нею, но, как бы то ни было, с того дня он лишился возможности наблюдать за Сидзуко с чердака. Однако можно предположить, что к тому времени это занятие уже успело ему наскучить. Быть может, благодаря этой перемене он придумал новую хитроумную забаву. Вот тут-то я и подумал о парике, который был заказан им самим. Поскольку этот парик был приобретен еще в конце прошлого года, поначалу он, по-видимому, предназначался для каких-то иных целей, но теперь оказался как нельзя более кстати.

В книге «Развлечения человека на чердаке», как я уже упоминал, имеется фотографический портрет Сюдзэя. В

отличие от лысого г-на Коямады Сюдзэй на этом снимке, сделанном в молодости, предстает с пышной шевелюрой. Поэтому, если г-н Коямада задумал прибегнуть к еще более изощренному по сравнению с письмами и подглядыванием с чердака способу запугивания Сидзуко и решил на сей раз показаться в окне спальни в обличье Сюдзэя, то ему прежде всего необходимо было замаскировать главную свою примету — лысину. Тут-то и пригодился парик. В парике он мог не беспокоиться, что объятая страхом Сидзуко его узнает: во-первых, темнота надежно скрывала его лицо, а во-вторых, ему не обязательно было надолго оставаться у окна (именно мгновенность его появления в окне сулила наибольший эффект).

Ночью 19 марта г-н Коямада вернулся от своего приятеля из Коумэ. Калитка была еще не заперта, и он, чтобы слуги его не заметили, прямо из сада потихоньку пробрался в свой кабинет на первом этаже (как рассказывала мне Сидзуко, ключ от кабинета, равно как и ключ от упомянутого мной книжного шкафа, он всегда держал при себе). Стараясь двигаться бесшумно, чтобы его не услышала жена, он надел парик и выскользнул в сад. Затем залез на дерево, а оттуда перебрался на карниз и таким образом подкрался к окну спальни. По времени это совпадает с рассказом Сидзуко об увиденном ею в окне человеческом лице.

Итак, нам осталось лишь выяснить причину гибели г-на Коямады. Но прежде, чем сказать об этом, я должен хотя бы вкратце обрисовать место происшествия, где я специально побывал во второй свой визит к Сидзуко после того как начал подозревать г-на Коямаду.

Я не стану пускаться в пространные описания, поскольку у Вас есть возможность самолично побывать там и увидеть все собственными глазами. Скажу лишь о самом важном.

Окно спальни выходит на реку Сумидагава. Сразу под окном начинается бетонный забор, из соображений экономии построенный таким образом, что он упирается в довольно высокую скалу. От верхней части забора до поверхности воды примерно четыре метра, а от забора до окна на втором этаже — около двух метров.

Можно предположить, что, передвигаясь по карнизу (а он, надо сказать, чрезвычайно узкий), г-н Коямада

случайно оступился и полетел вниз. В лучшем случае он мог упасть на землю между домом и забором (несмотря на то, что забор построен почти вплоты к дому, там оставался вполне достаточный зазор), в противном случае он должен был сорваться прямо в реку. Судя по всему, именно это и произошло с г-ном Коямадой.

Как только я уточнил направление течения реки, мне стало ясно, что г-н Коямада упал в воду не в том месте, где был обнаружен труп. Туда труп был принесен течением. Я знал, что дом г-на Коямады выходит на реку и что мост Адзумабаси расположен ниже по течению. Поэтому я убежден, что г-н Коямада упал в реку, сорвавшись с карниза собственного дома. Однако многое еще оставалось для меня загадкой, ведь г-н Коямада умер не от падения в воду, а от нанесенных ему ран.

И вот неожиданно мне на память пришел один эпизод, описанный Мокусабуто Намбой в его книге «Новейшие принципы раскрытия преступлений». Он очень напоминает случай с г-ном Коямадой. Я часто обращаюсь к этой книге, когда работаю над своими детективными произведениями, и поэтому хорошо помню ее содержание. Вот что говорится в книге:

«В середине мая 1917 года в городе Оцу префектуры Сига к волнорезу, построенному паровой компанией на озере Тайко, прибило труп мужчины. На голове трупа были обнаружены раны, нанесенные каким-то острым предметом. Патологоанатом вынес заключение, что смерть наступила в результате черепных ран. В то же время, поскольку в брюшной полости трупа была обнаружена вода, врач пришел к заключению, что сразу после убийства труп был сброшен в воду. Все это дало основание считать данное происшествие уголовным преступлением и начать следствие. Но поскольку личность потерпевшего установить не удалось, следствие топталось на месте.

Через несколько дней, однако, в полицейское управление Оцу поступило заявление от одного ювелира по фамилии Сайто, проживавшего на улице Дзё-фукудзидори в городе Киото. В нем сообщалось об исчезновении его служащего Сигэдзо Кобаяси, двадцати трех лет от роду, который служил продавцом в его ювелирном магазине. Поскольку внешность и одежда убитого соответствовали описанию ювелира, его сразу же вызва-

ли в полицейское управление и предложили опознать труп. В результате не только выяснили личность убитого, но и установили, что он вовсе не был убит, а покончил жизнь самоубийством. Сайто показал, что перед своим исчезновением покойный оставил записку, в которой признавался в растрате крупной суммы хозяйских денег и сообщал о намерении покончить с собой. Что же касается обнаруженных на голове ран, то они были нанесены гребным винтом парохода, с кормы которого самоубийца бросился в озеро».

Не вспомни я об этом происшествии, мне, наверное, никогда не пришло бы в голову связать гибель г-на Коямады со сходными причинами. На первый взгляд они действительно могут показаться маловероятными, однако во многих случаях реальность оказывается сложнее и запутаннее самых нелепых фантазий. Разве в реальной жизни не случается порой совершенно невероятное и невообразимое? Разумеется, я далек от мысли, что г-н Коямада тоже был задет гребным винтом какого-нибудь судна, ведь по реке Сумидагава в час ночи пароходы не ходят, да и вскрытие показало, что г-н Коямада не утонул.

Тогда каким образом на спине г-на Коямады появились эти глубокие порезы? Чем они сделаны? Ответ прост: осколками стекла на заборе. Должно быть, Вы и сами заметили, что верхняя часть забора усыпана осколками. В некоторых местах они довольно крупные и вполне могли послужить причиной глубоких ран, какие были обнаружены на теле г-на Коямады. Падая с карниза, он с силой ударился о забор и тяжело поранился об эти осколки. Этим же объясняется и происхождение прочих, незначительных порезов, соседствующих с глубокими ранами.

Итак, г-н Коямада оказался сам во всем виноват и постыдно погиб из-за собственных порочных наклонностей. Оступившись, он сорвался с карниза, упал на забор и, получив смертельные раны, свалился в реку, а течение отнесло его труп к туалету на пристани у моста Адзумабаси.

Этим в основном и исчерпываются мои соображения по поводу дела о смерти г-на Коямады.

К сказанному мне остается добавить лишь несколько слов в связи с тем, что покойный был найден почти голым. Дело в том, что в окрестностях Адзумабаси всегда

околачивается всякий сброд: бродяги, нищие, воры. Поскольку на г-не Коямаде в тот вечер была дорогая одежда (шелковое авасэ и добротная накидка-хаори), да к тому же при нем были серебряные карманные часы, кто-нибудь из этих людей, воспользовавшись тем, что в поздний час никого поблизости не было, попросту похитил эти вещи. (Примечание: это мое предположение впоследствии подтвердилось — один бродяга был задержан с поличным.)

Наконец, может возникнуть вопрос: почему находившаяся в спальне Сидзуко не слышала шума от падения тела в воду? Но, во-первых, нельзя забывать, что она была смертельно напугана, во-вторых, окно в доме, построенном, кстати сказать, из бетона, было плотно закрыто, и, в-третьих, это окно находится на значительном удалении от поверхности воды. Кроме того, даже если бы Сидзуко и услышала всплеск, она легко могла принять этот звук за шум весел какой-нибудь груженной лодочки, которые иногда среди ночи проплывают здесь по реке.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что расследуемое Вами дело не имеет ничего общего с преступлением и, строго говоря, сводится к шутке, хотя последняя и повлекла за собой трагическую смерть г-на Коямады в результате несчастного случая. Подчеркиваю: именно несчастного случая, потому что иначе невозможно объяснить странное поведение г-на Коямады, который передал в руки шофера уличающую его перчатку, заказал на собственное имя парик и оставил в книжном шкафу несомненные доказательства своей вины...»

Возможно, выдержка из моей докладной записки получилась слишком длинной, однако я все-таки рискнул ее здесь привести, потому что без знания этих моих соображений невозможно понять всего того, о чем пойдет речь ниже.

Итак, в своей докладной записке я пришел к выводу, что Сюдзэй Оэ с самого начала не имел отношения к загадочной смерти Рокуро Коямады. Но так ли было на самом деле? Если да, то сведения о нем, которые я изложил в первой части своих записок, теряют всякий смысл.

Судя по записи в моем дневнике, докладную записку я составил 28 апреля. Однако прежде чем отнести ее следователю, я решил дать Сидзуко возможность ознакомиться с ней. Мне хотелось, чтобы она наконец успокоилась и поняла, что бояться угроз Сюдзэя Оэ больше нет оснований.

С этим намерением на следующий день я и отправился к Сидзуко. С тех пор как я начал подозревать г-на Коямаду, я посетил Сидзуко дважды, производя в ее доме нечто вроде обыска, однако до сих пор своими соображениями с ней не делился.

Как раз в это время решался вопрос о разделе имущества покойного г-на Коямады, и Сидзуко изо дня в день осаждали родственники. Оказавшаяся почти беспомощной под натиском обрушившихся на нее новых хлопот, она встретила меня с нескрываемой радостью, как будто мое появление снимало с нее бремя всех забот и проблем.

Как только Сидзуко, как обычно, провела меня в свою комнату, я сразу же, без предисловий, сказал:

— Сидзуко-сан, теперь вам не о чем больше тревожиться. Сюдзэй Оэ с самого начала был в этом деле ни при чем.

Это мое заявление озадачило Сидзуко. Конечно же, она ничего не могла понять. Тогда я достал свою докладную записку и принялся читать ее вслух в той же манере, в какой нередко читал друзьям свой новый детективный рассказ. Во-первых, мне не терпелось успокоить Сидзуко, посвятив ее в суть дела, а во-вторых, мне было интересно узнать ее мнение о записке, с тем чтобы исправить неточности в моих рассуждениях, если они обнаружатся.

Конечно, читать Сидзуко те страницы, где говорилось о садистских наклонностях г-на Коямады, было с моей стороны жестоко. И верно, Сидзуко при этом густо краснела и, казалось, готова была провалиться сквозь землю от стыда. Когда я перешел к рассуждениям о перчатке, она заметила:

— Да, я хорошо помню, что должна быть еще одна пара, и никак не могу понять, куда она запропастилась.

Мое предположение о том, что г-н Коямада погиб в

результате несчастного случая, она встретила с заметным удивлением, но ничего не сказала, лишь слегка побледнела.

Когда я кончил читать, она задумчиво протянула. «Да-а...» — и надолго погрузилась в свои мысли.

Постепенно на лице Сидзуко стало проступать чуть заметное выражение умиротворенности. Казалось, узнав о том, что письма Сюндэя были подделкой и что теперь ей не нужно опасаться за свою жизнь, она впервые за долгие месяцы обрела душевное спокойствие. Кроме того, я подумал (да простится мне это эгоистичное предположение!), что, узнав об отвратительных поступках г-на Коямады, она избавилась от угрызений совести из-за запретного чувства ко мне.

— Так вот, значит, как он меня истязал, а я-то, я... — наконец проговорила Сидзуко, и в этих ее словах чувствовалась радость женщины, увидевшей возможность оправдать себя в собственных глазах.

Было время ужина, Сидзуко вдруг засуетилась и, принеся вино и закуски, стала меня угощать. Я же, довольный тем, что моя докладная записка не вызвала никаких возражений с ее стороны, только и делал, что подставлял свой бокал всякий раз, как она предлагала мне налить еще. Обычно я легко пьянею. Вот и тогда вино быстро ударило мне в голову, только вопреки обыкновению я почему-то впал в меланхолическое настроение и принялся молча разглядывать сидящую передо мной женщину.

Сидзуко выглядела довольно изможденной, но это не лишало ее обычной привлекательности. Бледность была природным свойством ее кожи, и в теле ее по-прежнему таилась грациозная и упругая сила. Она всегда как бы светилась изнутри, и сейчас тоже ей было присуще это непостижимое очарование. Контуры ее фигуры в кимоно из старинной фланели казались мне как никогда прежде обворожительными. Глядя на пленительные линии ее рук и ног, скрытых колеблющейся при каждом движении тканью, я мысленно дорисовывал все остальное.

Пока мы с Сидзуко вели рассеянную беседу, в моей затуманенной голове созрел сумасшедший замысел. Он состоял в том, чтобы снять какой-нибудь уединенный домик, который станет местом наших тайных встреч.

Едва дождавшись ухода прислуги, я привлек к себе Сидзуко и стал осыпать ее лицо поцелуями. Сжимая ее в объятиях и ощущая через ткань тепло ее тела, я на ухо шептал ей о только что созревшем у меня замысле. Слушая меня, Сидзуко не только не пыталась отстраниться, но, напротив, согласно кивала головой.

Как описать наши встречи, эти двадцать дней блаженства, пролетевшие, словно в бреду?

Я снял небольшой домик в Нэгиси, по виду напоминающий старинный амбар, и договорился, чтобы в наше отсутствие за ним присматривала старушка из соседней лавчонки, торгующая дешевыми сладостями. Этот домик и стал местом наших упоительных свиданий. Мы заранее улаживались с Сидзуко о встрече и приходили туда, как правило, в дневное время. Здесь, в этом домике, я впервые изведаль, что значит яростная, неистовая страсть женщины.

Впрочем, здесь не место углубляться в мои любовные перипетии. Когда-нибудь я напишу об этом отдельную книгу, сейчас же ограничусь рассказом о любопытном факте, который узнал от Сидзуко в одну из наших встреч.

Речь идет о парике г-на Коямады. Оказывается, он стыдился своей лысины и не хотел показываться жене в неприглядном виде. Поэтому он и решил приобрести парик. Когда он поделился своим намерением с Сидзуко, та со смехом принялась его отговаривать, но он заупрямился, точно ребенок, и сделал по-своему.

— Почему вы до сих пор молчали об этом? — спросил я Сидзуко.

— Но мне было неловко рассказывать о таких вещах, — ответила она.

После двадцати дней наших тайных встреч с Сидзуко я подумал, что не появляться долее в ее доме неприлично, и как-то раз с невинным видом вошел в ее гостиную. Проведя с ней час в самых что ни на есть благопристойных беседах, я вызвал такси и поехал домой. По неожиданному стечению обстоятельств шофером оказался тот самый Миндзо Аоки, у которого я когда-то купил перчатки. И вот из-за этой случайной встречи я снова погрузился в, казалось бы, навсегда оставивший меня кошмар.

Если не считать перчаток, все было таким же, как

месяц назад: и руки, лежащие на баранке, и старое синее демисезонное пальто (оно было надето прямо на рубашку), и напряженные плечи, и ветровое стекло, и зеркальце над ним.

Я вспомнил, как прошлый раз, решив испытать водителя, произнес: «Сюндэй Оэ». И в моей голове сразу же всплыли и лицо Оэ на фотографии, и зловещие его произведения, и воспоминания о его странном образе жизни. В конце концов у меня даже возникло ощущение, что со мной в машине сидит Сюндэй. Неожиданно для самого себя я обратился к шоферу:

— Послушайте, Аоки, когда вам все-таки подарил перчатки господин Коямада?

— Что? — В точности как месяц назад шофер повернулся ко мне и с тем же изумленным выражением лица произнес: — Когда, спрашиваете? Точно помню, что в прошлом году, в ноябре... Пойдите, пойдите, как раз в тот день я получил зарплату и еще подумал, что в этот день мне часто делают подарки. Значит, это было двадцать восьмого ноября. Точно, ошибки быть не может.

— Так, значит, двадцать восьмого ноября... — повторил я за ним как в забытьи.

— Не пойму я что-то, почему эти перчатки не дают вам покоя. Может, какая история с ними связана?

Не отвечая на его вопрос, я всматривался в небольшое пятнышко на ветровом стекле. Мы, должно быть, проехали четыре или пять кварталов, а я все так и сидел, погруженный в свои мысли. Вдруг я встрепенулся и, тронув водителя за плечо, чуть ли не закричал:

— Послушайте, это было в самом деле двадцать восьмого ноября? Вы смогли бы повторить это на суде?

Водитель забеспокоился.

— На суде, говорите? Видать, дело серьезное. Но перчатки я получил точно двадцать восьмого. У меня и свидетель есть, мой помощник. Он присутствовал при этом. — Аоки отвечал обстоятельно, видимо понимая, сколь важен для меня его ответ.

— Знаете что, поворачивайте назад! — приказал я шоферу, и тот, явно перепугавшись, послушно развернул машину.

Подъехав к дому Коямады, я выскочил из машины и вбежал в переднюю. Схватив за руку служанку, я без всяких предисловий выпалил:

— Скажите, верно, что в конце прошлого года в этом доме снимались и мылись щелоком все потолочные перекрытия? — Как я уже говорил, об этом мне стало известно со слов Сидзуко в тот день, когда я поднимался на чердак.

Служанка наверняка решила, что я помешался в рассудке. Смерив меня недоверчивым взглядом, она сказала:

— Да, верно. Только не щелоком, а обычной водой. Мы приглашали специального человека. Это было как раз двадцать пятого декабря.

— Потолки мылись во всех комнатах?

— Да, во всех.

В это время в прихожей появилась Сидзуко, по-видимому, услышавшая наш разговор.

— Что случилось? — спросила она, с тревогой глядя мне в лицо.

Я повторил ей свои вопросы, и она ответила на них точно так же, как служанка. Наскоро откланявшись, я снова сел в машину и велел везти меня домой. Удобно устроившись на мягком сиденье, я принялся мысленно рассуждать.

Итак, 25 декабря в доме Коямады во всех комнатах снимали и мыли потолочные перекрытия. Кнопка, найденная мною на чердаке, вне всякого сомнения, была от перчаток, принадлежавших г-ну Коямаде. Тогда выходит, что эта кнопка оторвалась от перчатки прежде, чем попала на чердак. О чем же говорит этот факт, по своей загадочности сопоставимый разве что только с теорией Эйнштейна?

На всякий случай я побывал в гараже у Миндзо Аоки и побеседовал с его помощником. Тот подтвердил, что перчатки были получены именно 28 ноября. Повидался я и с подрядчиком, который производил уборку в доме Коямады. Он назвал мне ту же дату, что и Сидзуко со служанкой, а именно 25 декабря. Он также заверил меня, что тщательно снимал все потолочные перекрытия и никаких, даже самых мелких предметов на чердаке остаться не могло.

Для того чтобы вопреки очевидной софистике утверждать, что кнопка была оставлена на чердаке именно г-ном Коямадой, приходится сделать единственное допущение. А именно: оторвавшаяся от перчатки кнопка осталась в кармане г-на Коямады. Не подозревая об этом, он отдал перчатки шоферу. Спустя по меньшей ме-

ре месяц, а еще более вероятно — три месяца (ведь угрожающие письма начали приходить в феврале), г-н Коямада поднялся на чердак, кнопка выпала у него из кармана и таким окольным путем оказалась на чердаке.

Однако странно, что кнопка от перчатки осталась не в кармане пальто, а в пиджаке. (В самом деле, перчатки чаще всего держат в кармане пальто. Предположение же, что г-н Коямада поднимался на чердак в пальто, абсурдно. Впрочем, и костюм не вполне подходит для такого случая.) Кроме того, стал бы такой богатый человек, как г-н Коямада, зимой ходить в том же костюме, который носил в ноябре? Передо мной вновь возникла зловещая тень чудовища во мраке — Сюдзэ Оэ.

А что, если меня ввела в заблуждение одиозная личность г-на Коямады (материал, поистине достойный современного детективного романа)? Тогда, быть может, г-н Коямада не погиб в результате несчастного случая, а был убит?

Сюдзэй Оэ... Что и говорить, прочно вошел в мою жизнь этот загадочный призрак.

Стоило сомнению поселиться в моей душе, как все события сразу же представились мне в ином свете. Если задуматься, просто смешно, с какой легкостью я, всего лишь писатель-фантаст, пришел к выводам, изложенным в моей докладной записке. К счастью, я еще не успел переписать ее набело: во-первых, меня не покидало чувство, что в ней что-то не так, а во-вторых, все это время голова у меня была занята Сидзуко. Но теперь моя нерасторопность обернулась благом.

Если основательно вникнуть в существо дела, в нем окажется слишком много улик. Они буквально поджидали меня на каждом шагу, так и просились в руки. А ведь не кто иной, как Сюдзэй, писал, что именно в том случае, когда имеешь дело с избытком улик, следует насторожиться.

Прежде всего, нельзя признать убедительным мое утверждение, будто угрожающие письма писал г-н Коямада, ловко подделывая почерк Сюдзэ. Еще Хонда говорил мне, что воспроизвести своеобразный стиль Сюдзэ очень трудно. Это было тем более не под силу г-ну Коямаде, дельцу, весьма далекому от литературных занятий.

Тут я вспомнил о рассказе Сюдзэ под названием «Почтовая марка», в котором повествуется о том, как страдающая истерией жена какого-то профессора медицины из ненависти к мужу подстроила все таким образом, что на него пало подозрение в убийстве. Уликой послужило написанное профессором письмо, в котором он подделал почерк жены. Я подумал о том, что в деле Коямады Сюдзэй мог прибегнуть к аналогичному средству, рассчитывая заманить свою жертву в ловушку.

В самом деле многое представляется перенесенным в жизнь из сочинений Сюдзэ Оэ. Так, подсматривание с чердака и роковая кнопка фигурируют в рассказе «Развлечения человека на чердаке», копирование почерка Сюдзэ дублирует уловку героини «Почтовой марки», а следы на спине Сидзуко с той же очевидностью внушают мысль о сексуальных извращениях, как и в соответствующем эпизоде из рассказа Сюдзэ «Убийство в городе В.». Да что ни возьми: и порезы на теле Коямады, и его труп в туалете на пристани — все детали этого дела явственно свидетельствуют о почерке Сюдзэ.

Но не слишком ли очевидна эта цепь совпадений? С начала и до конца над всеми событиями веял призрак Сюдзэ Оэ. Мне даже казалось, что и свою докладную записку я составлял, неосознанно следуя его замыслу. Уж не движет ли мной воля Сюдзэ?

Не разум, а интуиция подсказывала мне, что где-то Сюдзэй все-таки должен быть. Я даже видел холодный, колючий блеск его глаз. Да, но где же?

Обо всем этом я размышлял, лежа поверх одеяла на кровати в своей комнате. В конце концов, устав от всех этих неразрешимых вопросов, я заснул. А когда проснулся, меня осенила ошеломляющая догадка, и хотя на дворе стояла ночь, я бросился звонить Хонде.

— Послушай, ты говорил мне, что у жены Сюдзэ круглое лицо, — закричал я в трубку, как только Хонда подошел к телефону. Некоторое время на другом конце провода царило молчание — видно, Хонда не сразу узнал меня спросонья.

— Да, — наконец откликнулся он.

— Скажи, она носит европейскую прическу?

— Да.

— И ходит в очках?

— Да.

- И у нее есть золотые коронки?
- Есть.
- Она страдает от зубной боли, не так ли? И часто приклеивает к щеке болеутоляющий пластырь.
- Все верно. Ты что, видел ее?
- Нет, мне рассказывали их бывшие соседи с улицы Сакурагитё. Скажи, пожалуйста, когда ты встречался с ней, у нее по-прежнему болели зубы?
- Да, видно, ей не повезло с зубами.
- Ты не помнишь, пластырь у нее был на правой щеке?
- Точно не помню, но, кажется, на правой.
- А тебе не кажется странным, что молодая женщина, к тому же причесанная на европейский манер, лечит зубы таким старозаветным способом? Сейчас уже никто не пользуется пластырем.
- Да, пожалуй, странно. А почему ты, собственно, спрашиваешь об этом? Неужели тебе удалось напасть на след?
- Кажется, удалось. На днях мы подробно потолкуем с тобой обо всем.

Поговорив с Хондой и убедившись в достоверности известных мне фактов, я сел к столу и до самого утра чертил на бумаге геометрические фигуры, знаки и формулы, так что со стороны могло показаться, что я решаю задачу по математике. Чертил и вымарывал. Чертил и вымарывал.

11

В течение трех дней Сидзуко не получала от меня писем с просьбой о встрече и в конце концов, не выдержав, сама прислала записку, в которой назначила мне свидание в три часа на следующий день. В этой записке были такие строки: «Быть может, узнав о том, сколь я порочна, Вы охладели ко мне и стали меня избегать?» Как это ни странно, мне не хотелось спешить разуверить ее. Мне была нестерпима сама мысль, что я должен ее увидеть. И все-таки на следующий день я отправился в Нэгиси.

Было начало дня, стояла невыносимая, удушливая жара. Как всегда в преддверии дождливого сезона, низко над головой повисло хмурое небо. Пройдя три или четы-

ре квартала от трамвайной остановки, я почувствовал, как весь покрылся испариной и как взмокла моя шелковая рубашка.

Сидзуко уже ждала меня, сидя на кровати в нашем прохладном амбаре. Здесь, в этой комнате на втором этаже, полы были застелены ковром, в некотором отдалении от кровати стояли кресла, на стенах висело несколько больших зеркал. Сидзуко не жалела денег, чтобы украсить место наших встреч, и не обращала внимания на мои попытки образумить ее.

На Сидзуко было нарядное летнее кимоно из тонкого шелка с черным атласным поясом, расшитым листьями павлонии. Эта одежда и традиционная прическа, весь облик этой женщины, следовавшей вкусам старого Эдо¹, поразительно контрастировали с европейским антуражем комнаты.

Одного взгляда на блестящие душистые волосы Сидзуко, которая и после смерти мужа продолжала так же тщательно заботиться о своей прическе, было достаточно, чтобы вспомнить, как в минуты страсти рассыпался этот пучок, как распадались верхние пряди и как обвивались вокруг ее шеи выбившиеся из прически локоны. Бывало, перед возвращением домой она не меньше получаса проводила у зеркала, приводя в порядок прическу.

Как только я вошел в комнату, Сидзуко обратилась ко мне с вопросом:

— Почему вы в тот раз вернулись и спрашивали об уборке в моем доме? Вы были так взволнованы. Потом я долго размышляла над этим, но до сих пор ничего не могу понять.

— Не можете понять? Это вы-то не можете понять? — воскликнул я, снимая пиджак. — Странно, ничего не скажешь. Я совершил ошибку, нелепую ошибку, понимаете? Потолочные перекрытия в вашем доме были в конце декабря, а кнопка с перчатки г-на Коямады была утеряна за месяц до этого. Он отдал свои перчатки шоферу двадцать восьмого ноября, причем на одной из них кнопка уже отсутствовала. Следовательно, она оторвалась двадцать восьмого ноября. Вот что получается.

— Подумать только... — испуганно отозвалась Сид-

¹ Э д о — старинное название Токио.

зуко и затем добавила с таким видом, будто все еще не может уловить сути дела: — Значит, кнопка оказалась на чердаке уже после того, как оторвалась от перчатки?

— Мало того что после, вся загвоздка состоит в том, что она оторвалась не тогда, когда г-н Коямада поднимался на чердак. Если бы кнопка отлетела от перчатки на чердаке да так там и осталась, все было бы просто и понятно. Но ведь она появилась на чердаке по крайней мере месяц спустя после того, как оторвалась от перчатки. А это уже труднее объяснить, не правда ли?

— Да,— задумчиво произнесла Сидзуко. Лицо ее было бледно.

— Конечно, можно предположить, что кнопка осталась в пиджаке г-на Коямады и выпала в то время, когда он находился на чердаке. Но я сомневаюсь, чтобы ваш муж в начале зимы ходил в той же одежде, что и в ноябре.

— Вы правы. Муж придавал большое значение одежде и перед Новым годом всегда одевался в зимний костюм.

— Ну вот видите. Это в самом деле маловероятно.

— Да. Но тогда выходит, что Хирата...— Эту фразу Сидзуко не закончила.

— Вот именно. В этом деле слишком заметен почерк Сюндэя, и моя докладная записка нуждается в серьезных поправках.

Я коротко изложил Сидзуко свои соображения о том, что все это дело напоминает собрание сочинений Сюндэя Оэ, что в нем присутствует чересчур много улик, что от них так и веет подлогом.

— Быть может, вам это невдомек,— продолжал я,— но образ жизни Сюндэя действительно не укладывается ни в какие рамки. Почему он не допускает к себе посетителей? Почему избегает встречи с ними, то переезжая на другую квартиру, то отправляясь в путешествие, то сказываясь больным? Почему, наконец, он снимает дом на улице Сусаки-тё в Мукодзиме, вносит арендную плату, но так и не поселяется в нем? Сколь ни сильна в нем склонность к мизантропии, все равно это выглядит странным. Станным, если только все это не нужно было ему для подготовки к убийству.

Я сидел на кровати рядом с Сидзуко. Как только я заговорил об убийстве, Сидзуко в страхе теснее придвинулась ко мне и до боли сжала мою руку.

Если разобраться, я был всего лишь марионеткой в его руках. Он подбрасывал мне ложные улики, я же слепо принимал их на веру. Одним словом, я послушно играл отведенную мне роль. Ха-ха-ха! — засмеялся я над самим собой. — Сюдэй — страшный человек. Понимая ход моих мыслей, он любезно снабжал меня соответствующими уликами. Нет, такое дело не по зубам профанам вроде меня. Будь я не писателем, а сыщиком-профессионалом, я не блуждал бы вокруг да около, не выдвигал бы сумасбродных идей. Однако, если все же считать, что преступником является Сюдэй Оэ, возникает множество несообразностей. Все эти несообразности, затрудняющие расследование, проистекают от принятой мною посылки, что Сюдэй Оэ — законченный злодей. Несοοбразности, о которых я говорю, в конечном счете требуют ответа на два вопроса. Во-первых, почему угрожающие письма Сюдэя перестали приходить сразу же после смерти г-на Коямады? И во-вторых, каким образом в книжном шкафу г-на Коямады оказались уличающие его дневник, сборник рассказов Сюдэя и журнал «Синсэйнэн»? Эти две вещи никак не согласуются с версией, по которой преступником является Сюдэй.

Хорошо, предположим, что приписка на полях в дневнике г-на Коямады была сделана рукой Сюдэя, предположим даже, что сборник его рассказов и журнал «Синсэйнэн» были специально подброшены в шкаф, но ведь все равно остается необъяснимым, как ему удалось завладеть ключом от шкафа, который г-н Коямада всегда носил с собой. Да и как смог Сюдэй пробраться незамеченным в его кабинет?

На протяжении трех последних дней я ломал над этим голову и в результате, как мне кажется, нашел единственно правильное решение головоломки. Поскольку это дело насквозь проникнуто идеями, почерпнутыми из книг Сюдэя, я подумал, что внимательное изучение их даст мне ключ к разгадке тайны, и перечитал все его произведения. Кроме того, я вспомнил, что мой приятель Хонда из издательства «Хакубункан» однажды встретил Сюдэя в парке Асакуса в странном виде: на нем был красный колпак и шутовской наряд, а в руках он держал пачку рекламных листов. Позднее, наводя справки в рекламных агентствах, Хонда выяснил, что они нередко прибегают к услугам бродяг. Итак, Сюдэй затесался в среду бродяг в парке Асакуса. Не напоминает ли вам все это

«Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда» Стивенсона? Обратив на это внимание, я решил отыскать нечто подобное среди рассказов Сюдзэ и обнаружил, с одной стороны, повесть «Страна Панорама», написанную, как вам, наверно, известно, незадолго до его исчезновения, и, с другой стороны, рассказ «Единый в двух лицах». Прочитав эти вещи, я понял, что именно привлекало Сюдзэ в романе Стивенсона. Возможность быть единым в двух лицах!

— Мне страшно!— воскликнула Сидзуко.— В ваших словах заключен какой-то зловещий смысл. Давайте прекратим этот разговор. Мне страшно в этом полутемном амбаре. Обо всем этом мы сможем поговорить потом, а пока воспользуемся возможностью побыть друг с другом. Когда я с вами, мне не хочется вспоминать о Хирате.

Но я был вовсе не расположен к любовным утехам и продолжал:

— И еще, размышляя обо всем этом, я обнаружил два странных совпадения. Выражаясь научным языком, одно из них — пространственное, а другое — временное. Вот карта Токио.— С этими словами я вытащил из кармана карту и разложил ее перед Сидзуко.— Со слов Хонды и начальника полицейского управления в Хисагате я знаю, что Сюдзэй Оэ сменил несколько адресов. Сначала он жил в Икэбукуро, потом на улице Кикиутё и Усигомэ, затем в Нэгиси, на улице Хацусэтё в Янаке, в Хигураси, на улице Суэхиротё в Канде, на улице Сакурагитё, на улице Янагисиматё в Хандзё, наконец, на улице Сусакитё в Мукодзиме. Из всех этих мест лишь Икэбукуро и Усигомэ расположены достаточно далеко, остальные же семь, как вы можете видеть на карте, сконцентрированы в северо-восточной части города. И в этом — большой просчет Сюдзэ. Почему лишь Икэбукуро и Усигомэ находятся так далеко, можно понять, приняв во внимание тот факт, что литературная слава, а вместе с ней и паломничество к нему посетителей начались только после переезда Сюдзэ в район Нэгиси. До этого все дела, касающиеся его рукописей, он решал исключительно в письменной форме. Теперь давайте мысленно соединим одной линией семь последующих мест проживания Сюдзэ, начиная с Нэгиси. Эта линия образует неправильной формы окружность. Определив центр этой окружности, мы получим ключ к разгадке всей тайны. Сейчас я объясню почему.

Сидзуко отпустила мою руку и порывисто обняла меня за шею.

— Мне страшно!— снова воскликнула она и стала ласкаться ко мне. Проводя пальцем у меня за ухом, она принялась сладко нашептывать, словно успокаивая раскапризничавшегося ребенка: — Мне жаль тратить драгоценное время на эти страшные сказки. Вы чувствуете, как горят мои губы, слышите, как бьется мое сердце? Обнимите меня, скорее обнимите меня.

— Подождите, осталось совсем немного. Наберитесь терпения и выслушайте меня до конца. Сегодня я пришел сюда для того, чтобы поговорить с вами.— Не обращая внимания на призывный шепот Сидзуко, я продолжал: — Теперь перейдем к совпадению во времени. Имя Сюдзэ перестало появляться на страницах журнала в конце позапрошлого года, я это хорошо помню. Между тем как вы сами мне говорили, г-н Коямада вернулся из-за границы тогда же, то есть в конце позапрошлого года. Почему два этих события так точно совпадают по времени? Случайность ли это? Как вы думаете?

Сквозь маленькое окно комнаты проглядывало свинцовое небо. С улицы донесся глухой грохот — должно быть, прошел трамвай. В ушах у меня шумело. Эти два звука сливались в один непереносимый гул, настолько зловещий, что казалось, будто сюда движется целое полчище бьющих в барабаны дьяволов.

— Итак, с одной стороны, совершенно очевидно, что Сюдзэй Оэ имеет непосредственное отношение к этому делу,— продолжал я.— Но с другой стороны, несмотря на все свои усилия, полиция в течение двух месяцев не может разыскать известного писателя, как будто он растаял, точно дым. Мне жутко от одной мысли, что все это происходит не в страшном сне, а наяву. Почему Сюдзэй отказался от своего намерения убить Сидзуко Коямада? Почему он прекратил писать свои угрожающие письма? Каким способом он проник в кабинет г-на Коямады? Как, наконец, ему удалось открыть запертый на ключ шкаф?

В связи с этим я не могу не вспомнить одного имени. Имени писательницы Хидэко Хираяма. Многие думают, что это женщина. Даже среди писателей и журналистов немало людей, которые искренне уверены в этом. Молодые люди засыпают Хидэко любовными письмами. А

между тем Хидэко Хираяма — мужчина, и даже более того — почтенный правительственный чиновник. Все детективные писатели: и я, и Сюдэй, и эта Хидэко Хираяма — престранные существа.

Я уже потерял контроль над собой и говорил как одержимый. По лицу моему струился пот, я чувствовал на губах его неприятный солоноватый привкус.

— Сидзуко-сан! Слушайте меня внимательно. Так что же находится в центре круга, образованного линией, которая соединяет между собой жилища Сюдэя? Взгляните на карту. Видите? В центре круга — ваш дом. До каждого из мест, где селился Сюдэй, десять минут езды от вашего дома. Почему Сюдэй исчез, как только г-н Коямада вернулся из-за границы? А потому, что вы лишились возможности посещать уроки чайной церемонии и заниматься цветами. Пока г-н Коямада отсутствовал, вы с полудня до вечера занимались чайной церемонией и цветами. Кто заставил меня поверить в это? Вы! Встретив меня в музее, вы потом уже вертели мною, как вам хотелось. Для вас было проще простого сделать нужную вам приписку на полях дневника вашего мужа, положить в шкаф г-на Коямады любые улики, наконец, бросить на чердаке кнопку. Вот к какому выводу я пришел. Как еще объяснить все случившееся? Ответьте мне! Ответьте же мне!

— Довольно! Слышите, довольно! — вскрикнула Сидзуко и вцепилась в меня. Прильнув щекой к моему плечу, она залилась слезами. Эти слезы обжигали меня сквозь рубашку.

— Почему вы плачете? Почему все время вы порываетесь остановить меня? Не потому ли, что для вас это вопрос жизни и смерти? Уже одно это дает мне основание подозревать вас. Но слушайте дальше. Я еще не кончил. Почему жена Сюдэя Оэ носила очки? Почему у нее были золотые коронки? Почему она приклеивала к правой щеке болеутоляющий пластырь? Почему носила стрижку на европейский манер? Вспомните «Страну Панораму» Сюдэя. В этой повести можно почерпнуть уйму сведений об искусстве камуфляжа. Здесь и изменение прически, и очки, и ватные тампоны, которые закладываются за щеки и меняют черты лица. Вспомните наконец рассказ «Медная монета», один из персонажей которого надевал на здоровые зубы золотые коронки. Боковые зубы у вас крупнее остальных, и это запоминается.

Поэтому вы и надевали на них коронки. На правой щеке у вас родинка, и вы скрывали ее под болеутоляющим пластырем. А для того чтобы ваше удлиненное лицо казалось более круглым, вам оставалось всего-навсего изменить прическу. Так вы превращались в жену Сюдзэ. Позавчера вас видел Хонда. Он ручается, что, если заменить вашу прическу на стрижку, надеть вам очки и золотые коронки, вы будете вылитой женой Сюдзэ. Что вы на это скажете? Не вздумайте дурачить меня, теперь уж я все понял.

Я оттолкнул от себя Сидзуко. Она упала на кровать и сквозь слезы чуть слышно произнесла:

— Хирата, Хирата.

— Хирата? Значит, вам все еще угодно дурачить меня? Вы хотите, чтобы я поверил в существование Сюдзэ, коль скоро вы притворялись его женой? Нет, Сюдзэ не существует и никогда не существовал. Он всего лишь плод воображения, фантазия. Для того чтобы всех сбить с толку, вы превращались в его жену и встречались с сотрудниками журналов. По этой же причине вы переезжали с места на место. Однако долго так продолжаться не могло, поэтому вы подкупили бродягу из парка Асакуса и заставили его играть роль «лежебоки» Сюдзэ. Не Сюдзэ превращался в странного человека в шутовском наряде, а этот бродяга перевоплощался в Сюдзэ.

Сидзуко молча лежала на кровати. Издали можно было подумать, что она мертва. При взгляде на нее гнев мой остыл, и я смущенно сказал:

— Сидзуко-сан, я погорячился. Мне следовало быть более сдержанным. Но вы так настойчиво мешали мне говорить, так сбивали меня с толку своим кокетством, что я поневоле вышел из себя. Простите меня. Постарайтесь меня не перебивать, а я попытаюсь рассказать, как все было дальше. Если я буду неточен, поправьте меня, ладно?

Вы наделены редким для женщины умом и литературным даром. Я это почувствовал уже по письмам, которые вы мне присылали. Вполне понятно, что вам захотелось попробовать себя на литературном поприще, и вы решили написать детективную повесть, взяв псевдонимом мужское имя. Неожиданно эта первая проба пера возымела успех. Как раз в то время, когда к вам пришла литературная слава, г-н Коямада отправился за границу. Чтобы скрасить свое одиночество, а еще более из-за

пристрастия ко всему необычному вы затеяли страшную игру, в которой вам надлежало исполнять сразу три роли. У вас есть рассказ «Единый в двух лицах». В реальной жизни вы пошли еще дальше, избрав для себя не две, а три ипостаси.

Под именем Итиро Хираты вы сняли квартиру в Нэгиси. Прежние ваши пристанища — в Икэбукуро и в Усигомэ,— по-видимому, предназначались только для получения корреспонденции. Под разными предложениями: нелюдимости, путешествий и так далее — вы скрывали от людей человека по имени Хирата и, представляясь его женой, вместо него вели переговоры даже с издателями. Когда вы писали свои произведения — вы превращались в Сюдэя Оэ, или Хирату, когда разговаривали с сотрудниками журналов или снимали очередной дом — вы становились женой Хираты, в своем же доме вы были г-жой Коямада. Так вы играли одновременно три роли. Для того чтобы успешно справляться с ними, вы должны были каждый день надолго отлучаться из дома. Для окружающих был найден хороший предлог: занятия чайной церемонией и музыкой. Полдня вы были г-жой Коямада, остальные полдня — г-жой Хирата. Изменение прически, переодевания и прочее требовало времени, поэтому вы не могли позволить себе тратить много времени на дорогу. Вот почему, переезжая с места на место, вы неизменно останавливали свой выбор на тех районах, до которых от вашего дома не более десяти минут езды на машине.

Я тоже охотник до всего необычного и поэтому хорошо вас понимаю. Разумеется, подобная игра стоила немалой затраты сил, но зато сулила непередаваемое наслаждение.

Мне вспоминаются суждения одного критика. Разбирая какое-то из произведений Сюдэя, он отмечал, что оно насквозь проникнуто гнетущей подозрительностью, на которую способна только женщина. Читая книги Сюдэя, писал дальше критик, словно видишь перед собой затаившееся во мраке чудовище. Это очень точные слова.

Но вот промчались два года, и г-н Коямада вернулся домой. Вы больше не могли играть три роли, как прежде. Вот тогда-то и исчез со сцены Сюдэй Оэ. Но поскольку он слыл человеком странным и до крайности нелюдимым, никому и в голову не пришло счесть его загадочное исчезновение подозрительным.

Почему вы решились на это страшное преступление, мне, мужчине, не вполне понятно, но из книг о психических аномалиях я знаю, что склонные к истерии женщины нередко сами себе посылают угрожающие письма. И в Японии, и за рубежом тому немало примеров.

Здесь заключено, с одной стороны, желание испугать себя, а с другой — стремление вызвать сочувствие со стороны какого-нибудь другого человека. Мне кажется, что и вами руководило подобное желание. В самом деле, какое щекочущее нервы ощущение — получать угрожающие письма от известного писателя, в которого временами превращались вы сами!

Со временем стареющий муж стал все больше и больше докучать вам. Кроме того, вам не хотелось расставаться с увлекательной и привольной жизнью, к которой вы привыкли в его отсутствие. А если выразиться еще точнее, вас теперь, как написал некогда Сюдэй, неудержимо влекла сладость преступления, сладость убийства. Тут-то вам и понадобилась вымышленная фигура — исчезнувший Сюдэй. Сделав его убийцей, вы, оставаясь вне подозрений, избавились от опостылевшего вам мужа, унаследовали огромное состояние и отныне могли жить так, как вам заблагорассудится.

Но этого вам показалось недостаточно. Для полного спокойствия вы решили создать вторую линию обороны. Ваш выбор пал на меня. Зная о моей неприязни к Оэ, вы решили отомстить и мне, превратив меня в послушную вашей воле марионетку. Слушая мою докладную записку, вы, наверное, с трудом сдерживали смех. Сбить меня с толку было нетрудно. Ведь в моем распоряжении, казалось бы, находились несомненные улики: кнопка от перчатки, дневник, журнал «Синсэйнэн», наконец, «Развлечения человека на чердаке». Однако, как вы не раз отмечали в своих произведениях, преступник всегда хоть в чем-нибудь, но допускает промах. Так и вы, завладев кнопкой от перчатки г-на Коямады, использовали ее в качестве весомой улики, но при этом не потрудились выяснить, когда именно она оторвалась. Вы даже не подозревали, что перчатки давным-давно отданы водителю такси, который возил вашего мужа. Казалось бы, такой незначительный промах! Что же касается ран на теле г-на Коямады, то я думаю, что прежние мои предположения можно считать правильными.

ми. Только г-н Коямада не сорвался с карниза. Скорее всего, трагедия произошла, когда вы остались наедине с ним в спальне (поэтому на нем и был парик), и вы каким-то образом вытолкнули его из окна.

Ну что, Сидзуко-сан, прав я или нет? Скажите же хоть что-нибудь. Если можете, возражайте мне. Сидзуко-сан!

Я сказал все, что хотел, и теперь в растерянности стоял возле кровати. Женщина, которую я еще вчера считал своей возлюбленной, теперь предстала передо мною в своем истинном обличье. Поверженное чудовище во мраке. При взгляде на нее у меня на глаза невольно навернулись слезы. Взяв себя в руки, я сказал:

— Теперь я должен уйти. Поразмыслите хорошенько над всем, что я здесь говорил, и образумьтесь. Благодаря вам в этом месяце я открыл для себя новый, неведомый мне ранее мир любовного безумия. Мне и теперь нелегко расстаться с вами. Но оставаться после всего, что случилось, мне не позволяет совесть. Прощайте.— Я поцеловал Сидзуко и вышел вон из обители, в которой мы с ней провели столько счастливых дней.

Казалось, небо опустилось совсем низко над землей. Духота стала совершенно невыносимой. Весь в испарине, до боли стиснув зубы, я, точно безумец, метался по улицам.

12

На следующий день в вечернем выпуске газеты я прочел сообщение о самоубийстве Сидзуко.

Она бросилась в реку со второго этажа своего дома. Видно, так уж распорядился злой рок, что труп ее был обнаружен утром одним из прохожих неподалеку от той же пристани у моста Адзумабаси.

В своем простодушии автор статьи писал: «Судя по всему, г-жа Коямада трагически погибла от руки того же преступника, который незадолго до этого убил ее мужа».

Разумеется, гибель любимой женщины глубоко опечалила меня, но в то же время я воспринял ее как

лишнее доказательство вины Сидзуко, поэтому подобная развязка показалась мне оправданной. Около месяца я пребывал в полной уверенности, что так оно и есть.

Но в один прекрасный день, когда мой пыл несколько поостыл, мне в душу закралось страшное сомнение.

Ведь я так и не услышал от Сидзуко ни единого слова покаяния. Единственное, что у меня было,— это улики, которые я толковал по-своему, полагаясь лишь на здравый смысл. Мои подозрения не были доказаны с той же бесспорностью, с которой можно утверждать, что дважды два — четыре. Однажды мне уже пришлось полностью пересмотреть свое первоначальное предположение, исходя всего лишь из показаний шофера и подрядчика, производившего уборку в доме Коямады. Можно ли ручаться, что то же самое не произойдет и на сей раз?

Во время моего последнего разговора с Сидзуко я меньше всего стремился выдвинуть против нее какое-либо обвинение. Наоборот, я хотел спокойно изложить ей свои соображения и выслушать ее объяснения. Но ее поведение во время этого разговора укрепило мои подозрения. Я несколько раз призывал ее хоть что-нибудь ответить на мои вопросы, но она упорно отмалчивалась, и это молчание я истолковал как свидетельство ее виновности. Но было ли это толкование единственно правильным?

Да, она покончила с собой. (Кстати, откуда известно, что это было самоубийство? А что, если это было убийство? Тогда должен существовать и убийца, а это уже страшно!) Но допустим, что это было все-таки самоубийство. Можно ли видеть в нем несомненное доказательство ее виновности? А вдруг на этот шаг ее вынудило какое-нибудь иное обстоятельство? Скажем, услышав от меня, человека, в котором она привыкла видеть свою опору, столь страшные обвинения и не сумев опровергнуть их, она (в конце концов, Сидзуко была всего лишь женщиной) поддалась минутному настроению и решила свести счеты с жизнью.

Если так, то выходит, что Сидзуко убил я. Пусть не своими руками, но все-таки я. В самом деле, что это, как не убийство?

Но это еще не все. Гораздо хуже другое.

Сидзуко, несомненно, любила меня. И сейчас, после ее смерти, я не могу не задуматься о том, что должна

была испытать эта женщина, когда любимый человек заподозрил ее в тяжком преступлении. Быть может, она решила покончить с собой именно потому, что любила меня и просто не сумела отвести от себя обвинений, которые я ей предъявил.

Но предположим, что мои обвинения были вполне обоснованны и справедливы. Почему все-таки эта женщина решилась убить мужа, с которым прожила много лет? Могли ли одни только соображения свободы и денег склонить ее к этому страшному преступлению? Не виновата ли в этом любовь? Любовь, объектом которой был я.

О, куда деваться мне от этих мучительных сомнений? Повинна ли Сидзуко в смерти своего мужа или нет, ясно одно, что эту несчастную женщину, так неистово любившую меня, убил я. Как после этого не проклинать себя за злосчастную приверженность к справедливости? В мире нет ничего сильнее и прекраснее любви. Но я с безжалостностью черствого моралиста разбил вдребезги эту чистую и прекрасную любовь.

Если мои предположения верны и Сидзуко и Сюдэй Оэ действительно одно лицо, я могу до некоторой степени быть спокоен.

Но как теперь это проверить? Г-на Коямады нет в живых. Нет в живых и Сидзуко. Наверное, и Сюдэй Оэ навсегда покинул этот мир. Хонда сказал, что Сидзуко похожа на жену Сюдэя. Но одно дело слова Хонды, а другое дело неопровержимые доказательства.

Я несколько раз заходил к следователю Итосаки, но, судя по его туманным объяснениям, никаких перспектив разыскать Сюдэя у него не было. Я попросил своего знакомого побывать в префектуре Сидзуока и навести справки об Итиро Хирате. Мои надежды, что этого человека вообще не существовало, не оправдались. Оказалось, что человек по имени Итиро Хирата в самом деле там жил, но давно уже уехал оттуда. Однако одного факта, что Итиро Хирата реально существовал и даже, возможно, был когда-то любовником Сидзуко, было мало, чтобы утверждать, что он был писателем, пользовавшимся псевдонимом Сюдэя Оэ, и что г-на Коямаду убил он. Во-первых, найти его нам не удалось, а во-вторых, Сидзуко вполне могла использовать имя своего бывшего любовника в задуманной ею игре просто потому, что оно первым пришло ей на ум. С разрешения родственников Сидзуко я осмотрел ее личные вещи — пись-

ма и другие бумаги, надеясь найти в них хоть какую-нибудь зацепку. Но и эта моя попытка не увенчалась успехом.

Сколько бы я ни корил себя за опрометчивость, поздними раскаяниями делу не поможешь. Я готов из конца в конец исходить всю Японию, да что там Японию — весь мир, только бы отыскать следы Хираты — Сюдзэя, хотя и понимаю, что это бесполезно.

Однако даже если бы мне удалось найти Сюдзэя и выяснить, виновен он в преступлении или, наоборот, не виновен, это лишь умножило бы мои страдания — разумеется, по-разному в каждом из этих случаев, но все равно умножило бы.

Со времени трагической кончины Сидзуко Коямада минуло полгода. Я по-прежнему ничего не знаю об Итиро Хирате. И мучительные сомнения с каждым днем все неотступнее преследуют меня.

СЭЙТЭ МАЦУМОТО

Флаг в тумане

Глава первая

В десять часов утра Кирико Янагида вышла из гостиницы, в токийском квартале Канда. Она направлялась в адвокатскую контору.

Ей хотелось прийти туда пораньше, но как известно адвокаты не являются в свою контору в столь ранний час. Вот она и ждала до десяти.

Адвоката звали Киндзо Оцука. Ради него Кирико приехала с Кюсю. Говорили, что это первоклассный специалист по уголовным делам. Вряд ли двадцатилетней машинистке из провинциального городка на Кюсю довелось бы услышать об этом мэтре, если бы в жизнь ее неожиданно не вторглось одно происшествие. Пришлось расспрашивать разных людей. От них-то она и узнала о знаменитом Оцуке.

Выехав накануне из городка К. на Кюсю, Кирико вечером же прибыла на вокзал Токио и сразу направилась в эту гостиницу. Ей и прежде случалось останавливаться здесь, когда она приезжала в Токио со школьной экскурсией, и Кирико казалось, что это довольно спокойное место. Да и плата за проживание была умеренной, коли уж тут находили приют школьники-экскурсанты из провинции.

Естественно, Кирико не была знакома с Оцукой, но она была почему-то уверена, что адвокат примет ее, а выслушав, возьмется помочь. Именно поэтому она двадцать часов тряслась в поезде. Оцука, как ей казалось, должен оценить ее энтузиазм.

Кирико поднялась с постели чуть свет, и не потому, что была молода, — просто сказывалось охватившее ее возбуждение.

Гостиница располагалась на холме. Поутру здесь стояла тишина — трудно было вообразить, что это Токио. Сразу за окном виднелась школьная спортплощадка. Постепенно по одной, по две на этой площадке стали появляться фигурки, похожие сверху на черные соевые бобы, слышались крики. Тут вошла горничная — убрать постель.

— Доброе утро.— Пожилая женщина улыбнулась, и у глаз ее собрались морщинки.— Вы, наверно, устали? Хорошо бы вам еще немного отдохнуть.

— Да нет, я уже выспалась,— сказала Кирико и села в плетеное кресло на террасе.

— Вот что значит молодость.

Горничная знала, что Кирико накануне приехала с Кюсю. Она принесла чай и красноватые маринованные сливы на маленькой тарелочке. Сливы были крохотные и неаппетитные. Кирико рассеянно скользнула по ним взглядом.

— Вы, значит, с Кюсю? Я бы тоже хотела разок туда съездить. Наверно, где-нибудь в Бэппу можно совсем неплохо отдохнуть?

— Вы правы.

Горничная белой салфеткой тщательно протерла красный лакированный столик.

— Барышня впервые в Токио?

— ...

— Приехали посмотреть достопримечательности?

Горничная явно полагала, что у девушки в Токио нет ни родных, ни знакомых,— потому-то она и остановилась в гостинице. А значит, наверняка приехала либо посмотреть достопримечательности, либо устроиться на работу.

— Нет, я не за тем,— ответила Кирико с террасы.

Горничная сервировала столик. Белизна чашек отражалась в лакированной поверхности. Опустившись на колени, она машинально расставила тарелки, но по глазам было видно, что мысли ее заняты постоялицей.

Кирико достала записную книжку. Там был помечен адрес конторы адвоката Оцуки.

— Токио, район Тиёда, второй квартал Маруноути, офис такой-то,— произнесла она и еще спросила, как туда добраться.

— Это рядом с вокзалом в Токио. Надо идти не к выходу Яэсугути, а в противоположную сторону,— сказала горничная и объяснила, как добраться линией наземки.— В этом квартале сплошь одни только фирмы. У вас там знакомый?

— Я ищу контору адвоката.

— Адвоката?

Горничная, полагавшая, что девушка приехала устроиться на работу, удивленно посмотрела на нее.

— Вы специально ради этого приехали с Кюсю?

— Именно так.

— Надо же! — Горничная окинула ее заботливым взглядом. Похоже, на эту молодую женщину свалилась какая-то неприятность. Хотелось бы расспросить об этом, но горничная, естественно, не решалась.

— Вы знаете те места? — спросила Кирико.

— Да, вообще-то часто случается там бывать. По обеим сторонам улицы — одинаковые здания из красного кирпича. Найти будет нетрудно, там везде повешаны вывески. Кто ваш адвокат?

— Его зовут Киндзо Оцука.

— Адвокат Оцука? — Горничная чуть затаила дыхание. — Это известный господин.

— Вы его знаете?

— Нет, непосредственно не имею чести знать. Но у него бывает так много клиентов, что вы, само собой, сразу поймете, что это он, — усмехнулась горничная. — Видно, серьезные у вас дела, раз решили обратиться к такому человеку. — Она заглянула Кирико прямо в глаза. — А что, у вас на Кюсю хорошего адвоката не найти?

— Есть-то они есть. — Кирико опустила глаза. — Но я решила, что лучше обратиться к первоклассному адвокату в Токио.

— Ну, ему, конечно, трудно найти равных. — Горничная озадаченно посмотрела на девушку, которая ради адвоката в одиночестве приехала с Кюсю. — А что, у вас трудности?

Горничная явно намеревалась разузнать все подробнее.

— Да как сказать, — неопределенно ответила Кирико. Она вдруг умолкла, встала с плетеного кресла и церемонно уселась перед столиком с чашками. Лицо ее, в котором проглядывали ребяческие черты, приобрело вдруг неожиданно холодное выражение. Горничная почувствовала, как девушка внезапно отдалилась от нее.

* * *

Офис М. в квартале Маруноути находился на улице, по обеим сторонам которой и впрямь возвышались здания из красного кирпича. Возникало невольное впечатление, что идешь по старинному европейскому го-

роду. Яркое весеннее солнце усиливало игру света и тени. Казалось, будто любуешься картинкой эпохи Мэйдзи, изображающей сценку из жизни на Западе. Подъезды домов — узкие и темные. Растущие вдоль мостовой гряды деревьев задерживали солнечные лучи, и цвет зданий казался приглушенным, как на блеклой гравюре. Укрепленные на фасадах черные доски поблескивали золотыми иероглифами названий фирм. Эта позолота неясно выделялась на общем сумеречном фоне и дополняла картину. И если бы по мостовой вместо автомобилей покатали двухосные коляски, это отнюдь не показалось бы странным.

Кирико с трудом разыскала вывеску юридической конторы Киндзо Оцуки. Этого адвоката знали даже на Кюсю, и Кирико полагала, что любой токиец сразу покажет ей, куда идти. Но против ожидания никто из тех, кого она спрашивала, этого не сделал. Прохожие либо останавливались, недоуменно наклонив голову, либо разводили руками, посмеиваясь, либо спеша проходили мимо.

Показал дорогу лишь шестой по счету человек, — студент. Он даже проводил ее до нужного дома и показал пальцем: «Вот здесь». На фасаде виднелась потускневшая вывеска.

Кирико остановилась и перевела дыхание. Перед нею был темный, похожий на нору, подъезд — цель ее путешествия. То, ради чего она копила деньги и двадцать часов тряслась в поезде.

Из дома вышли двое молодых людей. Быстро спустившись по каменным ступеням, они окинули взглядами стоявшую у подъезда Кирико. Один из парней бросил окурок, и они зашагали дальше.

* * *

Адвокат Киндзо Оцука сидел в глубине комнаты напротив клиента. Клиент оказался довольно занудным, и прием затянулся.

Комната была перегорожена книжными шкафами. Большой отсек напротив входа занимали столы, за которыми сидели пятеро молодых адвокатов, помогавших мэтру, клерк — бывший секретарь суда, и девушка для поручений.

Невозможно было окинуть взглядом все помещение сразу. В узком отсеке, занимаемом самим Оцукой, стояли только конторка, большое вертящееся кресло, простой стол для приема посетителей и стул. Стены здесь давно не ремонтировались.

Клиент, развалившись на стуле, беспрестанно что-то рассказывал, и похоже было, что он сам получает от этого удовольствие. В прошлом это был прокурор, занимавший высокий пост. Вот отчего Оцука не мог запросто оборвать его. Сам адвокат был хоть и пожилой мужчина, но, несмотря на отвислый двойной подбородок, дряблые щеки и зачесанные на лоб седые волосы, выглядел все еще молодцевато.

По правде говоря, Оцука испытывал сейчас некоторую апатию. В большом хлопотном деле, о котором шла речь, близилось уже судебное решение, но, несмотря на это, адвокат никак не мог собрать все нужные материалы. Речи клиента не доходили до его сознания и не могли развеять чувство скуки.

Однако посетитель был таков, что ему нельзя было оказать недостаточное внимание. И Оцука, поддакивая, изображал на лице улыбку.

Адвокат был не настроен на деловой лад. Пропуская мимо ушей слова клиента, он думал о своем и внезапно спохватился, что сегодня в два часа пополудни в Каване состоится турнир по гольфу, на который его пригласила Митико Коно. Поначалу он отказался и даже забыл об этом. Но, неожиданно вспомнив, решил, что неплохо успеть туда. «Это было бы чертовски здорово», — подумал Оцука и взглянул на часы.

Клиент, перехватив этот взгляд, поднялся наконец со стула. Оцука проводил гостя до дверей и облегченно вздохнул. В этот момент он заметил молодую девушку, которая беседовала с клерком Окумурой. Внимание привлек прежде всего ее белый костюм.

Два молодых адвоката сидели к Оцуке спиной. Столы у обоих были завалены документами. Когда адвокат возвратился к себе, Окумура на мгновение повернулся в его сторону. «Ну заходи же», — подумал Оцука, принимаясь собирать документы на своем столе. И действительно, Окумура тут же медлительной походкой вошел в кабинет.

— Пришла просительница, — сказал Окумура, глядя, как адвокат собирает бумаги в черный портфель.

— Вот как? — Оцука вспомнил молодую девушку в белом костюме.

— Вы ее примете? — спросил Окумура.

— А что другие коллеги? — ответил вопросом на вопрос Оцука, запирая разбухший портфель.

— Трех нет, а двое загружены работой.

Оцука обычно сам принимал посетителей. Но когда бывал занят, это делал кто-то из молодых людей.

— Ну, что там еще? — посмотрел он на Окумуру.

— Вы собирались уходить? — Окумура, глядя на приготовления Оцуки, понимающе улыбнулся.

— Да ладно, немного времени еще есть, — адвокат прикинул, что ему будет неловко уходить у девушки на глазах и сунул в рот сигурету.

— Дело об убийстве. Посетительница — младшая сестра обвиняемого, — сказал Окумура, глядя в свои записи. Лицо его при этом сохраняло бесстрастное выражение.

— Где произошло убийство? — Адвокат мысленно перебирал в памяти газетную хронику.

— На Кюсю, в городе К.

— На Кюсю? — Адвокат Оцука строго посмотрел на Окумуру. — Кюсю — это же так далеко?

— Она специально приехала. Именно потому, что, как говорит, рассчитывает на вашу поддержку.

Адвокат стряхнул пепел и пальцем помассировал темя. Недоумение его было естественным. «Да-а, Кюсю — это далеко», — подумал он.

— Что прикажете делать?

— Как ты считаешь — принять мне ее?

— По-моему, не стоит. — Усохшая фигура Окумуры придвинулась к Оцуке и склонилась над ним. Он продолжил тихим голосом: — Денег у нее, видимо, нет.

— ...?

— Просительницу зовут Кирико Янагида. Она работает машинисткой в маленькой фирме в городе К. Ее старший брат, обвиняемый — преподаватель. Живут они вдвоем, брат и сестра. Кстати, у них есть дедушка, но денег он не дает.

— Ты говорил ей о гонораре? — Оцука прекратил массировать темя и принялся легонько постукивать пальцами по краю стола. Перед глазами его возникла Митико на залитой солнцем лужайке для гольфа. Рядом с нею другие мужчины. Она улыбается им...

— Говорил. Оплата проезда в оба конца. Поскольку это Кюсю, то, конечно, самолетом. Затем, оплата проживания. Разумеется, в первоклассной гостинице. Плюс деньги на оплату текущих расходов, на перепечатку материалов, плюс адвокатская ставка за выступление в суде первой инстанции. Это составит в вашем случае более пятисот тысяч иен. Помимо оплаты проезда вам положены еще и суточные. Около восьми тысяч иен. Кроме того, если дело удастся выиграть, за это тоже положено вознаграждение...

Оцука затянулся сигаретой.

— Словом, я сказал ей, во что это обойдется. Да к тому же, исходя из существа дела, следует предположить, что состоится и второе, и третье рассмотрение. Но только одно первое рассмотрение, включая расходы на поездку, обойдется примерно в восемьсот тысяч. Все это я выложил ей и еще добавил, что первоначальный взнос вручается одновременно с прошением. Тут девушка потупила голову и крепко задумалась. Затем она спросила, а не согласитесь ли вы взять дело за треть гонорара, поскольку у нее нет таких денег. Молодая, а какая настойчивая!

— За треть гонорара? — На губах адвоката змеилась недобрая усмешка.

— Еще она попросила, нельзя ли, дескать, заплатить сейчас только половину первоначального взноса. И добавила, что, как бы там ни было, надеется на вас и специально ради этого приехала с Кюсю. Уверена, что вы возьметесь за это дело.

— Доходов здесь ждать нечего,— задумчиво произнес Оцука.

— Да уж, пожалуй,— подтвердил клерк.— Другое дело, если случай окажется интересным и вы, сэнсэй, возьметесь за него, приняв расходы на себя.

— Посетительница пришла ко мне, не зная, каких это потребует денег. Ей просто сказали, есть хороший адвокат, вот она и явилась сюда. Это очевидно. Она совсем не в курсе дела.

— Отказать ей? — спросил Окумура.— Думаю, из-за своей занятости вы, сэнсэй, не сможете вести дело?

— Прежде у меня бывали подобные случаи. Но сейчас я так занят, что не рвусь браться за дело, которое не принесет денег. Пожалуй, лучше отказать.— Оцука взглянул на часы.

— Ну, я пошел,— сказал Окумура.

— Подожди-ка. Она ведь приехала с Кюсю. Я сам ей скажу. Проводи ее ко мне.

Окумура вышел, а вместо него появилась девушка. Это была та самая особа в белом костюме, на которую Оцука уже обратил внимание. При ближайшем рассмотрении стало видно, что костюм грубой деревенской работы.

Девушка вежливо поклонилась адвокату. У нее было нежное, с тонкими чертами лицо. Во время разговора Оцука время от времени ловил на себе ее пристальный взгляд.

— Вы с Кюсю? — с улыбкой спросил адвокат.

— Из города К. Меня зовут Кирико Янагида, — представилась посетительница. И хотя очертания ее щек и подбородка сохранили детскость, говорила она уверенно, да и в устремленных на адвоката глазах смущения не чувствовалось.

— Вы пришли ко мне с прошением?

— Да. Я слышала, что вы лучший в Японии адвокат, — сразу же ответила Кирико.

— Ну, на Кюсю тоже должны быть хорошие адвокаты. — Оцука снова затянулся сигаретой. — Я думаю, вам не было необходимости приезжать в Токио. — Оцука специально говорил размеренно, как бы разжевывая смысл столь молодой просительнице.

— Я приехала потому, что решила: если не вы, сэнсэй, то уж никто не спасет брата, — твердо сказала Кирико, устремив на Оцуку строгий взгляд.

— О, у вас такое сложное дело?

— Брат обвинен в убийстве с целью ограбления. Убита шестидесятипятилетняя старуха. Полиция схватила брата, и он сознался.

— Сознался?

— Да, но только в полиции, а потом у прокурора отказался от своего признания. Я, конечно, уверена в невинности брата. По словам наших адвокатов, дело это весьма непростое. Они говорят, что трудно будет доказать его полную невинность и не убеждены, что смогут это сделать. Мне назвали ваше имя, и я сразу приехала сюда.

— Как вы узнали обо мне?

— Мне сказал судебный чиновник на Кюсю. От него я узнала, что вы не раз спасали невинно обвиненных по таким делам.

Оцука поглядел на часы и снова забеспокоился.

— Это было давно,— сказал он.— Сейчас адвокаты везде превосходные, уровень адвокатского искусства куда выше. Такой уж большой разницы между Токио и провинцией теперь нет.

— Но не могли бы вы выслушать меня? — в глазах Кирико впервые появилось просительное выражение.

Оцука уже смирился с тем, что ему придется выслушать девушку. Но тут перед его глазами снова всплыла фигура Митико. Вот она весело беседует на лужайке с какими-то мужчинами.

— Гонорар у меня очень высокий. Вы слышали от клерка об условиях?

Кирико кивнула.

— Да, но у меня к вам просьба. Не могли бы вы сделать уступку? Я не располагаю такими средствами. Зарплата у меня небольшая. Удалось только отложить кое-что из премиальных.

— Я думаю, вам лучше побереечь их,— предостерегающе сказал Оцука,— вряд ли я возьмусь за это дело. Может, странно, что я сам говорю об этом, но человек моего положения, с опытом, берет дороже, чем обычный молодой адвокат. Гораздо дороже обойдутся расходы на проезд, суточные и на проведение адвокатского расследования. И все это не считая адвокатского гонорара. Конечно, вы можете понять меня превратно. Но простите, к сожалению, я вынужден воздержаться от детального знакомства с содержанием вашего дела.

— Так вы не возьметесь за него? — Кирико снова в упор посмотрела на адвоката. На лбу у нее прорезалась легкая морщинка. Хорошо очерченные тонкие губы крепко сжались.

— Я говорю: к сожалению,— сказал адвокат с чувством некоторой неловкости.— Думаю, вам нет необходимости обращаться к столь дорогому адвокату, как я. Зачем вам платить лишние деньги? Ведь, честно говоря, у меня те же способности, что и у других. Я полагаю, у вас на родине тоже есть превосходные адвокаты.

— Но я приехала именно к вам, сэнсэй.

— Это было ошибкой. Неверно считать, что токийские адвокаты — самые лучшие.

— Вы отказываете потому, что я не могу заплатить вам гонорар?

Умелая спорщица, хоть и молода. Не зря сказал Окумура — характер у нее настойчивый.

— И поэтому тоже.— Оцука решил говорить без обиняков.— Во всяком случае, у меня полно срочных дел, я не могу поехать в провинцию. Прежде чем взяться за ваше дело, я должен досконально изучить его, ведь мне придется принять участие в судебном процессе с самого начала. Это долг адвоката. Но, к сожалению, у меня нет времени. Конечно, и деньги — вещь немаловажная, но главное для меня — отсутствие времени.

Кирико какое-то время размышляла, опустив глаза. Она сидела спокойно, не шевелясь. Казалось, что эта нежная женская фигурка отлита из стали.

— Понятно.— Кирико стремительно поднялась со стула. Это порывистое движение не было внезапным, но застало Оцуку врасплох.

— Ничего не поделаешь.— Кирико церемонно поклонилась.— Очень прошу извинить меня.

Адвокат, как ни странно, ощутил что-то похожее на легкую растерянность. Он быстро взял себя в руки и спокойно проводил девушку к выходу.

— Сэнсэй, брата, наверно, приговорят к смерти,— пробормотала она на пороге.

Сказав это, она исчезла на темной лестнице, ни разу не обернувшись.

Подошел клерк Окумура. До них доносился лишь гулкий звук ее шагов.

Глава вторая

Кирико проснулась в семь часов утра.

Сон был неглубокий, со множеством видений. Видения были отрывочные, бессвязные, мрачные. Всю ночь она беспрестанно ворочалась, и сейчас голова у нее раскалывалась. Какая-то нездоровая сонливость охватила ее, веки смыкались. Нервы были напряжены настолько, что болели глаза.

Встав с кровати, она раздвинула занавеску. Хлынувшие в окно солнечные лучи ослепили Кирико.

Умываться не хотелось. Некоторое время она сидела в плетеном кресле. Послезавтра надо уже выходить на работу. Если сегодня вечером не сесть в поезд, можно не успеть. Позавчера она приехала в Токио, а сегодня снова в дорогу. В душе ее была пустота. Утреннее

солнце припекало щеку. Это было неприятно, и Кирико встала.

Сняв гостиничную одежду, она облачилась в свой костюм. В комнате было тихо, но что-то тяготило ее. Она решила прогуляться по улице. Может, пройдет боль в глазах.

Кирико вышла на галерею. Навстречу ей семенила знакомая пожилая горничная. Узнав Кирико, она приветливо улыбнулась.

— Доброе утро. Вы уходите?

— Да, ненадолго.— Кирико чуть поклонилась.

— Счастливой прогулки. Пока вы погуляете, я приготовлю завтрак.— Служанка присела перед раздвижной перегородкой — фусума.

Кирико вышла на улицу.

Стояло раннее утро, и прохожих было мало. Улица была вымощена булыжником, который образовывал традиционный орнамент «волны лазурного моря» — «сэй-гайха». В зазоре между камнями чернел раздавленный окурочок. Заметив его, Кирико болезненно вздрогнула: «И вот так же раздавлен теперь мой родной брат», — подумала она.

Свежая листва на деревьях была еще влажной от росы. Солнечные лучи касались пока лишь крыш домов. Магазины в большинстве своем были еще закрыты.

Улица выходила к станции. Женщина в киоске уже торговала газетами и журналами, остальные лавочки пока еще были закрыты. Со станции никто не появлялся, но у входа уже толпились спешащие на работу люди. Торговля газетами шла бойко, однако Кирико не хотелось их покупать.

Кирико поднялась на мост. Внизу текла река, а вдоль нее проходила линия железной дороги. Прямо под мостом тянулась станционная платформа. Кирико смотрела сверху на подходящие поезда и пассажиров, которые суетливо копошились там, как букашки. Спокойствие и тишину раннего утра нес в себе только окружающий пейзаж. Неподалеку виднелся большой храм, медные украшения на коньке его крыши позеленели от времени.

Кирико видела все как во сне. Ощущения реальности не было. Токио казался каким-то пепельно-бледным, будто сделанным из папье-маше.

На обратном пути прохожих оказалось уже больше, лица у них были какие-то одинаковые.

— Уже вернулись?— услышала Кирико, войдя в комнату. Горничная принесла завтрак. На столике было все то же, что и накануне. Будто вчерашний завтрак и не кончался. Лишь неприятный осадок от встречи с адвокатом Оцукой разделял дни.

— Глаза у вас что-то покраснели,— сказала горничная, заглянув Кирико в лицо. Девушка уже взяла в руки палочки для еды.— Не удалось как следует отдохнуть?

— Да вроде бы отдохнула.

Аппетита не было. Только отхлебнула разок мисосиру¹.

— Ну, что же вы не едите?— сказала горничная.

— Да как вам сказать...

— Ай-яй-яй. Вы ведь молодая, вам надо есть больше.

— Довольно.

Кирико принялась за чай.

— Ну, конечно, вы тут впервые, вот и устали,— сказала горничная, поглядывая на Кирико.

— ...

— Удалось вам посмотреть что-нибудь в Токио? Я вчера сменилась с дежурства и не смогла к вам зайти...

— Нигде я не была.— Кирико поставила чашку.— Спасибо за угощение.

Горничная изумленно посмотрела на Кирико. Девушка отказывалась продолжить разговор. Неожиданно жесткое выражение ее глаз отрезвило горничную.

— Простите за беспокойство.— Она подхватила столик с остатками еды и пробормотала себе под нос: — Жаль, что Токио ей не понравился.

— Не понравился,— повторила Кирико, оставшись одна.

Ничто: ни свежий утренний воздух, ни прекрасный вид с моста,— не затронуло сегодня ее чувств. И только эти последние слова горничной, подобно какому-то отдаленному шуму, проникли в сознание.

Когда Кирико в чем-то отказывали, она была не в состоянии настаивать вторично. Гордость не позволила ей унижаться. Теперь, когда ее брат попал под арест и оказался под следствием, он часто повторял ей: «Ты — гордячка». В детстве, ссорясь с мальчишками, она дово-

¹ Мисосиру — соевый бульон, одно из самых популярных блюд японцев.

дила их до слез, да и сейчас, поступив на работу, она не кокетничала ни с начальством, ни с сослуживцами, как это делали другие сотрудницы. Если ей отказывали в просьбе, обратиться снова было выше ее сил, причем самой Кирико это казалось естественным. Однако все вокруг называли ее гордячкой.

Вчера адвокат Оцука ответил отказом, и уже сегодня она решила дневным экспрессом вернуться на Кюсю. Это было естественно для нее.

... «Жаль, что Токио ей не понравился».

Слова горничной внезапно открыли Кирико глаза на ее собственную нерешительность. Конечно, достопримечательности тут были ни при чем. А зачем она вообще приехала с Кюсю — чтобы просто навестить Оцуку?

Как ни странно, Кирико ощутила прилив мужества. Она решила бороться до последнего.

Кирико вышла из отеля. Воспользоваться гостиничным телефоном она не решилась — не исключено, что девушка на коммутаторе подслушает разговор. В фирме, где служила Кирико, телефонистка знала все тайны сотрудников.

Было половина одиннадцатого. Вероятно, Оцука уже в конторе. Улица кишела людьми. В ближайшей телефонной будке какой-то мужчина средних лет, прижав трубку к уху, безудержно хохотал. Он сам уже устал от долгого разговора и переминался с ноги на ногу. Казалось, беседа вот-вот закончится, но она все продолжалась и продолжалась.

Наконец мужчина открыл дверь и вышел, стараясь не встречаться с Кирико глазами. Девушка взяла трубку, которая еще хранила чужое тепло. Достала записную книжку и набрала номер конторы Киндзо Оцуки.

Ей ответил хриплый мужской голос.

— Сэнсэй в конторе? — спросила она.

— А кто говорит? — немедленно последовал вопрос.

— Меня зовут Кирико Янагида. Вчера я была у него на приеме...

Мужчина на том конце провода задумался.

— А-а, это вы приехали с Кюсю?

— Верно. Я бы хотела еще раз увидеть сэнсэя.

— По поводу вчерашнего дела? — спросил Окумура после небольшой паузы.

— Да.

— Но ведь вы вчера получили ответ.

— Понимаю, но...

Кирико просто физически ощутила, что Окумура встанет ей поперек пути.

— Я не могу с этим примириться. Ведь я специально приехала с Кюсю. Я непременно хочу еще раз его увидеть. Скажите, когда мне лучше прийти?

— Сэнсэя нет,— ответил голос в телефоне.— И неизвестно, вернется ли он сегодня.

Кирико почувствовала, что у нее подкашиваются ноги.

— Мне обязательно надо увидеть его сегодня. Если я не уеду вечерним поездом, у меня будут неприятности на работе. Где сейчас сэнсэй? Скажите мне, пожалуйста.

Только бы узнать, где он находится,— она поедет туда.

— В Каване,— ответил Окумура.

Кирико не знала, где это, и молчала.

Окумура добавил:

— Это далеко. Не в Токио. На полуострове Идзу. В префектуре Сидзуока.

У Кирико оставалось шесть часов до поезда. Это время она пробродила, скитаясь по токийским улицам. Бессмысленное, тоскливое, раздражающее хождение. На знаменитой Гиндзе была обычная толчея. Дома Кирико пыталась представить, как выглядит Гиндза, но вот теперь, попав сюда, не испытывала никакого интереса. Просто ходят какие-то незнакомые люди. Все они, похоже, живут в достатке и благополучии. Женщины беззаботно улыбаются. А если и случаются происшествия... что ж, по одному виду этих нарядных прохожих можно предположить, что раздобыть восемьсот тысяч иен адвокатского гонорара не составляет для них труда.

Зашла Кирико и в парк. Сосны здесь были с великолепными ветвистыми кронами. С одной стороны виднелись современные, будто с заграничной фотографии, дома. С другой — старинный японский замок. Сплошным потоком двигались машины. Группа туристов, выстроившись цепочкой, направлялась к императорскому дворцу. «В фирме я больше не останусь»,— меланхолично подумала Кирико.

Случившееся взбудоражило маленький городок. Пришла полиция, и брата ее забрали. Арест прошел спокойно — будто друзья заглянули в гости. Но жизнь Кирико сразу же изменилась. Люди вокруг стали относиться к ней прохладнее.

Вот уже и половина пятого. Совершенно измученная — и физически, и душевно — Кирико опять забрела в торговый квартал и заметила перед табачной лавочкой красный телефон-автомат. Его кричащий цвет будто придал ей энергии.

Кирико подошла к телефону, но в этот момент сбоку появился мужчина и схватил трубку.

— Прошу вас.— Он, улыбаясь, посторонился и передал трубку Кирико. Мужчина был высокого роста. Кирико тихо пробормотала слова извинения и опустила десятииенную монетку.

— Это контора адвоката Оцуки?

— Да,— ответил Окумура хриплым голосом.

— Говорит Янагида.— Кирико повернулась спиной к ожидавшему мужчине.— От сэнсэя нет никаких новостей?

Во время утреннего телефонного разговора Окумура посоветовал позвонить еще раз в половине пятого.

— Есть новости,— бесцветным голосом ответил Окумура.

— Какие же? — У Кирико забилося сердце.

— К сожалению, все без изменений. Я получил ответ сэнсэя и передам его вам,— монотонно продолжил клерк.— Как вам уже было сказано вчера, сэнсэй не может взяться за это дело.

Силы оставили Кирико — она даже не могла больше держать трубку в руках. Ее бросило в жар.

— Он не берется за дело, потому что не хватает денег?

— Причину вам сказали вчера.

— Но ведь человек пострадает невинно по ложному обвинению. Его могут приговорить к смерти? И сэнсэй не окажет помощь только потому, что нет денег?

Окумура ненадолго умолк. Может быть, потому, что голос Кирико звучал слишком пронзительно.

— Таково,— снова начал Окумура,— решение сэнсэя. Я здесь ни при чем. Незачем говорить со мной об этом.

— Я бедна, и заплатить такой адвокатский гонорар не могу. Понимаю, что разговор этот ни к чему, но все-таки я приехала с Кюсю только в надежде на сэнсэя. Я верила, что он поможет мне, поэтому взяла на работе четырехдневный отпуск, заняла денег и приехала.

— Ваша настойчивость не поможет. Откажитесь от этой мысли. На Кюсю тоже должны быть хорошие

адвокаты. Во всяком случае, мэтр загружен массой дел.

— И ничего не выйдет?

— Что поделаешь.— Окумура явно хотел закончить разговор.

— Алло, алло,— Кирико невольно повысила голос.— Я слышала, что есть адвокаты, работающие не из-за денег, а ради справедливости. И мне говорили, что адвокат Оцука именно такой. Вот почему я приехала. Неужели же сэнсэй ничем не поможет мне?

— Разве можно принудить человека поступить по справедливости?— монотонно заговорил Окумура.— Каждый человек вправе поступить по своей воле. Как бы то ни было, не советовал бы вам рассчитывать на мэтра. Вы ведь пришли, не зная, что гонорар у него выше, чем у других. К тому же он очень занят.

— Понятно,— сказала Кирико.— Сегодня вечерним поездом я должна вернуться на Кюсю. Если я опоздаю хоть на один день, не знаю, чем все это для меня обернется. С тех пор как это случилось, фирма и так не хочет меня держать. Живи я в Токио, то могла бы еще раз попросить сэнсэя о помощи. Но сейчас я лишена и этой возможности. Вы велели мне позвонить в половине пятого. Это была моя последняя надежда.

Окумура молчал.

За спиной Кирико кто-то топтался на месте. Ожидавший своей очереди позвонить мужчина чувствовал себя неловко и, видимо, нервничал. Кирико чувствовала дым его сигареты.

— Передайте Оцуке-сэнсэю,— продолжила она телефонный разговор.— Возможно, брату уже нельзя помочь. Но если бы у нас было восемьсот тысяч иен, кто знает, может, он был бы спасен. Это несчастье, что денег нет. Я прекрасно понимаю, бедному человеку и в суде не на что надеяться. Простите за несуразные речи. Думаю, что больше не потревожу вас просьбами.

Окумура молчал. Не дождавшись ответа, Кирико положила трубку. При этом аппарат звякнул, и в сердце Кирико будто что-то оборвалось.

Она побрела дальше, безразлично поглядывая по сторонам. Все вокруг было каким-то бесцветным и плоским. Земля плыла под ногами.

В горле пересохло. Но зайти куда-нибудь, чтобы напиться, не хотелось. Все мысли были сосредоточены только на сегодняшнем отъезде. Кирико шла вдоль ли-

нии железной дороги. Встречные люди раздражали ее. Было желание уйти куда-нибудь, где никого нет.

Сзади послышался голос.

Кирико не пришло в голову, что обращаются к ней. И лишь когда голос раздался совсем рядом, она обратила на него внимание.

— Извините,— послышалось прямо над ухом.

Молодой человек лет двадцати шести — двадцати семи легко поклонился ей. Кирико узнала его — тот самый, что после нее звонил по телефону. Нечесаная шевелюра, неряшливая одежда, перекрученный галстук, брюки с пузырями на коленях, весь вид какой-то небрежный.

— Разрешите проговорить с вами.— Он улыбнулся и застенчиво взглянул на Кирико.

— А в чем дело,— насторожилась она.

— Честно сказать, я виноват перед вами. Стоял рядом и слышал, как вы звонили адвокату. Правда, я специально не слушал, просто все долетало до моих ушей.

Мужчина вынул из внутреннего кармана записную книжку и достал вложенную в нее визитную карточку.

— Я не какой-нибудь подозрительный тип.

Кирико взяла протянутую ей визитную карточку и посмотрела.

«Абэ Кэйити, сотрудник редакции журнала «Ронсо» — значилось там.

Кирико подняла глаза и посмотрела на молодого человека.

Абэ, ожидая своей очереди позвонить, слышал разговор девушки. Вообще-то, женщины говорят подолгу. Бесконечно трепятся о пустяках, покатываясь со смеху. Он уже пожалел, что уступил очередь этой девушке, но ее беседа оказалась совсем другой.

Абэ, слушая ее, постепенно заинтересовывался. Когда девушка положила трубку и стала уходить, он махнул рукой на собственный телефонный разговор — ему надо было позвонить по делу — и отправился следом за нею.

Девушка с подавленным видом шла по улице. Но походка ее все-таки не была вялой. Абэ двигался сзади и не мог видеть ее лица — девушка глядела прямо перед собой. Узенькие плечи ее были опущены. Впрочем, может, Абэ просто казалось так, оттого что он слышал телефонный разговор.

Когда он ее окликнул, девушка, естественно, удивленно посмотрела на него. И хотя он вручил визитную карточку, в лице девушки ничто не отразилось — название журнала «Ронсо» было, видимо, ей незнакомо. Так что Абэ, как говорится, туго пришлось.

Он пригласил ее в кафе, но девушка не согласилась. Наконец, после долгих уговоров, они все-таки зашли в прелестное кафе. Девушка заказала сок и залпом выпила его. Абэ, опасаясь смутить ее, не решался даже вытащить сигареты. Девушка чуть потупилась и крепко сжала губы. У нее был тонко очерченный профиль.

— Вы приехали в столицу с Кюсю? — Абэ старался говорить как можно непринужденнее.

— Да.

— Простите, но, судя по телефонному разговору, с вашим братом стряслось что-то ужасное?

Девушка промолчала и только слегка кивнула.

— Если вас не затруднит, не могли бы вы рассказать, что случилось?

Девушка подняла галаза. В них проскользнула настороженность, Абэ, волнуясь, поспешил добавить:

— Нет, это не для статьи в журнале. Просто я очень вам сочувствую.

Девушка снова опустила глаза. На бледном лице ярко выделялись темные ресницы. От всего ее облика веяло обаянием детства.

— Как я понял, вам сейчас нужен адвокат для суда, но это требует огромных денег. Особенно, если это лучший адвокат. Как вы сказали, бедняку в суде надеяться не на что. Но ведь есть защитники, которые могут взяться за дело безвозмездно. В конце концов, все зависит от доброй воли адвоката. Если же он не захочет, его, конечно, не заставить.

Помолчав, Абэ задал вопрос:

— Простите, мне послышалось, что вы называли имя адвоката Оцуки. Речь идет о Киндзо Оцуке?

Девушка промолчала. Абэ понял, что догадался правильно.

— Если Киндзо Оцука, то это знаменитый адвокат. Но именно поэтому — дорогой. Вы спрашивали, сколько он берет?

Ответа опять не было. Девушка кусала губы. На лбу появилась легкая морщинка.

Абэ немного смешался. И тогда ему пришло в голову спросить о другом.

— Долго вы намерены оставаться в Токио?

— Нет,— сразу же ответила девушка,— возвращаюсь сегодня вечером поездом.

Абэ несколько удивился.

— Так быстро? А где вы живете на Кюсю?

— В городе К.,— последовал быстрый ответ.

— Значит, на адвоката Оцуку нет никакой надежды?

— Я ведь работаю, так что не могу остаться в Токио.

«Верно,— подумал Абэ.— Возвращается потому, что надежды нет».

— А не могли бы вы,— начал Абэ,— рассказать мне, в чем суть дела. Может, я чем-то смогу вам помочь.

— Не могу,— решительно отрезала девушка. Она собралась встать.

— Как вас зовут?— поторопился спросить Абэ, но девушка произнесла «извините», встала и вежливо поклонилась. От неожиданности Абэ не смог произнести ни слова. Поспешно заплатив по счету, он выскочил на улицу. Впереди в толпе прохожих он заметил девушку. В ее осанке чувствовалось достоинство. Она как бы показывала своим видом, что не допустит никакой назойливости.

Вернувшись в редакцию, Кэйити Абэ обратился к коллеге, опытному газетчику.

— Послушай, как называется влиятельная местная газета в городе К. на Кюсю?

— Газета «Н.»,— ответил коллега.

— А где можно увидеть ее подшивку?

— В Токио, наверно, есть корпункт. Сходи туда, тебе должны показать. А что ты разыскиваешь?

— Да так, хотел кое-что разузнать,— уклончиво ответил Абэ и сразу же выбежал из редакции.

Он отправился в корпункт газеты «Н.», вручил там свою визитную карточку и попросил показать подшивку.

— За какой год?

— Хм-м,— Абэ задумался,— точно не знаю. Меня интересует крупное происшествие, случившееся в городе К.

— А в чем заключалось это происшествие?

— Этого я тоже точно не знаю. Надо посмотреть, покажите мне газету.

— Ну что ж, дам вам подшивку за прошлый год и за этот. Пойдемте со мной.

Сотрудник газеты был очень любезен. Он отвел Абэ в комнату, уставленную книжными полками. Сотрудник вытащил все подшивки. Взметнулось облако пыли.

— Вот это. Смотрите, не торопясь.

— Спасибо.

Комплект был сброшюрован помесечно. На каждой папке значилось: январь, февраль и так далее.

Усевшись в темноватой комнате — света здесь было мало из-за того, что окно выходило на стену соседнего дома, — Абэ принялся усердно перелистывать пыльные газетные страницы.

Глава третья

Кэйити Абэ начал с подшивки за текущий год. Как и следовало ожидать, в газетах было много местных новостей. Абэ методично листал подшивку месяц за месяцем. В январских газетах он не обнаружил ничего. Абэ не обходил вниманием даже самые крохотные заметки, но — ничего примечательного.

Пошел февраль. Кровавых происшествий здесь оказалось сравнительно много, но все это было, как ему казалось, не то.

Март. Абэ уже и здесь не надеялся что-либо обнаружить. На газетных страницах царил мир и спокойствие. Вот репортаж о том, что знаменитая слива дадзайфу в полном цвету.

Все так же дотошно изучая любую мелочь, Абэ пролистал март до половины и вдруг словно очнулся. Перед глазами оказался заголовок, набранный необычно крупными иероглифами:

«УБИТА СТАРУХА-ПРОЦЕНТЩИЦА ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ. ТРАГЕДИЯ В ГОРОДЕ К.»

Вот оно! У Абэ захватило дух. Перед его мысленным взором возникло лицо девушки, разговаривавшей по телефону. Девушки, которая позже в кафе столь решительно отказалась рассказывать о себе.

В газете была помещена большая фотография. Обычный жилой дом, перед ним много людей, они пытаются заглянуть внутрь. Вокруг дежурят полицейские. Справа помещена фотография старухи с чуть удлинненным лицом. Снимок, видимо, любительский, блеклый. Старуха улыбается. Волосы короткие, лицо худое.

Абэ впился глазами в текст, набранный мелким шрифтом.

«...Двадцатого числа в девятом часу утра госпожа Токиэ, тридцати лет, жена Рютаро Ватанабэ, тридцати пяти лет, служащего фирмы из города К., пришла навестить свекровь Кику-сан, шестидесяти пяти лет, живущую в том же городе на улице Н., и обнаружила, что все ставни закрыты, раздвижные перегородки задвинуты, а вход не заперт. Невестка встревожилась, зашла в дом и увидела, что в комнате на нижнем этаже площадью восемь татами¹ лежит мертвая хозяйка. Токиэ тут же сообщила в полицию. На место происшествия немедленно выехали полицейские во главе с начальником полиции Оцубо и начальником уголовного розыска Уэда. Они обнаружили труп Кику-сан возле шкафа, стоящего у западной стены комнаты. Голова окровавлена; удары нанесены как попало каким-то тупым предметом. Медицинское обследование трупа до вскрытия показало, что с момента убийства прошло часов восемь-девять, следовательно, смерть наступила накануне, девятнадцатого числа, между одиннадцатью и двенадцатью часами вечера. Осмотр места происшествия показал, что Кику-сан оказала сопротивление. Во всяком случае, железный чайник чуть не свалился с жаровни, вода из него вылилась; из циновку просыпалась зола. Кику-сан еще не успела переодеться в ночную рубашку и была в своей обычной одежде. Исходя из того, что обычно она рано ложилась спать, можно предположить, что несчастье случилось раньше, чем установили врачи. Рядом с жаровней стояли две чашки, чайник для заварки и чайница. Все выглядело так, будто старуха ждала гостя.

Кику-сан жила в этом доме тридцать лет. С тех пор как пятнадцать лет назад умер муж, она занималась тем, что давала деньги под проценты. Пять лет назад ее единственный сын Рютаро с женой переехали в другое место, и старуха с того времени жила одна.

¹ Т а т а м и — соломенный мат площадью 1,5 кв. м.

Полиция не уверена в том, что преступник ворвался в дом с целью грабежа. Преступник, видимо, что-то искал, поскольку ящики в шкафу наполовину выдвинуты и все в них перерыто.

Орудие убийства пока не найдено. В настоящее время полиция не исключает версии убийства из ненависти.

Кику-сан давала деньги в долг под высокие проценты и возврата их требовала строго. Нередко, встретив должника на улице, она начинала нещадно ругать его. Возможно, что преступление — дело рук одного из должников. Полиция с помощью опроса населения пытается выяснить, не показывался ли поблизости от дома Ватанабэ кто-нибудь подозрительный.

Квартал Н., где расположен дом убитой, находится в стороне от центральной торговой части города. Здесь еще сохранились уединенно стоящие особняки, некогда принадлежавшие самураям, которые служили у местного князя. Люди тут живут разобщенно и рано ложатся спать, не удивительно, что никто из окрестных жителей не слышал в тот вечер ни шума, ни криков. Судя по тому, что Кику-сан не стала переодеваться в ночную рубашку, разожгла жаровню, поставила чайник и приготовила чайный сервиз, она кого-то ждала, но полиция затрудняется сказать — кого именно.

Рассказ Токиэ-сан: «Утром двадцатого числа я пришла к свекрови посоветоваться насчет посещения кладбища в день поминовения усопших. Несмотря на то что ставни были плотно затворены, боковая дверь, через которую обычно входили в дом, оказалась не закрытой и лишь сёдзи¹ задвинуты. Странно, подумала я. Свекровь обычно крепко запирала дверь на ночь. Войдя, я увидела, что она лежит в крови возле шкафа мертвая. Я испугалась. Пока мы не проверили все как следует, нельзя сказать, украдено ли что-нибудь. Свекровь по характеру была весьма настойчива, когда старалась получить обратно свои деньги. Думаю, что люди относились к ней с ненавистью. Она опротивела даже и своему единственному сыну — моему мужу, и он стал жить отдельно. Но и при таком характере свекровь, случалось, проявляла благородство и давала без залога довольно значительные суммы».

Далее шли показания Рютаро, старшего сына Кику Ватанабэ.

¹ С ё д з и — наружные раздвижные перегородки.

«Я питаю отвращение к ростовщичеству. О том, сколько у матери денег, я не спрашивал и не знаю. Когда меня спросили в полиции о размере ущерба, я совершенно ничего не мог ответить. Повторяю: мне неизвестно, сколько денег было у матери...»

Первая публикация в газете этим заканчивалась. Абэ дважды перечитал ее и законспектировал в своем блокноте.

Затем он пошел дальше.

«ДУБОВАЯ ПАЛКА, КОТОРОЙ СОВЕРШЕНО ПРЕСТУПЛЕНИЕ. УБИЙСТВО СТАРУХИ В ГОРОДЕ К.».

Эта статья тоже занимала три столбца.

«...полиция, ведущая расследование убийства старухи процентщицы, совершенного девятнадцатого числа, через два дня после происшествия обнаружила в канаве на пустыре около храма дубовую палку, которую, как полагают, использовал преступник. Палка была обнаружена на расстоянии примерно двух тё¹ к северу от дома Ватанабэ, в канаве, наполненной сточными водами. Ширина канавы шестьдесят сантиметров, она проходит вдоль изгороди, которая окружает луг, принадлежащий храму, с северной стороны. Обыскивая окрестности в поисках орудия убийства, полиция обратила внимание на эту канаву, очистила ее и обнаружила на дне дубовую палку длиной около семидесяти сантиметров. На конце ее оказалась почерневшая запекшаяся кровь. Когда палку показали сыну покойной, Рютаро, тридцати пяти лет, он засвидетельствовал, что этой палкой Кику-сан заперала свою дверь».

Вот что сказал начальник уголовного розыска Уэда:

«Несомненно, дубовая палка послужила орудием преступления. В настоящее время мы обследуем ее с целью обнаружения отпечатков пальцев и надеемся получить их, несмотря на то, что палка пролежала в сточной канаве. Мы думаем, что кровь, запекшаяся на конце палки, имеет ту же группу, что и кровь жертвы».

¹ Т ё — мера длины, примерно 109 м.

«ДУБОВАЯ ПАЛКА — ОРУДИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. УЩЕРБ ВЫЯСНЯЕТСЯ».

«...установлено, что кровь, запекшаяся на конце дубовой палки, обнаруженной в сточной канаве на храмовом лугу в двух тѣх от дома жертвы, имеет группу «О», то есть ту же группу, что и у покойной Кики-сан. Палка долго пролежала в сточной канаве, и отпечатки пальцев на ней трудно различимы. Относительно ущерба, причиненного покойной, ее сын, Рютаро, с женой

сообщили, что из дома ничего не украдено. В этой связи в полиции окончательно возобладала версия убийства из ненависти. К тому же Кики-сан совсем не подерживала отношений с мужчинами, что исключает вероятность убийства на любовной почве. Полиция уверена, что скоро сможет арестовать преступника».

Вот что сказал начальник уголовного розыска Уэда:

«Все наши усилия направлены на разработку версии убийства из ненависти. По словам сына покойной и его жены, ничего не украдено, но преступник оставил на шкафу отчетливые отпечатки пальцев. Кроме того, мы располагаем и другими фактами, о которых на данном этапе я не могу заявить. Поимка преступника — это вопрос времени».

Абэ быстро листал дальше. В глаза бросился заголовок.

**«ПРЕСТУПНИК — УЧИТЕЛЬ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ.
МОТИВ УБИЙСТВА — ЖЕРТВА ТРЕБОВАЛА ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОЛГА».**

Эта статья занимала четыре столбца и была расположена вверху страницы. Прежде чем читать, Абэ внимательно изучил фотографию. Молодой человек лет двадцати семи — двадцати восьми, в пиджаке. Черты его лица в точности повторяли запомнившийся Абэ облик девушки.

Чтобы справиться с волнением, Абэ отвел взгляд от газетной полосы и посмотрел на здание фирмы напротив. У окна стояли женщины-служащие, они заинтересованно что-то обсуждали и смеялись.

За спиной Абэ прошел сотрудник газеты.

Кэйити Абэ вновь углубился в чтение. Теперь с еще большим интересом.

«...Скрупулезное расследование убийства старухи процентщицы привело наконец двадцать второго числа к аресту подлинного преступника. Им неожиданно оказался Масао Янагида, двадцати восьми лет, учитель начальной школы. Это событие потрясло город».

Полиция, исходя из того, что жертва давала деньги в долг под высокие проценты и требовала их возврата, с самого начала предполагала, что убийство совершил какой-то кредитор из чувства ненависти. Поэтому поиски были сконцентрированы в этом направлении. И вот, когда сын покойной вместе с женой стали проверять личные вещи Кику-сан, они обнаружили записную книжку, куда старуха заносила для памяти долги. Когда сравнили эти записи с расписками, хранившимися в шкафу, оказалось, что одной расписки не хватает. Речь шла о сумме в сорок тысяч иен, одолженных восьмого сентября учителю начальной школы Масао Янагиде. Согласно записной книжке процентщицы, срок возврата суммы истек в конце прошлого года. Должнику следовало выплачивать десятую часть от общей суммы ежемесячно в виде процентов, но Янагида за все время сделал это лишь дважды. Полиция тайно проверила все, что касается Янагиды. Оказалось, что он снимает помещение на втором этаже в доме господина В. и живет вместе с младшей сестрой. Кирико, двадцати лет, работающей в фирме машинисткой. Родители у них умерли, так что Масао пришлось учиться в тяжелых условиях; на работе его характеризуют как человека старательного.

В последнее время он испытывал большие денежные затруднения и страдал от того, что его товарищи по работе знали об этом. Некоторые из них засвидетельствовали: Кику-сан настоятельно требовала от него возврата денег. Она не раз ходила к нему домой и наконец стала поджидать его по дороге в школу, чтобы он вернул долг. Из-за этого Янагида в последнее время пребывал в состоянии депрессии.

Когда его вызвали на допрос в полицию, Янагида побледнел и задрожал. Побеседовав с ним, полицейские тайно взяли его отпечатки пальцев и сверили их с

отпечатками на шкафу. Они полностью совпали. Было решено, что Янагида и есть преступник. Взяли ордер на арест и заключили его под стражу.

На следствии Янагида отрицал свою вину.

Вот что сказал начальник уголовного розыска Уэда:

«Преступник, несомненно, Янагида. Совпадают отпечатки пальцев, алиби у него тоже нет. Мотивов для совершения преступления у него достаточно. А именно, Кику Ватанабэ очень назойливо требовала возвращения денег и всячески ругала Янагиду по этому поводу. Янагида затаил ненависть, пришел к ней домой и убил дубовой палкой, использовавшейся вместо засова. При этом, возможно, опасаясь, что

его собственная расписка в получении денег послужит уликой, Янагида забрался в шкаф, где, как он знал по прежним посещениям, хранились расписки, и выкрал свое долговое обязательство. Затем он убежал, а дубовую палку, послужившую орудием убийства, выбросил в канаву на пустыре. Сам Янагида отрицает свою вину, но это обычная история, и, я думаю, что он очень скоро сознается».

Часть показаний А., бывшего директора начальной школы.

«Янагида-кун — человек ответственный, занятия вел с увлечением, ученики к нему привязаны. Я знаю, что в сентябре Янагида-кун собрал тридцать восемь тысяч иен на экскурсию, но о том, что он потерял их, не слышал. Экскурсия прошла благополучно, так что я думал, все обошлось без происшествий. Впервые я узнал об этой потере, лишь когда произошло убийство. Если бы он тогда открылся кол-

легам, мы бы все как-нибудь уладили, но Янагида решил сам отвечать за случившееся, связался с ростовщицей и, к сожалению, совершил непоправимое... Все это произошло так внезапно, что даже не верится, но теперь в связи с его арестом школа тоже должна со своей стороны принять срочные меры. Если он сознается, мы тоже должны понести за случившееся свою долю ответственности».

Часть показаний В., который сдавал Янагиде второй этаж своего дома.

«Я начал сдавать второй этаж Янагиде-сану три года назад. По воскресеньям к нему приходили поиграть ученики, человек по десять. Младшая сестра учителя, Кирико, тоже развлекала их. Отношения между братом и сестрой очень хорошие,

соседи тоже так считают. Ватанабэ-сан стала приходиться с требованиями вернуть долг начиная с февраля этого года, чаще всего по вечерам. Стоило мне сказать: «Ватанабэ-сан пришла», как Янагида-сан в волнении сбегал на первый этаж и выводил Вата-

набэ-сан на улицу, где вел с нею долгие беседы. Ватанабэ-сан не церемонилась и громко кричала, требуя быстрее вернуть деньги, предупреждала, что в противном случае нарастут большие проценты. Янагида-сан беспрестанно извинялся, и всякий раз

Ватанабэ-сан, успокоенная, возвращалась домой, а Янагида-сан обреченно обхватывал руками голову. Мне было жаль его, и я делал вид, что ничего не вижу. Помнится, Ватанабэ-сан приходила четыре или пять раз...»

Вот что сказала младшая сестра арестованного, Кирико Янагида:

«Мой отец умер одиннадцать лет назад, а мать — восемь лет назад. Пока я не закончила школу, обо мне заботился мой брат. Брат, работая, закончил школу, затем университет и стал учителем начальных классов. Когда я окончила среднюю школу, то поступила на курсы машинисток, после чего стала работать в фирме. Брат зарабатывал в месяц одиннадцать тысяч иен, я — восемь тысяч. Только на эти деньги мы и жили. Брат — человек серьезный, развлекаться не ходил, подружек у него не было. Я совсем не знала, что брат потерял тридцать восемь тысяч иен, предназначенных на экскурсию. Не знала я и того, что он занял у Ватанабэ-сан сорок тысяч иен, чтобы внести недостачу. Он знал, у меня есть небольшие сбережения, но, я думаю, ему неловко было одалживать у меня деньги, которые я заработала своим трудом. Такой уж он человек. Если бы он не был таким щепетильным и открылся мне, думаю, что всего этого не случилось бы. Теперь я корю его за это.

Я обратила внимание, что Ватанабэ-сан частенько приходит

к нам. Но то ли потому, что она большей частью приходила в мое отсутствие, то ли потому, что брат всякий раз выходил с нею на улицу, я не знала, о чем они говорили. Тем не менее ее визиты меня удивляли. Я спрашивала брата об этом, но он отвечал, что Ватанабэ-сан приходит посоветоваться в связи с тем, что мальчик из ее родни на будущий год сдает экзамены в средней школе. Мне казалось странным, что Ватанабэ-сан не поднимается к нам на второй этаж, я понимала, что это неспроста, но глубоко над этим не задумывалась. Теперь-то я вижу, что зря не расспросила брата как следует. Но он казался спокойным и даже веселым, так что я ничего не заподозрила.

Помню, что вечером девятнадцатого марта брат вернулся домой около полуночи. Он был очень бледен, выглядел усталым и растерянным. Я испугалась и спросила его, в чем дело, но он сказал, что ничего особенного, просто он перебрал сакэ с приятелями, и сразу же лег. Я тогда удивилась, что от него не пахнет сакэ, но не придавала этому значения. На следующее утро я при-

готовила завтрак и стала будить брата, но настроение у него, по-видимому, было скверное, он попросил дать ему еще поспать. С тем я и ушла на работу.

Вечером, когда я вернулась из фирмы, брат уже был дома. Я стала просматривать вечернюю газету и сказала, что сообщают об убийстве Ватанабэ-сан, но брат ответил, что уже прочитал об этом. Вид у него был совершенно безразличный, он отвернулся к столу и принялся про-

верять контрольные своих учеников. Теперь-то я понимаю, что он просто не хотел встречаться со мной взглядом. Когда через два дня брата забрали в полицию, я была потрясена.

Я не верю, что брат убил Ватанабэ-сан. Не такой он человек, чтобы пойти на это. А вот долговую расписку он, наверно, взял. Уж очень не по себе ему было в тот вечер... И все-таки я убеждена, что брат не мог совершить убийство....»

Когда Кэйити Абэ читал эти слова, между газетными строками всплыло лицо Кирико Янагиды. Плечи напряжены, губы плотно сжаты, взгляд устремлен в одну точку. Упрямое выражение лица, а линия подбородка — по-детски нежная. И еще: вот она идет в толпе, не глядя по сторонам, стремительно, будто прорываясь через что-то...

Солнце уже клонилось к закату, и в комнате становилось темно. Абэ, сделав пометки, снова принялся листать подшивку.

«ЯНАГИДА ЧАСТИЧНО СОЗНАЛСЯ В УБИЙСТВЕ СТАРУХИ»

«...Арестованный в городе К., бывший учитель начальной школы Масао Янагида, двадцати восьми лет, который упорно отрицал свою вину, вечером двадцать седьмого числа наконец частично сознался. Вот заявление обвиняемого относительно предъявленного обвинения:

«Обвинительный акт не соответствует действительности по следующим пунктам:

1) Верно, что я в октябре прошлого года занял у Кики Ватанабэ сумму в сорок тысяч иен (реально за вычетом процентов получил на руки тридцать восемь тысяч) с обязательством выплачивать в виде процентов десятую часть суммы ежемесячно и с окончательным сроком возврата в декабре прошлого года. Впоследствии я смог лишь дважды выплатить проценты, а долг погасить не смог, поэтому с февраля этого года Кики Ватанабэ постоянно требовала вернуть деньги.

2) Вечером девятнадцатого марта я пришел к Кики Ватанабэ, так как накануне пообещал ей, что завтра вечером приду и заплачу проценты за два месяца. Но мне не удалось раздобыть деньги, и я пошел к Кики попросить прощения и договориться о дальнейшем. У меня не было цели убить Кики и завладеть своей распиской.

3) Когда я пришел к Кики Ватанабэ, дверь была открыта и лишь раздвижная перегородка задвинута, в доме горел свет. Я решил, что Кики еще не легла и поджидает меня. «Вот незадача!» — подумал я и два или три раза сказал «Добрый вечер!», но ответа не было. Наверно, задремала по старости, подумал я и раздвинул перегородку. Дверь в гостиную, располагавшуюся слева, была открыта. Присмотревшись, я увидел, что Кики Ватанабэ спит, распростершись на полу рядом со шкафом. «Все-таки задремала», — подумал я. Но как я ни звал ее, она не поднималась. Чайник на жаровне стоял боком, из него вылился кипяток, а на циновку просыпалась зола. Странно, подумал я и присмотрелся получше. На циновке было что-то красное, и я понял, что это кровь. Затем я заметил, что лицо Кики тоже в крови, и ужаснулся. Я решил, что надо немедленно сообщить в полицию. Но затем я подумал, что полиция начнет расследование, обнаружит мою расписку и выяснится, что я брал деньги у ростовщика. Я решил взять свою расписку, скинул обувь и вошел в гостиную. Тут я воочию увидел, как страшно выглядит убитая Кики. Кто-то пришел раньше меня и убил ее, подумал я и тут же ужаснулся тому положению, в которое попал сам. Надо бежать, решил я, но если оставить расписку, это сработает против меня. Я предположил, что расписка находится в маленьком бюро, где Кики хранила ценные вещи. Я разыскал в бюро расписки, причем замок левой дверцы был уже сломан кем-то до меня, взял свое обязательство и снова вышел через парадную дверь. В тот же вечер я сжег расписку на улице перед своим пансионом.

Все происходило так, как я сказал: я не избивал Кики Ватанабэ дубовой палкой, не выдвигал ящики шкафа с целью грабежа и не рылся в одежде. Зола и кровь на штанах появились, когда я прошел от порога к шкафу».

Если признать показания Янагиды в их нынешнем виде, а он упорно на них настаивает, то отсюда следует, что убийство совершил кто-то другой.

Однако в полиции считают, что Янагида, бесспорно, является преступником, об этом свидетельствуют неопровержимые вещественные доказательства: отпечатки пальцев, оставленные на шкафу, пятна крови и следы золы, обнаруженные на штанах Янагиды, причем анализ показал, что группа крови на штанах соответствует группе крови жертвы, а зола идентична той, что высыпалась из жаровни в ее доме. Следствие сделало вывод, что Янагида просто был вынужден частично сознаться, а его полное признание — исключительно вопрос времени.

Вот что заявил начальник уголовного розыска Уэда:

«Янагида неохотно, но все-таки сознался в своих преступных побуждениях и частично — в своих преступных действиях. Он всячески старается отвести от себя обвинение в убийстве, но его заявление о том, что, когда он пришел к Кики Ватанабэ домой, она уже была мертва — не более чем увертка. Мы ожидаем, что в ближайшее время он полностью признает свою вину».

Абэ пролистал еще несколько страниц и снова наткнулся на заголовок:

«ЯНАГИДА ПОЛНОСТЬЮ СОЗНАЛСЯ. ОН ИЗБИЛ СТАРУХУ ДО СМЕРТИ ДУБОВОЙ ПАЛКОЙ».

«...Масао Янагида, подозреваемый в убийстве старухи процентщицы, но упорно отрицавший свою причастность к этому, несмотря на признание в краже долговой расписки, вечером тридцатого числа, во время очередного допроса, наконец сдал-

ся и объявил, что он убил Кикусан. Одиннадцать дней потребовалось для того, чтобы раскрыть дело об убийстве старухи процентщицы, потрясшее весь район Китакою. Ниже помещено признание Масао Янагиды».

Абэ впился глазами в текст этого признания. Блокнот и карандаш лежали рядом. За окном стало еще темнее.

«До сих пор я утверждал, что Кики Ватанабэ убил другой человек, но поскольку расследование, очевидно, выяснит все обстоятельства, я сегодня скажу все без утайки. По правде го-

воря, Кики Ватанабэ убил я. Вот как это было.

В сентябре прошлого года я потерял по дороге домой тридцать восемь тысяч иен, собранных на экскурсию с детей. Не

зная, как возместить их, я занял у Кику Ватанабэ сорок тысяч, но не смог вернуть долг, а Кику настойчиво требовала с меня уплаты. Все это я уже заявлял.

Ватанабэ-сан была очень алчной женщиной, она требовала ежемесячно десять процентов с ссуды, а когда я сказал, что не смогу вернуть деньги в срок, стала ловить меня по дороге в школу, заходить ко мне домой и бранить. Учитывая то, что я — учитель, это было для меня позором. Я уже не мог как следует, спокойно вести занятия, стал нервничать. Во всем я обвинял Кику, возмущение мое росло, и, наконец, я решил убить ее.

Восемнадцатого марта около шести часов вечера я пришел к Кику и обрадовал ее тем, что пообещал прийти завтра часов в одиннадцать вечера, уплатить проценты и часть суммы долга. Девятнадцатого в одиннадцать часов я украдкой пришел к Кику. Она еще не легла. На жаровне кипел железный чайник, рядом стояли две чашки, чайник для заварки и чайница.

Увидев меня, Ватанабэ-сан воскликнула: «Хорошо, что пришел!» и стала отползать на коленях с того места, где сидела,

к жаровне, чтобы налить мне чаю. Я уже присмотрел палку, которую Кику использовала вместо засова, и решил, что она подходит для моих целей. Мгновенно схватив стоявшую у входа палку, я ударил Кику по голове. Кику грохнулась на пол, а затем вскочила и яростно бросилась на меня. Тогда я схватил палку правой рукой и ударил Кику по лбу и по лицу. Она издала вопль, снова упала и больше уже не двигалась. Я сломал замок на известном мне бюро в шкафу, вытащил стопку долговых обязательств, достал оттуда свою расписку на сорок тысяч иен и убежал через парадную дверь. Дубовую палку я выбросил в сточную канаву на пустыре возле храма и вернулся к себе домой. Никто не заметил, ни как я выходил из дома Кику, ни как вернулся домой. Когда Кику упала в первый раз, пол затрясся, отчего чайник на жаровне накренился, кипяток пролился на угли, и просыпалась зола. Расписку на сорок тысяч иен я поджег спичкой и спалил на пустыре перед своим домом. Какие мучения причинил мне этот клочок бумаги! Тогда я почувствовал облегчение, но теперь я ощущаю угрызения совести по поводу смерти Кику-сан».

Судя по показаниям Янагиды, он надеялся, что, взяв свою расписку, заметет следы, но удача изменила ему, поскольку оказалось, что предусмотрительная старуха записывала имена своих должников в отдельный блокнот. Когда записи в нем стали сопоставлять с расписками, выяснилось, что отсутствует только

долговое обязательство Янагиды. Это и послужило поводом к обвинению Янагиды.

Вот что сказал начальник уголовного розыска Уэда:

«Мы были уверены, что Янагида признается, и вздохнули с облегчением, когда он наконец сделал признание. Это признание полностью совпадает с реальными обстоятельствами, установленными в ходе следствия. Кроме того, против него имеются неопровержимые улики».

Абэ сделал пометки и пролистал еще четырнадцать или пятнадцать страниц. Наконец внизу газетной полосы он обнаружил скупую заметку на две колонки.

**«ЯНАГИДА ЗАЯВИЛ ПРОКУРОРУ,
ЧТО ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ СВОЕГО ПРИЗНАНИЯ: «УБИЙСТВО
СОВЕРШИЛ НЕ Я».**

«Пятого апреля подозреваемый в убийстве старухи процентщицы в городе К. Масао Янагида был допрошен в городской прокуратуре. Допрос по его делу вел прокурор Масуо Цуцуи. Однако Янагида, который уже сознался в преступлении, встретившись с прокурором Цуцуи, неожиданно отказался от своих показаний и заявил, что он действительно тайно проник в дом и украл свою долговую расписку на сорок тысяч иен, но Кики-сан не убивал. Она к моменту его прихода уже была убита. Таким образом, Янагида полностью вернулся к показаниям, которых держался до того, как сделал признание».

Начальник уголовного розыска Уэда сообщил:

«Мы предполагали, что Янагида на допросе у прокурора может отрицать, что совершил убийство. В этом нет ничего удивительного, если учесть, какой у него характер. А именно, с самого начала он так или иначе пытался избежать обвинения в убийстве. И если на допросе в полиции он, припертый к стене логикой рассуждений, вынужден был сделать признание, то в прокуратуре Янагида снова попытался опровергнуть очевидное. Но мы, несмотря на то, что обвиняемый выступил в прокуратуре с опровержением, считаем его виновным».

А вот что сказала младшая сестра подозреваемого, Кирико Янагида:

«Я рада, что брат отказался от признания, которое он сделал в полиции. Думаю, что он сказал правду теперь. Я глубоко убеждена в невинности брата».

Кэйити Абэ снова как бы увидел лицо девушки. Руки сложены на коленях, пальцы крепко сплетены. Напряженный взгляд, устремленный в одну точку.

Свет из окна, падавший на газетный лист, становился все слабее. Абэ дочитал последнюю статью и закрыл толстую подшивку.

**«ЯНАГИДЕ ПРЕДЪЯВЛЕНО
ОБВИНЕНИЕ В УБИЙСТВЕ СТАРУХИ,
ОН ОТРИЦАЕТ ВИНУ».**

«...Масао Янагида, подозреваемый в убийстве старухи процентщицы в городе К., снова был допрошен прокурором Цуцуи. Двадцать восьмого апреля, ввиду неоспоримости улики, ему было предъявлено обвинение».

Это событие, вероятно, взбудоражило местное население. Накал страстей прорывался даже в тоне газетных публикаций. В некоторых из них говорилось: факт, что человек, подозреваемый в столь тяжком преступлении, — учитель начальной школы, свидетельствует о падении морали. Местные тузы и знаменитости сурово осуждали Янагиду. Директор начальной школы, где он работал, подал в отставку.

Поблагодарив сотрудника газеты, Абэ вышел из редакции. На улице он обнаружил, что, хотя небо еще чуть светилось голубизной, наступило царство неона. Был час пик. Абэ смешался с толпой. Не хотелось сразу же садиться в такси или забираться в электричку.

Похоже, что в невинность Масао Янагиды верила только Кирико Янагида, думал Абэ, шагая по улице. Если исходить из газетных сообщений, его вина неоспорима. Правда, он опроверг свое же собственное признание в убийстве, но это выглядело не более чем увертка. Вещественные доказательства неопровержимы.

В ушах Абэ все еще звучал голос Кирико, когда она разговаривала по телефону с конторой адвоката.

«...Наверно, брату нельзя помочь. Если бы у нас было восемьсот тысяч иен, он, может быть, был бы спасен. Но у нас нет таких денег, к несчастью. Я хорошо понимаю, что бедным и в суде не на что надеяться. Думаю, что больше не потревожу вас...»

Когда Абэ поднимался в толпе по лестнице, ведущей на станцию Юракутё, ему пришло в голову написать о происшествии в своем журнале. Эта мысль осенила его внезапно. Пожалуй, в этот момент он инстинктивно поверил девушке.

На следующий день Абэ улучил момент и заговорил с главным редактором Танимурой.

Главный редактор Танимура, коренастый, широкоплечий человек, приходил на службу после одиннадцати, садился за стол и сразу же принимался за чтение корреспонденции. Письма читателей он изучал внимательно, а поскольку их приходило более тридцати в день, на это требовалось время. Ненужные он выкидывал в большую мусорную корзину, а на тех, которые могли пригодиться, карандашом писал свое мнение. Затем письма отправлялись в соответствующие отделы.

Минут тридцать главный редактор читал корреспонденцию, затем прерывался, делал несколько телефонных звонков, после чего вновь принимался за дело. Очередной телефонный разговор был с журналистом и отнял уйму времени — минут сорок. Пачка писем, поначалу аккуратно сложенных, уже рассыпалась.

Абэ решительно встал и подошел к столу редактора.

— Вы заняты?

Танимура, сверкнув очками, поднял голову и посмотрел на Абэ большими глазами.

— А что? — спросил он. Голос у него хриплый и низкий.

— Хочу посоветоваться насчет одной статьи.

— Ну-ну.— Редактор отложил письмо.— Пожалуй-ста.— Он взял со стола сигарету и откинулся поудобнее, приготовившись слушать молодого журналиста.

Абэ достал из кармана свои заметки.

— Так-так.— Танимура, зажав пальцами дымящуюся сигарету, скрестил руки и в раздумье чуть склонил голову. Пока он слушал рассказ Абэ, на губах его играла легкая улыбка.— Ну и что же нам с этим делать? — Он кинул на Абэ скептический взгляд из-под

очков.— Я думаю, что эта история не для нашего журнала.— Редактор стал чуть покачиваться на стуле.— Она скорее годится для очерка на злобу дня в еженедельнике.

«Ронсо» — авторитетный общественно-политический и литературно-художественный журнал. Его авторы придерживаются строгого стиля. Если они хотят написать что-нибудь в свободной манере, то им приходится публиковать это на стороне. Журнал возник после войны, но уже обрел свои традиции.

Своей популярностью журнал обязан был стараниям главного редактора Танимуры. И не просто стараниям. Чтобы сделать «Ронсо» популярным, он в течение двух лет, как говорят, спал по три часа в сутки. О Танимуре рассказывали много легенд. Ему приходилось ссориться со многими журналистами, дело доходило даже до рукопашной. Человек он был настойчивый и горячий.

Ему была присуща своего рода одержимость — он делал все возможное для того, чтобы журнал стал лучше. Можно сказать, что «Ронсо» в его нынешнем виде — плод страстных и энергичных усилий Танимуры. Это вынуждены были признавать даже те, кто его ненавидел.

Как только Танимура сказал, что эта история — лишь для очерка на злобу дня в еженедельнике, Абэ почувствовал: дело безнадежное.

— Однако,— попытался он все-таки настаивать,— я думаю, если обвинение — ложь и напраслина, то проблема тут существует. Младшая сестра специально приехала с Кюсю, чтобы попросить адвоката Оцуку, но он отказал, так как у просительницы не было денег. Из-за отсутствия денег она не смогла обратиться за помощью к первоклассному адвокату. Брату, очевидно, будет вынесен смертный приговор. Это вырастает в целую проблему современного судопроизводства.

— Но нет никаких оснований считать, что это дело можно было бы выиграть, участвуя в нем адвокат Оцука.— Танимура еще сильнее закачался на стуле.— К тому же адвокат — человек деловой. Бесплатно вести дело он не возьмется. Нельзя его за это осуждать.

— Но я и не осуждаю Оцуку персонально,— сказал Абэ.— Я лишь говорю о том, что бедный человек не может рассчитывать на должное рассмотрение своего дела в суде.

— Эта мысль неплоха.— Редактор затянулся сигаретой.— Ты хочешь затронуть эту проблему на примере происшествия на Кюсю?

— Да.

— Но тогда ты должен быть твердо уверен, что обвиняемый не виновен. Если окажется, что на самом деле он виноват, журнал попадет впросак. У тебя хватит мужества заявить, что обвинение против него — ложь?

— Вот я и хочу сам расследовать.

— Что — расследовать? — Глаза редактора насмешливо сощурились.

— Поеду туда, где это случилось, ознакомлюсь с материалами следствия, осмотрю место происшествия. Встречусь со всеми, с кем удастся. Хотелось бы собрать как можно больше данных, по какой-либо причине неизвестных полиции или умышленно скрываемых.

— Брось-ка ты это дело,— дружески посоветовал редактор.— Эта не та проблема, ради которой мы можем рисковать репутацией журнала.

Абэ встал, и Танимура сразу прекратил покачиваться на стуле.

— Договорились? Нет в этой истории материала для далеко идущих выводов. Простое убийство с целью грабежа. Был бы тут какой-то философский аспект, как в инциденте Н.— это бы еще куда ни шло. А тут... только создадим у читателей впечатление, что пытаемся угнаться за модой критиковать суды и прокуратуру.

— Однако,— все еще не сдавался Абэ,— вы ведь не будете отрицать: человек без средств не может рассчитывать на объективное судопроизводство.

— И ты хочешь,— Танимуру уже начала раздражать непонятливость Абэ,— использовать этот случай в качестве реального примера существования этой проблемы? Ты говоришь, что поедешь на место событий. Но на это нужно достаточно много денег. Наконец, тебе придется на несколько дней, а то и недель оторваться от работы здесь, а ее и так невпроворот. Да и редакции эта командировка обойдется недешево. Вот я и говорю — стоит ли нам рисковать?

«Стоит»,— подумал Абэ. Но у него не хватало смелости заявить, что обвинение против Масао Янагиды — ложное, да и особых надежд доказать это тоже не было. Но все-таки, если он вернется, удостоверившись, что Янагида полностью виновен?

Строгий взгляд девушки и тон ее разговора с конторой адвоката вселяли в Абэ смутную уверенность, что обвинение и впрямь ложное. Тем не менее весомых аргументов у Абэ пока не было. Он молча отошел от стола редактора.

Отделавшись от Абэ, Танимура с сигаретой в зубах снова склонился над письмами. Клубы табачного дыма явно щипали ему глаза, и Абэ невольно подумал, что редактор лишь напускает на себя довольную мину.

Тем вечером по пути с работы Абэ завернул в свой излюбленный бар.

— Послушай! — улыбаясь, подошел к нему один из коллег. — О чем ты говорил сегодня днем редактору?

Коллегу звали Хисаока. Он уже выпил немного, и глаза у него от этого стали маленькими, как у слона.

— Хм-м, — Абэ не особенно хотелось обсуждать это. В вопросе Сутэкиги Хисаоки прозвучало явное любопытство. Конечно, он видел, как Абэ с обескураженным видом поплелся на место после того, как его отфутболил редактор.

Хисаока был парень верткий и вечно что-то высматривающий. Он принадлежал к той породе людей, которые, скрывая в уголках рта кривую усмешку, постоянно шепчутся у других за спиной. Разумнее всего было отвязаться от него.

— Ну, что же ты, — настаивал Хисаока, хлопнув Абэ по плечу.

— Хм-м, — проямлил Абэ. Он не мог резко оборвать разговор, и не из-за настойчивости Хисаоки, а потому, что охватившая его после отказа тоска должна была как-то выплеснуться.

— Надо же! — воскликнул Хисаока, выслушав, что произошло.

— Тебе интересно? — спросил Абэ.

— Немножко. Не так, чтобы очень, но все-таки. — По физиономии Хисаоки было видно, насколько все это его занимает.

— Естественно, что Танимура отказал. Такой материал не в его вкусе. Да и я бы отказал на месте редактора.

— Почему?

— Сама по себе вся эта история не имеет особого смысла. Как ни пыжься, занимательной ее не сделаешь.

Я бы тоже не пошел на такой риск: посылать тебя в дорогостоящую командировку на Кюсю. Зачем литературно-художественному журналу затевать расследование. Вздор!

Абэ пожалел, что рассказал эту историю Хисаоке. Но ему все же запали в душу такие слова: «Если уж ты так хочешь заняться этим, поезжай-ка на Кюсю на свои деньги!»

Расставшись с Хисаокой, Абэ стал размышлять о таком варианте. Почему бы и впрямь не поехать в город К. на свои деньги. Фантазия его разыгралась. Но где бы он набрал нужные десять, а то и двадцать тысяч иен? Да и времени тоже не было. Можно попытаться взять отпуск, сославшись на какие-нибудь другие причины, но проводить такое расследование без поддержки журнала не имело смысла. Ведь цель заключалась в том, чтобы затронуть эту проблему в публицистике.

Абэ каждый день заглядывал в свои записи и постепенно потерял прежнюю уверенность. Он начал понимать, что даже если сам отправится на место происшествия, опровергнуть версию вряд ли удастся.

Он осознал, что редактор Танимура был прав, когда отказал ему. Видимо, тогда Абэ был взволнован и не мог трезво оценить ситуацию. Если бы он очертя голову все-таки ринулся на Кюсю, это, конечно, обернулось бы серьезной неудачей. Видимо, охватившее Абэ волнение было вызвано тем особенным впечатлением, которое произвела на него эта девушка Кирико Янагида.

Единственное, что располагало Абэ к Масао Янагиде,— причина, по которой он занял деньги. Вероятно, дети отправились потом на экскурсию, так ни о чем и не подозревая. А Масао Янагида, глядя на их довольные лица, конечно же, облегченно вздыхал, хотя, наверное, в душе его уже пылало адское пламя и он думал о взятых им деньгах. И все же эта причина, прекрасная сама по себе, не оправдывала преступление.

Абэ решил и написал Кирико Янагиде письмо по адресу, указанному в газете.

«Пишет Вам человек, которого Вы встретили, когда приезжали в Токио. Поскольку я тогда вручил Вам свою визитную карточку, Вы, возможно, увидев на конверте фамилию, вспомните меня.

Я случайно услышал, как Вы звонили по телефону-автомату адвокату Оцуке, а затем я решился пригласить Вас в кафе. Извините меня за нетактичность. В тот раз мне не удалось услышать Ваш рассказ, но позже представился случай прочитать местные газеты, откуда я узнал о трагической судьбе Вашего старшего брата. Я бы хотел разделить Вашу веру в невиновность брата. Поэтому мне надо узнать, как развивается дело в судебном процессе. Может быть, Вы не захотите отвечать, но я спрашиваю не из любопытства, а потому, что меня поразила тогда Ваша убежденность. Очень прошу Вас написать мне подробно».

Отправив это письмо, Абэ несколько дней ждал ответа. Но от Кирико не было ни звука.

Абэ еще четырежды писал ей. Но так ничего и не получил в ответ. Правда, судя по тому, что его письма назад не вернулись, он понял, что Кирико все-таки проживает по этому адресу.

Абэ снова вспомнилось, как эта девушка сидела в кафе и кусала губы, а затем, буркнув «извините», выскочила так быстро, что он успел только увидеть, как за нею захлопнулась дверь. Не отвечать на письма было тоже в ее манере.

Шли дни. Абэ крутился в редакции, заваленный работой. Время делало свое дело, и он стал понемногу забывать о Кирико.

Наступил декабрь. По утрам на улице было морозно. Киндзо Оцука вошел в контору.

Трое молодых адвокатов сидели за столами и работали. Увидев мэтра, они вскочили:

— Доброе утро!

— Доброе утро! — ответил на приветствие Оцука, пересек комнату и скрылся за перегородкой. Там горела жаровня.

Клерк Окумура вошел следом, принял пальто Оцуки и сказал мэтру, стоявшему к нему спиной:

— Похолодало.

— Сегодня еще морознее, — ответил Оцука.

— Пришла странная открытка, — перешел вдруг Окумура на другую тему.

— Странная открытка?

— Она лежит на столе.

— Хм.

Когда занимаешься адвокатурой, время от времени приходится получать письма с угрозами. Это не редкость. Странно, что Окумура акцентировал внимание на этом письме.

Оцука уселся перед большим столом, на котором лежала свежая корреспонденция, адресованная лично ему. Всю почту конторы Окумура уже забрал. Корреспонденция на столе была разложена на две пачки: в одной — книжные бандероли, в другой — письма. Поверх пачки писем лежала открытка.

«Она!» — подумал Оцука и взял открытку. На ней значилась отправительница: «Кирико Янагида, префектура Ф., город К.». Кто это такая, Оцука не помнил. Да и как ему было упомянуть при таком потоке корреспонденции.

Он перевернул открытку и прочитал:

«Оцука-сэнсэй,

Суд первой инстанции приговорил брата к смерти. Он подал апелляцию, но во время рассмотрения дела в суде второй инстанции, двадцать первого ноября, умер в тюрьме. Кроме того, назначенный судом адвокат не смог построить защиту на опротестовании обвинения и лишь просил суд учесть сопутствующие обстоятельства. Брат так и умер с запятнанным именем, с репутацией убийцы».

Открытка была написана авторучкой, твердым почерком.

И все-таки Оцука не понял смысла. До него не дошло, о чем писала корреспондентка.

— Окумура-кун,— позвал Оцука, и клерк тут же зашел к нему.

Адвокат поднял руку, в которой была зажата открытка.

— Что это?

— Ах, это.— Окумура подошел поближе к столу.— Посетительница приезжала к нам с Кюсю в этом году, кажется, в мае.

— С Кюсю?

— Да. Звали ее вроде Кирико Янагида. Вы, сэнсэй, тоже встречались с нею здесь. Молодая женщина, лет двадцати. Брата обвинили в убийстве, и она специально приехала с Кюсю, чтобы попросить вас о защите...

— А-а.— Оцука Киндзо открыл рот, но смог произнести лишь этот короткий звук.— Вот оно что...

Память — полезная штука. Вспомнил все-таки.

Эта посетительница еще сказала: «Пришла потому, что слышала — вы лучший в Японии адвокат. Если не вы, сэнсэй, то никто не спасет брата».

Он отказал ей. В числе причин была и занятость, но решающую роль сыграло то, что Окумура намекнул — денег тут не возьмешь. Прежде, бывало, Оцука брался за дело, оплачивая все из своего кармана, но то было в молодости, а теперь, когда он загружен ведением всевозможных крупных процессов, нет ни времени, ни желания вести себя подобным образом.

— Вот как... умер в тюрьме? — Оцука все еще сидел, уставившись на открытку.

Наибольшее впечатление произвела на него фраза, что назначенный судом адвокат не смог опротестовать обвинение, и брат умер, опозоренный. Это следовало истолковать так: вы отказались взять на себя защиту, и вот результат. Укор и обида сквозили между строк этого письма.

Мысль о том, что он отказал из-за денег, почему-то расстроила Оцуку.

— Скажи,— он поднял глаза на стоявшего рядом Окумуру,— а она еще звонила по телефону — потом, в мое отсутствие?

— Да. Когда вы были в Каване,— ответил Окумура.— «Может быть, сэнсэй все-таки возьмется за мое дело?» — спросила она, но я ответил, что это невозможно.

— Хм,— буркнул Оцука, нахмурившись.— Вот оно что...

Все вспомнилось. Когда пришла эта девочка, он волновался из-за того, что Митико уже ждала его в Каване, они собирались поиграть в гольф. Оттого он и не стал выслушивать посетительницу. Он почти выставил ее.

В другой ситуации он выслушал бы ее и, возможно, послал для проверки молодого адвоката. И не исключено, что Оцука в результате сам взялся бы за это дело, оплатив судебные издержки из своего кармана.

«Однако, даже если бы я взялся за дело, оправдать преступника, если он преступник, все равно не удалось бы»,— подумал Оцука. Но на душе у него все-таки было беспокойно. Его грыз червь сомнения: а если все же... Сомнение это основывалось на многолетней прак-

тике. Он гордился двумя или тремя случаями, когда удалось добиться оправдания обвиняемых в убийстве, вина которых считалась неоспоримой. Именно участие в таких уголовных процессах принесло ему славу первого в Японии адвоката.

Если бы он, взявшись за дело, потерпел поражение, то, кажется, даже эта девочка с Кюсю примирилась бы с таким исходом. Но брат девушки умер в тюрьме. Умер, подав апелляцию, продолжая оставаться обвиняемым по делу об убийстве, в котором все, включая государственного защитника, считали его виновным. В глазах людей это было равносильно смертному приговору.

— Окумура-кун.— Оцука очнулся от размышлений и опустил руку, которой подпирал щеку.— А что, ведь Хорида-кун живет в городе К.? — он назвал имя своего младшего соученика по университету.

— Вроде да,— кивнул Окумура.

— Срочно пошли ему письмо. Попроси, пусть возьмет материалы процесса этого Янагиды у адвоката, который вел его дело, и пошлет мне.

— Как? — Окумура от удивления широко раскрыл глаза.— Но, сэнсэй, обвиняемый уже умер.

— Делай, как я сказал,— довольно резко оборвал его Оцука.— Я ознакомлюсь с материалами.

Глава четвертая

Адвокат с Кюсю прислал по просьбе Оцуки материалы по рассмотрению дела Янагиды Масао в суде первой инстанции. Дело вступило в стадию апелляционного разбирательства, но поскольку обвиняемый умер в камере предварительного заключения, государственный защитник смог одолжить на время все документы по процессу.

Оцука принялся знакомиться с материалами по делу. Он читал их и дома, и в конторе, всегда таская с собой в черном портфеле.

Среди материалов были: обвинительный акт прокурора, результаты обследования места происшествия, акт экспертизы, протокол вскрытия, протоколы расследования, перечень вещественных доказательств, протоколы допросов, показания свидетелей, приговор, прения защитников. Все это составило объемистую папку.

Всякий раз, когда клерк Окумура, тихо заходя в кабинет Оцуки, видел разложенные на столе материалы по делу Янагиды, он молча выходил обратно. Окумура ни разу не обмолвился об этой истории. А за спиной шефа он посмеивался над ней с молодыми адвокатами.

В конторе Оцука немного стеснялся Окумуры, так что по большей части читать приходилось дома, в кабинете. Жена приносила в кабинет чай и говорила: «Вы так заняты!»

Жена Оцуки — Ёсико — была дочерью его любимого учителя. Ее отец считался старейшиной клана юристов. Ёсико привыкла наблюдать, как работает отец, и у нее не было привычки расспрашивать о делах. Заметив, что муж поглощен работой, она молча выходила из кабинета. Вряд ли ей приходило в голову, что ее муж так прилежно и без всякого вознаграждения знакомится с делом, обвиняемый по которому уже скончался.

В ушах Оцуки все еще звучал стук каблучков девушки с Кюсю, в то время как она спускалась по темной лестнице из конторы. Перед глазами стояло ее нежное лицо, а в ушах снова и снова слышались слова: «Сэнсэй, возможно, брата приговорят к смерти».

Но только ради этого Оцука не стал бы выписывать объемистое дело с Кюсю.

«В суде первой инстанции брата приговорили к смерти. Он подал апелляцию и во время рассмотрения дела в суде второй инстанции умер в тюрьме города К.». Эта фраза из письма Кирико разбредила душу Оцуки. Появилось раскаяние. Такое бывает, должно быть, с талантливым врачом, отказавшим пациенту, спасти которого мог только он.

Но все же он не знал: виновен ли на самом деле брат девушки. Оцука хотел докопаться до истины и успокоиться на этом. Обвиняемый умер, и уже не имело смысла вылетать на Кюсю и допрашивать свидетелей. Но одно только чтение материалов не давало полной картины.

Правда, на худой конец и чтение годилось для того, чтобы хоть немного смыть неприятный осадок. Шаг за шагом Оцука продирался на ощупь сквозь эти кипы бумаг.

**«Осмотр места происшествия
по делу об убийстве с целью ограбления,
совершенном подозреваемым Масао Янагидой.**

Сёва ¹, такой-то год, марта двадцатого числа.
Полиция города К., начальник Хирэо Фукумото.

ВРЕМЯ ОСМОТРА: двадцатого марта... года Сёва, одиннадцать часов вечера.

МЕСТО ОСМОТРА: город К., окрестности дома госпожи Кику Ватанабэ.

ЦЕЛЬ ОСМОТРА: сбор и выявление доказательств, связанных с убийством с целью ограбления.

ПОНЯТЫЕ: 1) Рютаро, старший сын покойной Кику Ватанабэ. 2)... (другие опущены)

ХОД ОСМОТРА:

Описание жилища Кику Ватанабэ, явившегося местом совершения преступления.

1) *Общее описание*

Здание представляет собой двухэтажный деревянный дом со входом с южной стороны. Ширина — ... кэн¹, глубина — ... кэн. Вход со стороны улицы, черный ход примыкает к соседскому дощатому забору, от которого его отделяет тропинка шириною около полуметра. Сзади проходит дорога, соединяющая три соседних дома.

В момент осмотра дверь с черного хода была закрыта и заперта изнутри на засов. С парадного хода имеются и дверь и раздвижные перегородки. В момент осмотра дверь была открыта и только перегородка закрыта... (далее опущено)

2) *Описание внутреннее*

Комната имеет площадь восемь татами, у западной стены стоит шкаф. В момент осмотра установлено: второй и третий ящики в шкафу наполовину выдвинуты, а содержимое их перевернуто. С левой стороны они выдвинуты больше, чем с правой, примерно на десять сантиметров. Замок левой дверцы бюро, расположенного в правой нижней части шкафа, сломан, а сама дверца открыта, правая дверца нетронута.

На расстоянии сорока сантиметров от шкафа на циновке — пятна крови. Почти посредине комнаты стоит жаровня, от нее примерно в пятидесяти сантиметрах к югу на циновке — тоже пятна крови. На жаровне стоит железный чайник, он наклонился примерно на тридцать градусов.

¹ Сёва — эпоха правления императора Хирохито (1926—1989).

² Кэн — мера длины, 1,81 м.

Зола из жаровни рассыпалась по циновке. На золе отчетливо видны следы какого-то предмета.

В момент осмотра труп отсутствовал, так как его увезли на вскрытие».

Одолев протокол осмотра места происшествия, Оцука перешел к акту экспертизы.

«ТРУП, ПОДЛЕЖАЩИЙ ВСКРЫТИЮ: труп Кику Ватанабэ, шестидесяти пяти лет.

НАРУЖНЫЙ ОСМОТР: рост сто шестьдесят сантиметров, сложение тщедушное. На спине отчетливо видны трупные пятна.

На шее, груди, животе, конечностях ран нет.

На затылке с правой стороны рана длиной десять сантиметров, доходящая до надкостницы, слева над лбом наискось сверху вниз с наклоном вправо — рана длиной четыре сантиметра, на левой щеке сверху вниз по диагонали — рана длиной три сантиметра.

ВНУТРЕННЕЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ: на затылочной кости обнаружен легкий пролом почти в том же месте, где наблюдалась внешняя рана. В левой передней части лба обнаружена подкожная гематома размером с большой палец, перелома кости не обнаружено. Кроме того, выше на лбу с левой стороны под кожей — такая же гематома. После трепанации черепа установлено, что в правом полушарии головного мозга образовалась затвердевшая гематома почти в том же месте, где имелся пролом на затылочной кости. К тому же в нижней части левого полушария обнаружен след от удара каким-то предметом.

При вскрытии брюшной полости обнаружен частичный перелом третьего ребра, отмечено легкое межреберное кровотечение. Других заслуживающих внимания изменений в области грудной клетки не обнаружено... (далее опущено)

ПРИЧИНА СМЕРТИ: кровоизлияние в мозг, вызванное ударом по голове.

Классификация смерти (самоубийство, убийство): убийство. Время, прошедшее с момента смерти: предположительно, к моменту вскрытия (три часа тридцать пять минут пополудни двадцатого марта) с момента смерти прошло семнадцать часов.

ОРУДИЕ УБИЙСТВА: смертельные раны в области затылка, левой передней части лба и левой щеки нанесены каким-то тупым орудием (возможно, железным прутком или дубовой палкой).

Исходя из характера полученных увечий можно предположить, что первый сильный удар, в результате которого

была сломана затылочная кость, нанесли сзади, а удары в области лба и щеки нанесены, когда жертва повернулась лицом, и лишь затем было сломано третье ребро.
ГРУППА КРОВИ: определена как «нулевая».
ПРИМЕЧАНИЯ: нет.

*Эйскэ Судзуки, врач-эксперт уголовного розыска полиции
города К.
20 марта Сёва такой-то год».*

Следом шли еще два акта экспертизы. В первом из них говорилось, что кровь, пятна которой обнаружены на штанах Масао Янагиды, относится к нулевой группе, что совпадает с группой крови жертвы. Здесь также отмечалось, что обнаруженные на шкафу отпечатки пальцев полностью соответствуют отпечаткам пальцев обвиняемого. Кроме того, зола, обнаруженная на отворотах штанов, идентична золе, рассыпанной из жаровни на месте преступления.

В следующем акте экспертизы, подписанном психиатром, говорилось, что у обвиняемого не наблюдается психических отклонений.

Оцука закурил сигарету и задумался. Отпечатки пальцев на месте преступления, группа крови, обнаруженной на штанах, надетых обвиняемым в тот вечер,— все это свидетельствовало не в пользу Янагиды. Несмотря на показания Янагиды о том, что к моменту его прихода старуха уже была убита и он лишь испачкался в ее крови, обвинительный акт прокурора трудно было опровергнуть.

«Слишком много совпадений в этом деле»,— размышлял Оцука. По результатам вскрытия убийство произошло девятнадцатого марта в одиннадцать вечера, и Янагида заявляет, что он пришел к Ватанабэ именно в это время. Значит, преступник явился непосредственно перед ним и совершил убийство... слишком подозрительное совпадение случайностей. Янагида — учитель, человек, не чуждый логики. Не попытался ли он таким образом придать всей истории правдоподобный характер и вместе с тем — истолковать в нужном для себя свете такие неопровержимые доказательства, как пятна крови, следы золы и отпечатки пальцев на шкафу. Оцука знал, что среди «думающих» преступников нередко встречаются такие, кто пытается оправдаться подобным образом.

Оцука решил посмотреть, что заявил Янагида с самого начала, то есть на допросе, проведенном в полиции

сразу же после ареста. Оказалось, что там он говорил то же, что и на судебном заседании. Признание в вине состоялось на шестой день после того, как начались допросы в полиции, а на седьмой день он уточнил свои показания.

«...Относительно того, как я убивал Кику Ватанабэ, я вчера заявил, что никак не могу вспомнить, куда я ее бил. Сегодня я вспомнил и скажу об этом. Прежде всего, я ударил ее дубовой палкой по затылку, а когда она упала на спину, то помню, что ударил ее слева по лбу и слева же по щеке. Следом я, кажется, ударил ее в грудь. Я заявил, что не прикасался к ящикам, но на самом деле я взломал бюро в шкафу, открыл левую дверцу, достал стопку долговых обязательств, вынул оттуда свою расписку, а затем, чтобы создать видимость ограбления, открыл второй и третий ящики и вытащил оттуда одежду...»

Так заявил Янагида в полиции, но на допросе у прокурора он снова поменял свои показания и стал отрицать, что убил Кику Ватанабэ.

«ВОПРОС: Зачем ты заявил в полиции, что убил Кику Ватанабэ?

ОТВЕТ: Когда начальник велел провести меня в комнату для допроса, вокруг стояли сыщики: один — спереди, двое — по бокам, один сзади. «Ты убил — скрывать бесполезно! Следствие все выяснит, так что сознавайся! Подумай о сестре, кто будет о ней заботиться!» — кричали они. Возражений они и слушать не хотели. Я устал, и голова у меня шла кругом. И тогда я решил, что правду скажу на суде — там меня поймут. А им наговорил того, чего не было...»

С этого времени Янагида постоянно утверждал, что украл долговую расписку, но не убивал Кику Ватанабэ.

Оцука обратился к показаниям свидетелей: младшей сестры обвиняемого — Кирико, бывшего директора школы, где преподавал Янагида, его коллег учителей, квартирного хозяина, старшего сына Кику Ватанабэ и его жены.

С объемистой папкой дела Янагиды адвокату пришлось знакомиться урывками, когда выкраивалось время. Естественно, что знакомство это затягивалось, его нельзя было завершить одним махом. К тому же Оцука по нескольку раз перечитывал одно и то же, стараясь вник-

нуть во все тонкости и детали. Таким образом он хотел составить собственное мнение о деле и выявить все противоречия.

Однако, поразмыслив, Оцука пришел к выводу, что следствие, видимо, не допустило ошибки в отношении виновности Янагиды. Вещественных доказательств было достаточно. Отпечатки пальцев Янагиды, оставленные на месте преступления, следы крови жертвы и зола на его штанах. Кроме того, Янагида признался, что взял свою долговую расписку из шкафа. У него были мотивы расправиться с Ватанабэ-сан; косвенных доказательств тоже было достаточно. И вещественные и косвенные доказательства казались достоверными и производили убедительное впечатление. Так что суд первой инстанции признал его виновным не только из-за беспомощности официально назначенного государственного защитника.

Ознакомившись с делом в общих чертах, Оцука стал подумывать о том, чтобы поставить на этом точку. Как поступить дальше, он волен был решать сам — ведь обвиняемого теперь уже не существовало. Дело это было весьма сложным, а с точки зрения адвоката почти безнадежным. Оцука не рассчитывал, что даже ему удастся доказать невиновность подзащитного.

Янагида заявил, что когда он пришел к Ватанабэ-сан, то она уже была убита, но вскрытие показало, что убийство произошло именно в то время, когда Янагида пришел к Ватанабэ — девятнадцатого числа в одиннадцать часов вечера. Предположить, что за несколько мгновений до появления Янагиды другой преступник ворвался к старухе и убил ее — не покажется ли это слишком странным совпадением? Но если так и произошло, надо еще доказать существование другого преступника. Однако ничто в документах, прочитанных Оцукой, не указывало на его наличие.

Оцуке очень хотелось забыть об этом деле. Даже ему оно оказалось не по силам. К тому же он не несет ответственности за отказ на просьбу этой девочки. Пора было успокоиться. Но это никак не получалось. На душе было беспокойно, он все не мог забыть голос молодой посетительницы. Мысль о том, что он отказал ей из-за денег, тяготила и преследовала. Не говоря уже о том, что к этому отказу как-то невольно оказалась причастна Митико.

«Сэнсэй, брат признан виновным и умер в тюрьме», — слышалась Оцуке фраза.

Озабоченный всем этим, Оцука встретился с Митико, но даже во время свидания с ней время от времени невольно хмурился. В эти мгновения он даже терял нить разговора, а взгляд его устремлялся куда-то в одну точку.

Умная и наблюдательная Митико не могла не заметить этого.

— Сэнсэй,— она пытливо посмотрела на Оцуку своими черными глазами,— вас что-то беспокоит?

— Почему? — спросил Оцука, улыбнувшись ей в ответ.

— Временами у вас такое озабоченное лицо.

— Что поделаешь,— ответил адвокат,— это потому, что работы много.

Конечно, Митико не знала, что косвенно причастна к этой мрачной истории.

— Ты же сама — женщина деловая. Разве у тебя не бывает хлопот?

— Ну, как сказать...

Митико беззвучно рассмеялась, продемонстрировав белоснежные зубы. Она была такая высокая и стройная, что даже кимоно не скрадывало ее фигуру, и казалось, будто Митико облачена в изысканное европейское платье.

Глядя на нее, Оцука невольно вспомнил обстановку ресторана на Гиндзе, который содержала Митико. Этот ресторан был известен блюдами французской кухни. Убранство в нем было роскошное, цены — высокие. Основал заведение бывший муж Митико, но модным оно стало с тех пор, как принадлежит ей. Оказалось, что у Митико есть особый дар вести дела.

Киндзо Оцука познакомился с Митико, когда она решила развестись с мужем и пришла получить юридическую консультацию. Воспользовавшись тем, что дела в заведении идут хорошо, муж пустился во все тяжкие, а Митико не могла с этим примириться.

В то время муж Митико как раз принимался за большое новое дело, так что в конце концов ресторан европейской кухни на Гиндзе за денежную компенсацию перешел к Митико, как она того и требовала. Кстати, в то время заведение было вполуполу меньше, чем теперь. Муж предлагал Митико семь миллионов иен отступного, но она отказалась и упорно требовала именно ресторан. Тогда-то Митико и обратилась к Оцуке. Он уладил распрю в ее пользу.

С тех пор их связь тянется уже два года, и, видимо, продлится и в дальнейшем.

Заведение Митико процветало, дело шло уже прото-ренной дорогой и как бы даже не требовало ее участия. Со всем управлялся администратор, которого она переманила из ресторана первой-классной гостиницы, и три десятка расторопных служащих.

Короче говоря, ничто не мешало Митико, когда ей того хотелось, отправиться на денек-другой в Кавану или на Хаконэ поиграть в гольф или же провести вечер с Оцукой в ночном клубе.

Когда Оцука спросил: «А что, разве у тебя не бывает хлопот в ресторане?» — он имел в виду, что, хотя дело у Митико было поставлено хорошо, иногда все-таки приходилось подсуетиться. Но вообще-то Оцука бросил эту реплику, чтобы скрыть от возлюбленной свое мрачное настроение.

В конце концов Оцука все же обнаружил одно противоречие в деле Янагиды. Не все в этом основательном сооружении было сцементировано как следует. Но для того чтобы установить это, нужен был профессиональный взгляд Киндзо Оцуки.

Втайне Оцука был человеком очень самолюбивым. Он, никому ничего не говоря, взялся за изучение уже рассмотренного судом дела об убийстве не только из-за Кирико. Он и сам не осознавал это хорошенько, но где-то в глубине его души затаилось упорное желание выявить в этом деле противоречия. Подобное упорство сформировалось в нем смолodu. Именно благодаря этому качеству он и достиг своего нынешнего положения. Еще в молодые годы Оцука всегда был готов вступить в противоборство с полицией и судом.

Раскрыть противоречие в этом деле помог отчасти случай. И опять Митико была рядом. Произошло это в ресторане отеля Т. Оцука пришел навестить одного живущего здесь бизнесмена, который обратился с просьбой вести его дело в суде, а затем, когда деловые вопросы были решены, Оцука позвонил Митико и пригласил ее прийти.

Зал ресторана был почти полон, большую часть посетителей составляли иностранцы. За столиком, где расположились Оцука с Митико, сидела американская семья. Супруги, семилетняя девочка и мальчик лет четырех.

Для японцев казалось странным, что жена сидела с почти безучастным видом, в то время как муж занимался детьми. Оцука время от времени невольно поглядывал на них.

Отцовское внимание было сосредоточено на семилетней девочке. Он беспрестанно распекал ее. Поначалу Оцука подумал, что он учит дочь, как вести себя за столом.

— Поглядите-ка на эту девочку,— тихо сказала Митико.

Похоже, Митико тоже наблюдала за ними.

— Эта девочка, видимо, левша, вот папа и придирается к ней. Видите, как неловко она держит нож в правой руке. И тут же перекладывает его в левую руку,— с любопытством проговорила Митико.

Оцука взглянул и увидел, как золотоволосая девочка, улучив момент, когда отец заговорил с матерью, немедленно поменяла нож и вилку местами и стала совершенно свободно расправляться с едой.

— На Западе считается предосудительным быть левшой,— сказала Митико, разглядывая содержимое своей тарелки.

— Видимо, так,— подтвердил Оцука, наматывая спагетти на вилку.

По правде сказать, в тот момент Оцуку еще не осенило. Это случилось, когда он, высадив Митико на плохо освещенном углу Гиндзы, ехал обратно один.

Справа виднелся темный канал, окружающий императорский дворец, а прямо перед глазами проплывал мимо поезд городской электрички. Именно в это мгновение, как вспомнил потом Оцука, в сознании его внезапно всплыли строки:

«...на затылке с правой стороны рана длиной десять сантиметров, доходящая до надкостницы, слева надо лбом наискось — сверху вниз с наклоном вправо — рана длиной четыре сантиметра. На левой щеке сверху вниз по диагонали — рана длиной три сантиметра».

Строки из экспертной записки, составленной на основании материалов вскрытия.

Кэйити Абэ закончил работу и посмотрел на электронные часы, висевшие в комнате корректоров при типографии. Они показывали около одиннадцати.

— Сегодня управились сравнительно быстро, — бросил кто-то.

Когда наступал день сдачи журнала, сотрудники уже накануне приходили в типографию и возвращались обычно после полуночи.

Сейчас один из молодых журналистов предложил отправиться на Гиндзу. Составилась компания из трех человек. Заведующий редакцией и девушка-сотрудница предпочли поскорее вернуться домой, а пожилой выпускающий с усмешкой сказал: «Здоровье у вас отменное!» — и отказался разделить компанию.

Вся тройка поспешила в туалет — бриться. Последние три дня они работали до глубокой ночи, невымытые сальные физиономии потемнели от пыли.

— А мы еще сумеем на Гиндзе выпить? Мы там окажемся в половине двенадцатого. Дадут ли нам посидеть спокойно, не торопясь?

— Все будет в порядке. Отсюда нам на машине полчаса, значит, в половине двенадцатого мы там. Проскочим, и до начала первого никто нас не выставит, — сказал Нисимото. — Я там знаю один бар в закоулке. Барчик неприметный. Парадную дверь закроют — полиция и невдомек, вот и гуляют до глубокой ночи.

— Давно ты его знаешь? — спросил Абэ, смывая мыло с лица.

— С месяц. Хозяйка заведения родом с Кюсю, и половина девочек — тоже.

— В самом деле, ты ведь у нас с Кюсю. — Абэ взглянул на Нисимото.

— Угу! — ответил за Нисимото Ямакава, вытирая лицо полотенцем. — Терпеть не могу, когда ты начинаешь кичиться своим происхождением. Я-то родом из Отару, с Хоккайдо. Правда, если ты заплатишь по счету половину, тогда дело другое.

Настроение было особое — то, которое бывает, когда работа сделана. Целый месяц напряженного труда позади. Теперь им море по колено. Хорошо или плохо получился журнал — решать читателю, а им остается только положиться на волю небес и уповать на то, что номер будет хорошо раскупаться.

Троица молодых журналистов села в редакционную машину и отправилась на Гиндзу. Нисимото приказал водителю свернуть в противоположную от Западной Гинзды сторону.

— Как, куда? — немного приуныл Ямакава.

Огней здесь было немного, прохожие редки.

— Сюда. Пока у меня еще нет состояния, чтобы ехать на Западную Гинзду. Все впереди,— ответил Нисимото.

— Хозяйка с Кюсю — вот почему ты поддерживаешь это заведение. Только благодаря тебе оно и существует!

— Ясное дело — магнат Нисимото! — откликнулся на эту шутку сам Нисимото.— Один из богатейших людей!

Бар «Кайсо» располагался не на улице, а в глухом переулке.

Нисимото, шедший впереди, энергично распахнул дубовую дверь. Войдя следом за ним, Ямакава и Абэ оглядели помещение. Из глубины темного зала, поделенного на кабинки, появились со словами приветствия хозяйка и три девушки-официантки.

— Пожалуйста сюда.— Одна из официанток легонько подтолкнула Нисимото к свободной кабинке в углу.

— Что-то вы нас забыли,— со смехом сказала хозяйка, обращаясь к Нисимото.

— Дел много,— Нисимото протер лицо влажной горячей салфеткой «о-сибори» и добавил, указывая на Абэ и Ямакаву,— мои сослуживцы.

Хозяйка снова поклонилась.

— У вас многие с Кюсю? — спросил Ямакава хозяйку.

— Да. Я сама оттуда, и поначалу привела с собой двух-трех девочек. Так и пошло.

Официанток было семь или восемь.

— Нисимото у нас тоже с Кюсю, так что если его уволят, вы уж возьмите его хоть барменом,— пошутил Ямакава.

Хозяйка и официантки засмеялись.

— Ладно, ладно. Кстати, Нисимото-сан, у нас еще одна девочка с Кюсю приехала,— вспомнила хозяйка и попросила сидевшую рядом официантку: — Нобу-тян, позови-ка ее на минутку.

Официантка тут же встала.

— Я вижу, вы тут специально подбираете только с Кюсю,— подковырнул Нисимото, но в это время к столу уже подошла худенькая девушка. За спиной девушки сверкали стоявшие рядами бутылки с виски. Этот фон лишь подчеркивал линии ее фигурки.

— Риэ-тян¹, присаживайся тут,— хозяйка немного подвинулась, уступая девушке место.— Я вот о ней говорила,— обратилась хозяйка к Нисимото.

Лампа под красным абажуром, зажженная на столе, отбрасывала свет на лицо девушки.

Абэ стал невольно всматриваться в ее черты. Это была девушка, которая говорила по телефону с конторой адвоката Оцука. Кирико Янагида.

Глава пятая

Кэйити Абэ изумленно уставился на Кирико Янагиду.

Кирико чопорно сидела рядом с хозяйкой. Настольная лампа светила тускло, и может, из-за этого Кирико не особенно разглядывала троих мужчин, сидевших напротив нее. Она еще не освоилась здесь и явно не знала, куда девать глаза.

Абэ неотрывно смотрел на Кирико. Перед ним было все то же пленительное девичье лицо: опущенные глаза, легкая морщинка на лбу, тонко очерченная линия носа, плотно сжатые губы.

— Вас зовут Риэ-тян? — ласково спросил Нисимото.— Вы тоже, конечно, приехали из К.?

— Да,— высоким голосом ответила Кирико. Тем голосом, который некогда уже слышал Абэ. У него было впечатление, что все это происходит во сне.

— Прошу любить и жаловать,— сказала хозяйка гостям и поклонилась,— она только приехала и еще не освоилась.

— Вы впервые работаете в таком заведении? — спросил Нисимото.

— Вы хотите ее с этим поздравить? — вставила девушка по имени Нобуко и засмеялась. Она работала здесь с основания заведения — высокая, всегда со вкусом одетая...— Это я пригласила ее с Кюсю!

— Хм-м, ты? — удивился Нисимото, поглядывая поочередно то на Нобуко, то на Кирико. — А что вас связывает?

— Ее старший брат — мой прежний возлюбленный,— засмеялась Нобуко.— Ну, это шутка, просто наши

¹ Риэ-тян — в данном случае — уменьшительное от Кирико.

дома стояли рядом, так что мы были знакомы. Поскольку брат умер, я пригласила ее сюда.

— Значит, родственной связи между вами...?

— ...Нет. Милости прошу любить ее и жаловать!

— Бедняжка, — сказал Нисимото, — знали бы, так еще раньше оказали ей поддержку, — он посмотрел на Кирико, — значит, вас зовут Риэ-тян?

— Да, — чуть стыдливо кивнула Кирико.

— Смотрите, как бы Нобу-тян не научила вас всяким глупостям!

— Ах, Нисимото-сан, не говорите ерунды! — с деланным негодованием воскликнула Нобуко.

Нисимото, откинувшись, захохотал.

Гостям принесли виски с содовой, а девушки взяли по стакану джинфиза¹. Кирико сидела со стаканом сока.

— Ваше здоровье!

Во время тоста Абэ взглянул на Кирико, но она в этот момент смотрела на Нисимото. По выражению ее лица Абэ понял, что девушка уже забыла о его существовании.

Абэ сделал невозмутимую физиономию, но внутри у него все кипело. Может, сейчас она обратит на него внимание, все ждал он.

Но с другой стороны, вполне естественно, что Кирико его забыла. Прошло уже более полугода с тех пор, как они встретились, притом встреча была случайной. Вряд ли можно было ожидать, что Кирико запомнит Абэ. Но все-таки он ждал, а вдруг...

Сам Абэ совершенно не рассчитывал встретить Кирико здесь. Ему казалось неправдоподобным — снова увидеть человека, которому слал письма и не получал в ответ ни строчки. Это казалось нереальным, даже учитывая то, что Абэ знал — хозяйка бара — родом из города К. на Кюсю и девушек набирает оттуда же.

— Познакомимся, — сказал Нисимото, — это — Ямакава-кун², рядом — Абэ-кун.

Хозяйка склонила голову.

— Нобу-тян, принеси визитку нашего заведения, — сказала она.

Абэ нервно сглотнул слюну. Некогда он вручил Кирико визитную карточку, потом слал ей письма. Ему

¹ Джинфиз — коктейль, основу которого составляет джин.

² Кун — фамильярное обращение к мужчине или обращение к сверстнику, соответствует нашему «ты».

казалось: вот она услышит фамилию «Абэ» и внезапно посмотрит в его сторону. Но Кирико все так же сидела потупившись и смотрела на дно стакана с соком. Видимо, она считала, что хозяйка достаточно развлекает гостей. Хотя, если поразмыслить, Абэ — самая обычная фамилия и встречается часто.

— Прошу принять,— хозяйка вручила Ямакаве и Абэ визитные карточки, которые Нобуко принесла от стойки. «Бар «Кайсо», Норико Масуда».

Имя хозяйки было набрано мелким шрифтом. И у нее самой глаза, нос и губы были настолько миниатюрными, что терялись на белом расплывшемся лице.

— Риэ-тян,— сказала хозяйка,— посмотри-ка, как там гости напротив.

Кирико послушно поднялась. В кабинке напротив гости шумно подпевали бродячему гитаристу. Хозяйка беспокоилась, всем ли они довольны.

— Очень славная девочка, не так ли? Еще неиспорченная,— сказал Нисимото, глядя Кирико вслед. Абэ тоже проводил ее взглядом. Он вспомнил, как некогда уже видел эти плечи в толпе.

— Я взяла ее к себе,— хозяйка понизила голос,— потому что со старшим братом этой девочки случилась, по правде сказать, странная история.

— Странная история? — с любопытством спросил Нисимото. Абэ вздрогнул, но хозяйка больше ничего не добавила, только тихо рассмеялась.

— Эта девочка живет сейчас у вас?

— Нет, у Нобу-тян,— хозяйка посмотрела на сидящую рядом Нобуко,— они живут вместе в одной комнате.

— А где ваша комната, Нобу-тян? — впервые открыл рот Абэ.

— Смотри-ка, смотри-ка, какой нездоровый интерес он проявляет! — поддразнил Нисимото.— Если он зайдет к вам в заведение, ты уж просвети его, Нобу-тян,— добавил Нисимото, и Нобуко рассмеялась.

— Раз ты живешь под одной крышей с этой девочкой, сложная у тебя получится ситуация, если еще и этого парня притащишь туда,— засмеялся Ямакава.

— Ну, я и без этого обойдусь!

— Не ври,— сказал Нисимото,— видел я, как ты отправлялась куда-то с одним молодым красавчиком.

— Ах! Нисимото-сан, не говорите глупостей,— Нобуко легонько стукнула Нисимото, и все рассмеялись.

На часах было уже начало первого, официантки стали незаметно собираться домой.

— Ну, пошли, что ли,— сказал Нисимото.

Абэ увидел, что Кирико все еще сидит в кабине, откуда продолжали раздаваться песни. Гости, видимо, оказались очень назойливые.

Трое приятелей поднялись со своих мест, и хозяйка позвала:

— Риэ-тян, гости уходят!

Кирико поднялась и пошла в их сторону.

Первым к выходу двинулся Нисимото, за ним Ямакава и Абэ. Хозяйка с Нобуко, к которым присоединилась Кирико и еще две девушки, проводили их на улицу.

До самого последнего момента Кирико ни разу не взглянула на Абэ. Абэ не мог начать разговор с нею на глазах у всех и скрепя сердце сел в машину вместе с приятелями. Когда автомобиль тронулся, трое подвыпивших принялись болтать о всякой ерунде, но Абэ в это время думал о том, что завтра же придет сюда, чтобы встретиться с Кирико.

Абэ освободился к восьми часам вечера. Он достал визитную карточку бара «Кайсо» и набрал номер телефона.

— Позовите Риэ-тян,— попросил он, и голос на том конце провода удивленно переспросил: «Как вы сказали — Риэ-тян?» Абэ понял, что новенькой по телефону еще не звонят.

— Риэ слушает,— сразу послышался знакомый голос. У Абэ от волнения чаще забилося сердце.

— Это Риэ-тян? Говорит Абэ. Я вчера был у вас допоздна с двумя приятелями.

— Да,— ответила Кирико. Голос был безучастный.

— Задолго до этого я как-то раз встречался с вами в Токио... Вы помните?

Кирико ничего не сказала в ответ. Может, связь прервалась, подумал Абэ. Но в трубке слышалась музыка.

— Помню,— помедлив, четко сказала Кирико.

Абэ удивился.

— Когда вы это поняли?

— Поняла, как только вы прошли в кабину.

Оказалось, Кирико куда более внимательна. Возможно, вчера она заметила его даже раньше, чем он

ее. А затем до самого конца вечера держалась как ни в чем не бывало. Как это похоже на ее прежнее поведение, когда она внезапно сбежала от него из кафе.

— Так, значит, поняли,— пробормотал Абэ,— ну, тогда уже легче. А письмо, которое я отправил вам на Кюсю, получили? Читали, наверно?

Кирико снова немного помолчала.

— Да, читала,— милым голоском ответила она.

— Я хочу встретиться с вами по этому поводу. Но у вас в заведении не поговоришь. Не могли бы вы прийти завтра в пять часов в кафе, что там поблизости?

На пять часов Абэ назначил встречу, учитывая, что к шести Кирико надо быть на работе.

— Мне это затруднительно,— ответила она. Но именно такого ответа и ожидал Абэ.

— Нам хватит и десяти минут. Совсем ненадолго. Я занимаюсь делом вашего брата. Конечно, не для того, чтобы опубликовать это в журнале. Я хочу сказать, что это не просто любопытство. Я тоже верю в невиновность вашего брата. Надо вас еще кое о чем расспросить,— напористо говорил Абэ.

Кирико опять молчала. Но на этот раз чувствовалось, что она о чем-то думает и колеблется. В трубке непрерывно слышались голоса и звон гитары.

— Все-таки мне это затруднительно,— снова зазвучал голос Кирико, но он не был таким уверенным, как прежде.

— Никак не получится? — выпалил Абэ одним духом.

— Нет,— ответила Кирико,— извините,— сказала она на прощание и повесила трубку. В ушах Абэ все еще звучал ее голос.

Раз так, подумал Абэ, ничего не остается, кроме как навязать ей встречу. Здесь сработало не только присущее Абэ упрямство, но и желание докопаться до истины в этом деле. «Брат невиновен!» — кричала Кирико в трубку телефона, и Абэ интуитивно верил ей.

Решившись, Абэ не мог больше ждать. Бездействие раздражало его.

На следующий день он отпросился в редакции и едва дождался половины двенадцатого вечера. От нечего делать он посмотрел какой-то пустячный фильм и обошел два-три бара.

«Кайсо» ютился в темных переулках Гиндзы. Вокруг было мрачно, многие здания стояли совсем без огня.

Абэ торчал в переулке, удобно спрятавшись за угол какой-то банковской конторы. Выкурив две сигареты, он взялся за третью, когда из-за угла появились темные фигуры официанток. Абэ затоптал сигарету и принялся следить за ними.

Там было пять девушек, трое из них, громко переговариваясь, шли впереди, а две поотстали и остановились. Одна из них была Нобуко, а вторая — Кирико. Абэ был уверен, что несмотря на темень узнает Кирико. Он вышел из своего укрытия. Он хотел изобразить дело так, будто встретился с ними случайно, якобы возвращаясь откуда-то.

То, что рядом идет Нобуко, даже лучше. Он пригласит Нобуко, и Кирико ничего не останется сделать, как тоже пойти с ним. Ведь девушки живут вместе, и Кирико приехала в Токио по приглашению Нобуко. Девушки все еще продолжали стоять, Нобуко что-то говорила Кирико. Тут и появился Абэ.

— Эй! — окликнул он Нобуко. — Возвращаетесь?

— Ах, — Нобуко обернулась и стала всматриваться в лицо Абэ, едва проступающее в тусклом свете уличных фонарей. Она узнала вчерашнего гостя, которого привел с собой Нисимото.

— Спасибо за вчерашнее, — она радушно поклонилась.

Кирико вздрогнула, но вынуждена была, вслед за Нобуко, тоже поклониться. Номер прошел, подумал Абэ.

— Вы уже закрылись?

— Да, — ответила Нобуко, — вы чуть опоздали. Завтра приходите пораньше, — она привычно улыбнулась.

— Спасибо за любезность, но не выпить ли нам хоть по чашке чаю? И Риэ-тян приглашаю.

— Спасибо. Но я сегодня несколько тороплюсь... — Нобуко улыбнулась.

— Вы с достоинством ретируетесь?

— Нет, это не так. Я как раз говорила сейчас об этом с Риэ-тян. Риэ-тян, может быть, ты воспользуешься приглашением? — Нобуко взглянула на Риэ. Та стояла потупившись, в явном затруднении.

— Этот господин — сослуживец Нисимото-сан. Ничего предосудительного в этом нет.

— Какая превосходная рекомендация,— засмеялся Абэ.

— Но это же правда. Если бы вы были какой-то подозрительный субъект, разве я оставила бы с вами Риэ. Но это же Абэ-сан! Ну, Риэ-тян, прошу тебя.

— Как высоко вы цените Нисимото,— чуть сконфузился Абэ.

Но причина, по которой Нобуко поручала Риэ заботам Абэ, выяснилась тут же. Подкатило и остановилось такси, дверца открылась — в машине был пассажир. Выходить он не стал, а высунувшись, принялся махать рукой.

— Нобуко.— Голос был низкий, но принадлежал молодому человеку.

Нобуко кивнула в ответ. Затем, посмотрев на Абэ и Кирико, сказала:

— Извините, что ухожу от вас.

Подобрав кимоно, она быстро юркнула в машину. Мужчина, видимо, подвинулся. Нобуко хлопнула дверцей.

Абэ невольно посмотрел на плохо освещенное лицо молодого человека в окне автомобиля. На вид ему было лет двадцать семь — двадцать восемь. Почувствовав на себе взгляд Абэ, он сразу же отвернулся.

Нобуко в окошке махала рукой. Сверкнув задними габаритными огнями, машина скрылась за углом темной улицы.

На какое-то мгновение Абэ растерянно застыл на месте, Кирико тоже не двигалась. Других прохожих на улице не было.

— Этот молодой человек — возлюбленный Нобу-тян?

Абэ решил, что ему представился благоприятный случай завязать отношения с Кирико.

— Ну,— неопределенно протянула Кирико,— я точно не знаю.

Абэ двинулся вперед. Кирико заколебалась, но в конце концов последовала за ним. Абэ облегченно вздохнул.

— Наверно, сотрудник какой-нибудь фирмы. Он, видимо, один из посетителей вашего заведения? — Абэ затеял разговор о любовнике Нобуко, пытаясь как-то расположить к себе Кирико.

— Нет, он не посетитель. Это младший брат хозяйки.

Абэ удивленно хмыкнул от неожиданности, но на самом деле это его не интересовало. Они подошли к ярко освещенному входу в кафе.

Абэ толкнул дверь плечом. Кирико, как он и ожидал, вошла следом. Абэ внутренне возликовал.

Когда адвокат Оцука читал материалы по делу об убийстве старухи процентщицы, одно обстоятельство привлекло его внимание.

В протоколе осмотра места происшествия значилось: «Комната имеет площадь восемь татами, у западной стены стоит шкаф. В момент осмотра установлено: второй и третий ящик шкафа наполовину выдвинуты, а содержимое их перевернуто. С левой стороны они выдвинуты больше, чем с правой, примерно на десять сантиметров. Замок левой дверцы бюро, расположенного в правой нижней части шкафа сломан, а сама дверца открыта, правая дверца нетронута».

«Почему ящики с левой стороны выдвинуты на десять сантиметров больше, чем с правой?» — задумался Оцука. Обычно, когда ящики выдвигаются в спокойной обстановке, их равномерно выдвигают с обеих сторон. Но если торопятся, делают это впопыхах, то, как правило, больше выдвигают справа. Поскольку у большинства людей правая рука сильнее, она и работает активнее.

Однако в протоколе осмотра места происшествия сказано, что ящики больше выдвинуты слева. Что бы это значило? Поскольку преступник действовал второпях, он невольно орудовал более сильной рукой. Из этого, естественно, вытекает, что преступник — левша.

К тому же, как сказано в протоколе, в бюро сломан замок на левой дверце, а правая оставлена нетронутой. Бюро находится в шкафу с правой стороны. Преступник выдвинул ящики и, оставаясь в том же положении или чуть-чуть сдвинувшись с места, стал открывать бюро. Привычнее, конечно, делать это правой рукой, но левша возьмется левой. Разве это не логично? Все это доказывает, что преступник — левша.

С этой точки зрения протокол осмотра тела тоже представляет интерес. Было зафиксировано следующее: «Слева надо лбом наискось сверху вниз с наклоном вправо — рана длиной четыре сантиметра, на левой щеке сверху вниз по диагонали — рана длиной три санти-

метра... Удары в область лба и щеки нанесены, когда жертва повернулась лицом».

Но пространство между шкафом и трупом крайне узкое. Размахнуться длинной палкой практически невозможно. Если преступник действовал правой рукой, то в этой ситуации возможен только один вариант удара — по правой части лица. Но протокол осмотра свидетельствует об обратном. Следовательно, такой удар мог нанести только левша.

Когда Оцука понял все это, он побледнел. Судя по протоколу допроса, Масао Янагида несомненно не был левшой. «Я схватил палку правой рукой и ударил Кику по лбу и по лицу». Именно так значилось в протоколе. Но подлинный убийца старухи мог быть только левшой.

Адвокат Оцука снова принялся перелистывать страницу за страницей материалы пухлого дела. Продираясь сквозь чашу мелочей и частных деталей, он старался не упустить ни слова в вопросах прокурора и ответах обвиняемого.

В деле Янагиды было одно неблагоприятное обстоятельство, игравшее решающую роль. А именно: он в тот вечер ворвался в дом жертвы и перепачкался в ее крови. Когда установили, что кровь, обнаруженная на штанах, имеет нулевую группу, как у Ватанабэ-сан, — это стало вещественным доказательством против Янагиды.

«Однако...» — подумал Оцука.

Из всей одежды Янагиды кровь оказалась только на отворотах брюк, нигде больше ее не обнаружили. В своей обвинительной речи прокурор сказал по этому поводу: «При ударе палкой кровь не обязательно должна брызнуть на преступника. А когда таким тупым предметом, как дубовый засов, ударяют по голове или по лбу, разбрызгивание крови минимально. Следовательно, совершенно не удивительно, что на преступнике не оказалось крови жертвы».

Оцука поначалу решил, что так оно и есть. Если орудием убийства является предмет вроде дубового засова, то кровь, видимо, не так брызжет во все стороны, как если бы в ход пустили нож. Но можно взглянуть на это и с другой стороны. А именно, не доказывает ли отсутствие крови на верхней части брюк и других предметах одежды того, что Янагида не убивал старуху?

Он мог прийти сразу же после убийства и испачкать отвороты брюк в крови, вытекшей из раны на циновку. К тому же на штанах Янагиды оказалась и зола, высыпавшаяся из жаровни. Следовательно, кто-то напал на Ватанабэ-сан, она сопротивлялась, и возня привела к тому, что железный чайник, стоявший на жаровне, накренился, кипяток пролился на угли, и зола просыпалась на циновку. Через некоторое время, видимо, вошел Янагида и запачкал брюки в крови и в золе. Короче, появление Янагиды в доме произошло, как он и заявил, уже после смерти жертвы.

В обвинительном заключении сказано, что старуха в ожидании прихода подозреваемого приготовила в тот вечер две чайных чашки, две подушки для сидения, чайницу, чайник для заварки и вскипятила на жаровне железный чайник. Но ведь Ватанабэ-сан уже давно бранила Янагиду за то, что он из месяца в месяц не возвращал долг. Янагида беспрестанно извинялся, но денег не отдавал. И на этот раз, хоть он и сказал, что придет вернуть занятое, старуха вряд ли поверила ему. Так или иначе, ей незачем было готовить ему такой радушный прием.

Из двух чашек и подушек одна предназначалась для самой Кику, а вторая, как предполагают — для посетителя. Согласно этой версии, посетитель был один. Но можно ли предположить, что такая старуха, как Кику, усядется на подушку, предназначенную для гостя? Естественнее было бы считать, что она усадила гостей на предназначенные для них подушки, а сама села на свою или просто на циновку. Вполне вероятно, что Кику ждала не одного гостя. Можно предположить, что и двух. На этот счет у Оцуки тоже появились сомнения.

Прокурор заявил, что считает крайне настораживающим поведение Янагиды, который, убедившись, что Кику убита, хладнокровно взломал шкаф, выкрал расписку и ушел.

Однако, — продолжал размышлять Оцука, — Янагида был серьезным молодым человеком, он пользовался исключительным доверием учеников и высокой репутацией в школе. Его мучило то, что он никак не мог вернуть долг, да еще и Кику нередко срамила его, требуя денег. Нетрудно представить себе его психи-

ческое состояние. Когда Янагида увидел труп Ватанабэ-сан, ему сразу же пришло на ум, что полиция, начав расследование, обнаружит его собственную долговую расписку. Короче, он украл расписку не потому, что не хотел отдавать деньги, взятые у Ватанабэ-сан, а потому, что хотел скрыть сам факт займа денег под высокие проценты.

Желание забрать назад долговую расписку, из-за которой он столько претерпел от Ватанабэ-сан, все-таки появилось у Янагиды, ему не имело смысла отрицать это. Видимо, он больше всего опасался того унижения, которое ему придется испытать, когда полиция выяснит, что он взял деньги под проценты и не вернул их в срок. Его страшило, что об этом узнают все. Если учитывать это обстоятельство, то уже не кажется таким настораживающим, что несмотря на испытанный при виде трупа Ватанабэ ужас Янагида все-таки взял в шкафу расписку. В своих показаниях Янагида поначалу отрицал вину, затем сознался, а позже, в суде, вернулся к прежним показаниям. Почему же он временно признал свою вину? Может быть, не по своей воле?

Но сколько Оцука не изучал выступления защитника, в них не содержалось ни единого намека на такого рода возможность.

На допросе Янагида сказал следующее: «Увидев меня, Ватанабэ-сан воскликнула: «Хорошо, что пришел!» и стала отползать на коленях от того места, где сидела, к жаровне, чтобы налить мне чаю. Я уже присмотрел палку, которую старуха использовала вместо засова, и решил, что она подходит для моих целей. Мгновенно схватив стоявшую у входа палку, я ударил Кику по голове».

Однако мог ли преступник, который замыслил убийство, надеяться на то, что подходящее оружие найдется у жертвы? Убийца, как правило, тщательно готовится к преступлению. В данном случае речь идет, как сказал прокурор, о детально разработанном замысле. Так что предположение об использовании Янагидой в качестве орудия преступления предмета из дома жертвы довольно неправдоподобно.

На допросе Янагида заявил: «Кику грохнулась на пол, а затем вскочила и яростно бросилась на меня, тогда я схватил палку правой рукой и ударил Кику по лбу

и по лицу. Она снова упала со страшным криком и больше уже не двигалась». Эта картина убийства крайне туманна, настоящий преступник должен был рассказать обо всем точнее и подробнее. Вероятно, Янагида не знал точно, куда были нанесены удары, и, вспомнив из газет и журналов, что на лице были раны, сказал: «Ударил по лицу».

Почему Янагида Масао был столь неточен в деталях в момент признания? Об этом можно только догадываться. У Оцуки были свои предположения на этот счет. На допросе Янагида заявил: «Затем она вскочила и яростно бросилась на меня. Тогда я схватил палку правой рукой и ударил Кiku по лбу и по лицу».

В газетных сообщениях перечислялись нанесенные жертве увечья. Про голову и лицо было сказано, а об ударе в грудь не упоминалось. Если Янагида знал о ранениях, полученных жертвой, из газетных публикаций, он, конечно, и не предполагал об увечье груди.

Этот удар преступник нанес жертве по одежде, и хотя сила его была незначительна, в результате все же сломалось третье ребро. При наружном осмотре понять это было нельзя. Оцуке прежде доводилось слышать от судебных медиков, что даже незначительные удары вызывают у пожилых людей переломы ребер. Так и в случае с Кiku Ватанабэ перелом третьего ребра был обнаружен лишь при вскрытии. Вот почему в «признании» обязательно должны были оказаться слова о переломе третьего ребра. Поэтому, решил Оцука, в протоколе последующего допроса и появилась фраза: «Вспоминаю, что ударил также в грудь».

Затем следствие заявило, что ящики в шкафу жертвы выдвинуты и одежда, лежавшая в них, перерыта, потому что Масао Янагида, вытащив из шкафа свою долговую расписку, хотел представить случившееся как ограбление. Это утверждение покоилось на том предположении, что кроме расписки ничего не было похищено. Поэтому следствие утверждало, что Янагида не украл ничего, кроме своего долгового обязательства.

Однако установить, что похитили у Ватанабэ-сан было невозможно. Она жила отдельно от сына и невестки и была совершенно одинока.

Поскольку сумма похищенного неизвестна, то и неясно, имело ли место хищение. Но если никто, даже сын не знал, сколько наличных денег было у матери, то можно предположить, что ограбление все-таки произош-

ло. Тот факт, что ящики шкафа выдвинуты, вызывает предположение, что подлинный преступник взял из них деньги и бежал. Это, кстати, подтверждает невинность Янагиды. Подлинный преступник бежал буквально за несколько мгновений до прихода Янагиды.

Уйма материалов, перерытая Оцукой, неотвратимо вела к этим выводам. И все указанные обстоятельства свидетельствовали о невинности Янагиды.

Эти выводы озадачили Оцуку.

Если бы он тогда вмешался в это дело, Янагида, возможно, был бы признан невинным. Теперь, сопоставив все, Оцука был уверен в этом. «Если не вы, сэнсэй, то никто не спасет брата», — вспомнил он слова младшей сестры обвиняемого. Сердце у Оцуки ныло от запоздалого раскаяния: а все-таки, если бы я сам...

Киндзо Оцука сложил толстую кипу материалов дела и перетянул их бечевкой. Завтра он попросит Окумуру отправить их обратно на Кюсю. Оцука закрыл блокнот, испещренный пометками, подпер щеку рукой и, нахмурившись, надолго задумался.

— Угрюмое у тебя лицо! — сказала Митико, посмотрев на Оцуку. — Даже смотреть на тебя с таким лицом не хочется. Ну, будь же повеселее.

— Прости, — с усмешкой извинился Оцука. — Постараюсь быть повеселее.

Вделанная в пол жаровня была покрыта роскошно расшитым одеялом. На столике стояла батарея бутылок сакэ, но Оцука так и не захмелел.

Это был дом, куда они всегда приходили. Хозяйка хорошо знала его, служанки тоже привыкли. С тех пор как в его жизни появилась Митико, он постоянно пользовался этим домом.

Оцука переоделся в домашний халат, и Митико сделала то же самое. И в доме, и за окнами царила настолько звонкая тишина, что Оцука как бы кожей чувствовал холодный воздух за окном. Служанка здесь являлась лишь по зову.

В соседней комнате веселились, слышался смех, звуки сямисэна¹ и голос поющей женщины.

¹ С я м и с э н — трехструнный щипковый инструмент.

— Там веселье,— заметила Митико, беря в руки бутылочку сакэ.— А ну-ка, может, ты станешь хоть чуточку порадостнее?

— Попробую,— Оцука взялся за чашечку для сакэ.— Может, ты тоже споешь?

— Не заставляй меня! — Митико чуть покраснела и засмеялась.

— Ну, спой же! Я весь внимание.

— Это нечестно — так настаивать,— сердито посмотрела на него Митико. Глаза у нее были красивые, и она прекрасно сознавала, какое впечатление производит их взгляд.

Все-таки Митико запела. Голос у нее был тонкий, пронзительный. Пока звучала песня, Оцука думал о своем.

— Ты не слушал,— укоризненно сказала Митико.

— Конечно, слушал. Я просто в восхищении, настолько это хорошо. Когда песня прекрасна, аплодисменты всегда следуют после паузы.

— Тебе виднее,— Митико налила себе сакэ и выпила.

— Не надо сердиться.

— Значит, даже встречаясь со мной, ты думаешь только о работе!

— Не думаю я о работе.

— Нет, это написано у тебя на лице,— настаивала Митико,— и на днях, когда мы с тобой встречались, было то же самое. Лицо озабоченное.

— Да нет же. Сегодня я наслаждаюсь встречей с тобой.

— Спасибо, весьма благодарна, но это не так. Скажи, а во время нашей предыдущей встречи ты думал все о том же? — Митико пристально посмотрела на Оцуку.

— Нет. Я размышляю о деле, которое не имеет ко мне отношения,— признался Оцука.

— Зачем же тебе им заниматься? Странно.

Действительно, зачем? К тому же Оцука с самого начала отказался от этого дела под благовидным предлогом. Сколько раз подобное случалось и раньше, но никогда еще он не унывал по таким пустякам.

И все-таки Оцука понимал причину своих терзаний. Она заключалась в том, что обвиняемый Янагида умер под арестом. Останься он жив, Оцука что-нибудь предпринял бы теперь. Поехал бы расследовать это дело на Кюсю или куда угодно. Но человек уже умер, и

ему ничем не поможешь. Это тяжелым грузом легло на сердце.

— Пора бы в гольф поиграть,— сказала Оцука, покачав головой.

— Хорошо бы,— согласилась Митико.

— А то все сижу в конторе, не даю себе роздыха. Ты поедешь со мной? — Оцука привлек к себе Митико.

— Поеду,— сказала она, прижимаясь к нему.

— А как дела в ресторане, позволяют?

— Дел хватает, но ради тебя я всегда готова поехать.

Оцука погладил Митико по щеке.

Оцука отправился в контору. В то утро к нему явился молодой человек и попросил дать консультацию.

Глава шестая

Клерк Окумура положил на стол Оцуки визитную карточку, на которой значилось: «Кэйити Абэ, сотрудник журнала «Ронсо».

Оцука поднял взгляд на Окумуру.

— Он пришел проконсультироваться. Я попросил его рассказать в общих чертах, в чем суть дела, но он ответил, что хочет поговорить непосредственно с вами, сэнсэй.

Оцука еще раз посмотрел на визитную карточку.

— Так что же это за дело — оно связано с журналом или личное?

— Сказал, что личное. Кстати, он журналист, так что не исключено, что это просто предлог, а на самом деле он ищет сюжет.

Адвокат в это утро был в хорошем настроении. Будучи не в духе, он бы отказал, сославшись на занятость. К тому же он только что пришел на работу и ему не хотелось сразу же погружаться в дела. Встреча с незнакомым молодым человеком представлялась неплохим поводом для того, чтобы заполнить образовавшийся вакуум.

— Пригласи,— сказал адвокат клерку.

Окумура вышел, а вместо него появился высокий молодой человек. С первого взгляда Оцука решил, что

впечатление он производит весьма неплохое. Вообще говоря, Оцуке приходилось принимать за день более десятка людей. Некоторые из них производили очень хорошее впечатление, другие, наоборот, плохое. Оцука полагался на свою проницательность. Если посетитель не нравился ему, он старался побыстрее спровадить его. Но вошедший молодой человек не принадлежал к тому типу мерзавцев, к которому, по мнению Оцуки, относится большинство журналистов. Он был аккуратно одет, с открытым приветливым лицом.

— Сэнсэй? — Вошедший улыбнулся и сделал поклон. — Как я уже сказал вашему сотруднику, меня зовут Абэ, я из журнала «Ронсо».

— Присаживайтесь, — Оцука указал на стул, стоявший напротив него, и снова заглянул в лежавшую на столе визитную карточку.

— Вы пришли для консультации? — спросил Оцука, подняв глаза на посетителя.

— Да. Я очень хочу получить ваш совет по одному делу.

Адвокат достал сигарету и не спеша закурил. Сизый дымок заструился в лучах утреннего солнца.

— Мой сотрудник сказал, что дело ваше не имеет отношения к журналу? — Оцука изучающе посмотрел на Абэ. У того было очень воодушевленное лицо, глаза блестели.

— С журналом это не связано, — ответил Абэ.

— Значит, это имеет непосредственное отношение к вам?

— Не знаю, можно ли так сказать... — Абэ несколько заколебался. — По правде говоря, это связано с одним моим знакомым.

— Вот как! — Оцука повернулся в вертящемся кресле и немного подался вперед. — Что ж, послушаем.

— Это дело... — Абэ вытащил из кармана блокнот и, заглядывая в него, начал, — связано с убийством одной старухи.

Эти слова поразили Оцуку. Кресло под ним заскрипело — он невольно переменял позу и машинально сунул в рот сигарету. Сощурившись, стал затягиваться, стараясь скрыть от посетителя испытанное им потрясение.

Оцука еще надеялся, что речь пойдет о чем-то другом, но с первых же слов молодого человека понял: это все-таки то самое убийство старухи на Кюсю.

Оцука не верил в фатальную роль случая, но сейчас, глядя на увлеченного своим рассказом молодого человека, ему пришлось поневоле ощутить странную силу обстоятельств.

Пока тот рассказывал, Оцука повторял про себя все, что усвоил из материалов дела. Да, его собственное расследование было более детальным, результаты более глубокими, и все-таки теперь, когда он слышал все это от живого человека, впечатление было куда более реальное и непосредственное.

— Таково основное содержание дела,— закончил Абэ.— Молодой учитель продолжал упорно настаивать на своей невинности. Он подал апелляцию, но по прошествии нескольких месяцев умер в тюрьме. Есть один человек, который твердо верит в невинность обвиняемого. Это его младшая сестра.

В этот момент глаза адвоката Оцуки впервые оживились.

— Не знаю, сэнсэй, сможете ли вы судить о деле на основании столь краткого изложения. Но я тоже верю в непричастность молодого учителя к убийству. Если вам нужны более подробные сведения, мы можем запросить их с места происшествия. Но все же, что думает сэнсэй по этому поводу?

Абэ напряженно всматривался в лицо Оцуки.

В соседней комнате звонил телефон, клерк и молодые юристы обменивались мнениями. Оцука сидел спокойно и как будто прислушивался к тому, что происходит за перегородкой. Абэ, следя за выражением лица адвоката, тоже стал слушать.

— Только на основании этого я не могу вынести никакого суждения,— наконец заговорил Оцука. Глаза его, устремленные на молодого человека, были спокойны.

— Вы правы,— Абэ чуть склонил голову,— я изложил лишь самую суть. Я и не думал, сэнсэй, что вы сможете высказать свое суждение только на основании этих данных. Но если вы проявите интерес, я могу представить более полные материалы и тогда хотел бы снова просить вас о совете.

Оцука опять медлил с ответом. Сидел он все так же подавшись вперед, глаза устремлены куда-то в сторону.

Как раз в это время с улицы донесся какой-то гул. Он угасал постепенно, и, дождавшись тишины, Оцука ответил:

— Я не уверен, что займусь этим делом,— четко проговорил адвокат.— Подсудимый уже умер. Добиться повторного рассмотрения будет затруднительно.

— Однако,— энергично возразил Абэ,— жив подсудимый или умер, к существу вопроса отношения не имеет. Я убедительно прошу вас об этом ради оставшихся членов его семьи, ради тех, кто верит в его невиновность.

Лицо адвоката приобрело равнодушное выражение. Он притушил в пепельнице сигарету, поставил оба локтя на стол, сцепил пальцы и выставил вперед подбородок.

— Пожалуйста, на меня не рассчитывайте,— решительно отказал он.

— Однако, сэнсэй, разве вам не приходилось уже вести несколько процессов, где подозревались безвинные люди, и добиваться выяснения истины?

— Из того только, что в прошлом у меня были такие процессы,— усмехнулся адвокат,— еще не следует, что во всех уголовных делах фигурируют безвинные. Если, как вы говорите, подробнее изучить дело, то может оказаться, что предварительное заключение, сделанное полицией и прокурором, обоснованно.

— Но в конце концов, главное — выяснить истину в этом деле, если сэнсэй за него возьмется.

— Однако,— перебил Оцука,— ведь на этом процессе был адвокат?

— Был,— подтвердил Абэ,— но я бы сказал плохой. Провинциальный адвокат, к тому же назначенный судом. Вы, сэнсэй, и он — небо и земля. Если бы это дело попало к вам в руки, невиновность подсудимого, возможно, удалось бы доказать. Я верю, что подсудимый сказал правду.

Адвокат в очередной раз взглянул на лежавшую на столе визитную карточку, затем взял ее и аккуратно подвинул к краю стола.

— Во всяком случае,— на лице Оцуки появились явные признаки раздражения,— меня не интересует это дело. К тому же я в настоящий момент очень занят и отказываю почти во всех случаях, когда ко мне обращаются за консультацией. Поймите это.

— Наверно, я слишком примитивно все это изло-

жил,— спокойно продолжал Абэ.— Мне кажется, если у вас будут более подробные материалы, это дело не оставит вас равнодушным. Вы позволите еще раз навестить вас для консультации?

— В этом нет необходимости,— тихо ответил Оцука. Голос у него был сдавленный и низкий.— Я уже несколько раз повторял вам, что не возьмусь за это дело. Извините, у вас еще что-нибудь есть ко мне? Я очень занят.

— Сэнсэй,— Абэ впервые в упор взглянул на Оцуку,— вам не приходилось раньше слышать об этом деле?

— Послушайте,— адвокат покраснел и бросил на Абэ ответный взгляд.— О чем вы говорите?

— Младшая сестра подсудимого упоминала, что приезжала к вам с Кюсю. Сэнсэй должен был вкратце слышать эту историю.

— Не слышал я ее! — рассердившись, закричал Оцука.— Я помню женщину, о которой вы говорите. Я человек занятой. Она ушла, так и не рассказав мне ничего.

— Сестра подсудимого говорит,— продолжал Абэ, глядя на Оцуку,— что вы отказали потому, что у нее не хватило денег на гонорар.

Когда адвокат услышал эти слова, глаза у него загорелись гневом.

— Позвольте осведомиться,— спросил Оцука,— а кем вам приходится сестра подсудимого?

— Нас ничто не связывает,— заявил Абэ,— только чисто дружеские отношения. Ее огорчает, что вы с самого начала отказались выслушать, в чем дело. Если бы вы тогда согласились взять на себя защиту, брат ее, возможно, не умер в тюрьме, заклеянный грабителем и убийцей. Так она считает.

— Какие могут быть ко мне претензии? — адвокат попытался выдавить из себя улыбку.— Я имею полное право соглашаться или не соглашаться на ведение дела. Не знаю, какое впечатление создалось у вас и у младшей сестры подсудимого, но проблема заключалась не в деньгах, а в моей занятости. У меня не было времени даже на то, чтобы выслушать суть дела. Жаль, что она приехала так издалека, но поскольку предварительной договоренности с ней не было, мне ничего не оставалось, как отказать.

— Понятно,— Абэ убрал свои записи в карман.— Извините, что отнял у вас время. По правде сказать,

я сегодня надеялся получить от вас консультацию, но, судя по вашему ответу, моей надежде не суждено сбыться.

— Скажите, — адвокат поднял галаза. — Эта девушка о чем-то вас просила?

— Нет, я по собственному усмотрению пришел к вам. Я очень сочувствую ей и поэтому хотел немного помочь. Впрочем, не скрою от вас, что, услышав эту историю, я заинтересовался. Жаль, что вы не согласились взяться за это дело, сэнсэй, но предупреждаю вас, я на этом не останавлиюсь. Скоро я снова побеспокою вас своей просьбой.

— Прошу извинить, — Оцука приподнялся со стула и попрощался.

Молодой человек вышел из конторы. Оцука встал и поглядел в окно, голые ветви деревьев раскачивались под порывами ветра. Сюда, на эту улицу, солнечные лучи проникали редко, как на дно котлована. По тротуару, в сумраке, втягивая голову в плечи, двигались прохожие. Вот среди них появилась и фигура Кэйити Абэ.

Оцука увидел, как Абэ сунул руки в карманы пальто и зашагал прочь. Его длинные волосы развевались на ветру. Подняв руку, он остановил такси и, садясь в машину, снова обернулся в сторону конторы, но, естественно, не заметил стоящего за окном Оцуку. Такси тронулось с места, и вскоре его уже не было видно.

Оцука услышал за своей спиной шаги Окумуры. Адвокат вернулся за стол и стал слушать доклад клерка, но про себя твердил слова Абэ.

Оцука в достаточной мере изучил дело об убийстве старухи, чтобы убедиться, что в обвинении есть много слабых мест. Если продолжать знакомство с делом, можно обнаружить и другие доказательства невиновности обвиняемого. Исходя из своего многолетнего опыта, Оцука уже мог сказать, что против Янагиды выдвинуто ложное обвинение. Но сейчас Оцука чувствовал себя не вправе открывать все это впервые посетившему его журналисту.

Нельзя сказать, что, слушая Абэ, Оцуке не хотелось сообщить ему о невиновности Янагиды. Сдерживало его то, что он в свое время наотрез отказал помочь младшей сестре обвиняемого. К этому еще примешивалась проблема гонорара. Так или иначе осадок от всего этого

был неприятным, и Оцука ощущал некоторое беспокойство.

Клерк Окумура доложил о сегодняшних делах, но Оцука слушал его доклад краем уха, как назойливое жужжание осенней мухи.

В тот вечер Абэ отправил письмо адвокату Р., живущему в городе К. на Кюсю. Имя его он узнал из газет, это был адвокат, назначенный судом по делу Янагиды.

Письмо содержало просьбу прислать на неделю материалы процесса по делу об убийстве старухи. Поскольку обвиняемый уже умер, дело закрыто, Абэ рассчитывал, с согласия адвоката Р., получить материалы. Работы в журнале было по горло, и, занимаясь ею, Абэ ждал ответа. Ответ пришел на пятый день. Это была просто открытка.

«Получил ваше письмо. Не знаю, зачем понадобилось вам дело, о котором вы просите, но оно уже закрыто в связи с кончиной обвиняемого. Как видно из содержания вашего письма, дело представляет какой-то интерес для вашего журнала, но я, к сожалению, не имею права представить вам материалы суда. Однако могу сообщить следующее.

Месяц назад по просьбе одного юриста эти материалы были представлены токийскому адвокату Оцуке. Если вы хотите узнать об этом деле подробнее, думаю, вам лучше обратиться к адвокату Оцуке».

У Абэ перехватило дыхание. Он думал, что Оцука был совершенно не заинтересован этим делом, а оказывается, тот потихоньку заполучил и прочитал судебные материалы. Во время встречи с Абэ Оцука ничем не выдал себя и только с безразличным видом курил сигарету.

Почему Оцука ни словом не обмолвился об этом? И подчеркнул, что с самого начала отказывался участвовать в процессе, а когда Абэ излагал суть дела, Оцука делал вид, что слышит все это впервые. Конечно, когда к нему явилась Кирико, Оцука не знал об этом деле, но затем специально обратился к адвокату на Кюсю и получил материалы. Это свидетельствует о том, что в нем проснулся интерес к этой истории.

Перед глазами молодого журналиста все еще стояло

безразличное лицо Оцуки, его взгляд, устремленный куда-то в сторону. Тон разговора был весьма прохладный, и с самого начала адвокат был настроен к предложению Абэ отрицательно.

Абэ размышлял, — может, он сам вызвал отрицательную реакцию адвоката. Энергично влетел и потребовал консультации. Возможно, это было неучтиво по отношению к такому первоклассному адвокату, как Оцука, но все-таки почему же тот напустил на себя такой равнодушный вид?

Абэ решил еще раз зайти к Оцуке, показать ему открытку адвоката с Кюсю и потребовать объяснений на этот счет. Хотя такого человека, как Оцука, вряд ли можно захватить врасплох.

Абэ был завален работой в журнале, но лишь выдавалась свободная минутка, начинал строить различные предположения по поводу Оцуки.

Через день-другой Абэ позвонил в бар «Кайсо» и позвал к телефону Кирико.

В два часа дня он встретился с нею все в том же кафе. Кирико пришла раньше и уже ждала его. Абэ сел рядом, она подняла на него свой ясный взор и чуть улыбнулась ему, но в этой улыбке не было той радости, которую надеялся увидеть Абэ. Выражение ее лица было почти таким же, как и при первой встрече. С тех пор как она стала работать в баре, кое-что изменилось в ней, но эти перемены не затронули главного.

— Вы не устаете? — спросил Абэ, усевшись прямо напротив.

— Нет, не очень, — ответила Кирико, потупя свои зеленоватые глаза.

— Сегодня вечером вы поздно освободитесь?

— Да, около двенадцати.

— Вы еще не привыкли к работе и, наверно, устаете. Как вы себя чувствуете?

— Ничего, — ответила Кирико, пожав узенькими плечиками.

— За это время я успел побывать у адвоката Оцуки.

Кирико быстро подняла опущенные глаза и внимательно посмотрела на Абэ.

— Все было так, как вы мне рассказывали. Адвокат Оцука заявил, что ничего не знает об этом деле. Я пошел к нему, чтобы попросить о консультации по этому поводу, но сколько я с ним ни беседовал, интереса он так

и не проявил и сказал, что его это совершенно не волнует.

Кирико не спускала глаз с лица Абэ.

— Я думаю, это отговорка. На самом деле у меня есть доказательство, что Оцука-сан тщательно изучил это дело.

— Как? — впервые тихо подала голос Кирико. — О чем вы говорите?

— Честно сказать, я отправил письмо адвокату Р. на Кюсю. Я хотел обратиться по этому делу к какому-нибудь адвокату здесь и попросил Р. прислать мне материалы судебного процесса. Он отказался это сделать, упомянув, что материалы суда уже запрашивал Оцука-сан.

Кирико от волнения сглотнула слюну. Она все так же продолжала глядеть на Абэ, но ее взгляд стал еще более жестким.

— Меня тоже поразил этот ответ. Но когда мы встретились с Оцукой, он и виду не показал, что ему все известно.

— Зачем же адвокат Оцука решил изучить дело? Как вы думаете? — спросила Кирико, пытаясь овладеть собой.

— Видимо, на него все-таки произвели впечатление ваши слова. Короче, адвокату стыдно, что он отказался участвовать в деле из-за малого гонорара.

— Ну, если так, — начала Кирико, удивленно раскрыв глаза, — то почему адвокат Оцука не рассказал вам, Абэ-сан, о том, что он изучил материалы?

— Вы правы, — кивнул Абэ, — я тоже много думал об этом. Могу только предполагать, но мне кажется, что Оцука-сан промочал потому, что, возможно, докопался до сути дела.

В глазах Кирико читалось охватившее ее волнение.

— Короче, я думаю, — продолжал Абэ, — что адвокат Оцука обнаружил доказательства невиновности вашего брата. Оцука-сан такой человек, что если уж возьмется за дело, то доведет его до конца. Не сомневаюсь, — он что-то обнаружил. Читая те же судебные материалы, что и обычный адвокат, Оцука, конечно, может глубже вникнуть в суть дела. Вот почему я полагаю, что, получив от адвоката Р. документы, он обнаружил в них доказательство невиновности. Если бы этого не произошло, он при встрече со мной повел бы себя иначе. Суд вынес решение о виновности обвиняемого, и если бы Оцука был

с этим ~~согласен~~, он выразил бы свое согласие с этим решением, но он не мог этого сделать и молчал, скрывая свою точку зрения, потому что выводы, к которым он пришел, изучая документы, противоположны выводам суда.

Абэ считал, что Кирико и без его объяснений понимает причины, по которым адвокат не рассказал ему о своем открытии.

Кирико наклонила голову и задумалась. Она будто окаменела, уставившись на кофейную чашку.

Абэ вспомнил, как нынешней весной Кирико в кафе не захотела даже разговаривать с ним. Теперь она снова на его глазах ожесточилась против кого-то, ожесточилась еще сильнее. Он даже немного побаивался ее.

Оцука вышел из купальни. Тело его, еще в капельках воды, порозовело. Не надевая теплое кимоно на вате, а просто в легком юката¹ он подошел к окну. За окном в вечернем сумраке виднелся горный пейзаж Хаконэ. Отель, где он остановился, стоял на высоком месте, откуда внизу, в долине, виднелись огоньки рёкан — гостиниц в японском стиле. Огоньки эти мерцали в тумане. У подножия гор напротив тоже клубился туман. Мощные стволы криптомерий подернулись белой дымкой.

Туман становился все гуще. Наблюдая за этой картиной, Оцука вспомнил, как ему говорили, что туман «шипит». «Правда ли это?» — подумал Оцука. По извилистой дороге, спускающейся в долину, вверх и вниз, сверкая огнями фар, ползли машины.

Из купальни донесся плеск воды. Он понял, что сейчас выйдет Митико. Оцука все еще продолжал любоваться пейзажем, когда слышался шорох раздвижной перегородки.

— Смотри простудишься, — раздался позади голос Митико.

Оцука обернулся — Митико с покрасневшимся лицом стояла рядом. В руках она держала теплое кимоно для Оцуки, которое и надела на него.

— На что ты смотришь?

¹ Ю к а т а — тонкое домашнее кимоно.

— На туман,— коротко ответил Оцука.— Приходилось ли тебе слышать, что туман «шипит»?

— Хм-м,— Митико задумалась, усаживаясь перед трехстворчатым зеркалом,— не приходилось. А разве туман может «шипеть»?

Оцука промолчал. Прикурив сигарету, он уселся в плетеное кресло. И, лишь усевшись, почувствовал усталость от игры в гольф. Он невольно вздохнул, и Митико, подкрашивая губы, спросила:

— Устал?

— Устал,— Оцука протянул руку и стряхнул пепел.

— Ах,— коротко выдохнула Митико,— не говори так. Сегодня ты был в ударе.

— И тем не менее возраст сказывается,— засмеялся Оцука,— я быстро устаю.

— Но вот принял ванну, и усталость почти сняло.

— Когда человек не молод, усталость проходит не сразу. Тебе это еще незнакомо.

Оцука сбоку посматривал на прихорашивающуюся Митико. Кожа на ее шее, умащенная кремом, чуть поблескивала.

— Не пойму, что ты все о старости да о старости,— выпятив губки, Митико наредила их и засмеялась.— Проиграл сегодня! — Она повернула к нему пахнущее косметикой лицо. Разговор о гольфе забавлял Митико.

— Ну да, сразу после того, как дал тебе фору.

— Какой-то ты сегодня странный,— искоса посмотрела на него Митико.— Мне мешал ветер. А то бы я тебе показала.

— Поиграешь с мое, так будешь учитывать и скорость ветра, и направление,— рассмеялся Оцука, а Митико тем временем подошла и села в кресло напротив, но, внезапно обратив внимание на босые ноги Оцуки, воскликнула: — Ногти отросли! — и кинулась к своему саквояжу.

Ее стройная фигурка хорошо смотрелась и в гостиничном кимоно. Присев на корточки у ног Оцуки, Митико расстелила бумагу и принялась стричь ногти.

— После купанья ногти мягкие,— пробормотала Митико. Оцука смотрел на ее распущенные волосы, еще влажные и сверкающие после ванны, возле мочек ушей они даже прилипли к коже.

Оцука снова глянул в окно. Сумерки сгущались, и сверкание огоньков в долине становилось все ярче.

— Надо бы хоть чего-нибудь поесть, я проголодался,— сказал Оцука.

— Я тоже,— отозвалась Митико. Она продолжала работу. На листке тонкой бумаги скопилась кучка стриженных ногтей.

— Чтобы спуститься в ресторан, надо переодеться в европейскую одежду. Это хлопотно.

— Закажи ужин в номер,— посоветовала Митико.

— Нет, пойдем в ресторан,— настоял Оцука.— В таком отеле все-таки лучше ужинать в ресторане.

— Ты предлагаешь спуститься? — удивилась Митико. По прошлому опыту — им случалось и прежде останавливаться в гостиницах — она знала, что Оцука неохотно выходил из номера.

Оцука встал, и Митико помогла ему облачиться в европейский костюм. Затем оделась сама.

В этом первоклассном отеле был роскошный ресторан. За окнами уже стемнело, а здесь все сверкало огнями. Было самое время ужина. Официант с трудом разыскал им столик. Митико просмотрела меню и сделала заказ. Оцука, чтобы не ломать себе голову, заказал то же, что и Митико.

По соседству сидели иностранцы, они шумно переговаривались и смеялись.

Митико посмотрела на Оцуку.

— Когда ты завтра возвращаешься в Токио?

— Та-ак,— Оцука задумался,— хорошо бы вернуться к полудню.

— Славно,— сказала Митико,— значит, можно не торопиться.

Молодая женщина как бы невзначай поглядывала на расположившихся рядом иностранцев. Лицо ее казалось особенно прелестным в ярких огнях ресторана. Она обращала на себя внимание даже в гуще толпы на Гиндзе. К тому же в этот вечер Митико ощущала прилив бодрости. Наконец-то она вырвалась из Токио. Может, именно поэтому ее охватила обычно несвойственная ей словоохотливость. Она неустанно щебетала о чем-то, ее красивые губы все время шевелились.

Именно тогда это и произошло. Один из официантов неслышно подошел к Митико и, наклонившись над ее ухом, что-то прошептал. Митико остолбенела. Рука, державшая вилку, замерла на мгновение. Впрочем, Митико тут же кивнула и отпустила официанта.

— Что случилось? — спросил ее Оцука, сидевший прямо напротив.

— Приехал человек из моего ресторана, — ровным голосом ответила Митико.

— Человек из твоего ресторана? — тоже удивился Оцука. — Из Токио?

— Видимо, так. Досадно... так неожиданно, — Митико нахмурила брови.

— Наверно, какое-то срочное дело. Лучше пойти сразу.

— Да, — Митико встала, отодвинув стул. Выход был за спиной Оцуки. Он решил, что Митико вышла в вестибюль, и какое-то время продолжал ужинать, затем вдруг обернулся. Митико стояла у выхода, возле роскошного панно, и разговаривала с каким-то молодым человеком, высокого роста, лет двадцати четырех — двадцати пяти. Он что-то тихо говорил Митико, выражение лица у него было серьезное, сосредоточенное. Лица Митико не было видно, но в фигуре ее чувствовалась какая-то напряженность.

Вдруг молодой человек посмотрел в сторону Оцуки. Глаза их встретились, и он вежливо поклонился адвокату.

Молодой человек и Митико перебросились еще двумя-тремя словами, затем он подошел к Оцуке и снова поклонился.

Оцука тоже приподнялся, сняв с груди салфетку. Подошла Митико и представила молодого человека.

— Это наш метрдотель, Сугиура.

— Так-так, — Оцука выпрямился и улыбнулся. — Прошу вас за стол.

— Благодарю вас, — снова наклонил голову метрдотель. Это был большеглазый, с тонко очерченным лицом молодой человек в щеголеватом европейском костюме. — Вынужден отказаться, так как надо спешить, — и он еще раз учтиво поклонился Оцуке.

— Но послушайте, — обратился к нему Оцука, — раз уж вы здесь, присядьте хоть на минутку.

— Нет, не стоит, — остановила его Митико, — ему надо сразу же возвращаться.

Оцука немного растерялся, а Митико тем временем проводила метрдотеля к выходу.

Спустя некоторое время Митико вернулась, села и снова как ни в чем не бывало взялась за вилку. Опустив

голову, она продолжала есть, но Оцука заметил, что плечи у нее как-то странно поникли.

— Что такое? — спросил он, доставая сигарету. — Какое-нибудь неприятное дело?

— Нет, ничего особенного, — тихо ответила Митико.

— Не может быть, чтобы ничего особенного. Он ведь специально приехал из Токио на Хаконэ. Что-то случилось в твоём заведении?

Все так же уткнувшись в тарелку, Митико ответила:

— Сказал какую-то ерунду. Можно было бы по телефону. Нелепо было приезжать сюда ради этого. Я его отчитала.

— Да, обидно, — сказал Оцука. — Но все равно не следовало сразу прогонять его. Лучше бы угостить его хоть чашкой кофе.

— Я не люблю поощрять тех, кто этого не заслуживает, — твердым тоном сказала Митико. — Этот молодой работник просто ничего не соображает, такой тупица.

Митико явно демонстрировала свой хозяйский нрав.

— Но он же приехал сюда из Токио, — сказал Оцука, — и наверно, весьма спешно собирался. Можно было бы оставить его до завтра.

— Все в порядке, — Митико, не рассчитав, громко стукнула вилкой по тарелке, — ничего страшного. Я поручила разобраться во всем управляющему.

Оцука больше не задавал вопросов. Речь шла о заведении Митико, и надо было проявить деликатность. Но с этого момента Митико переменилась. До тех пор оживленно щебетала, а тут вдруг стала неразговорчивой. Лицо у нее помрачнело. Оцука не сомневался, что в ее ресторане действительно что-то произошло. Митико, видимо, постеснялась сказать ему об этом. Ведь они были так рады вырваться вместе на Хаконэ; ей, очевидно, не хотелось портить Оцуке настроение. Он был благодарен ей за это, но все-таки вид Митико встревожил его.

— Я вижу, ты озабочена, — сказал Оцука, когда они вернулись в комнату.

— Нет, отнюдь нет, — Митико, еще не раздеваясь, посмотрела в окно. Там было темно. Туман стал еще гуще, чем прежде, это было заметно несмотря на темень. Он струился клубами в свете уличных фонарей.

— Но ты взволнована,— настойчиво продолжал Оцука, облокотившись на стул,— ты даже внешне переменилась.

— Да нет же,— отнекивалась Митико,— повторяю тебе — все в порядке. Что тебе тревожиться о делах, в которых ты ничего не смыслишь.

— Ты совершенно права,— деланно засмеялся Оцука,— но ты так много на себя взвалила. И хотя кое-что поручаешь управляющему, без тебя им, я вижу, не обойтись. Когда человек занимается делом, заботам нет конца.

— Чтобы забыть эти заботы, мы и приехали сюда,— Митико впервые повернулась к Оцуке. Взгляд у нее был суровый, в глазах горел огонь, которого Оцуке прежде не доводилось видеть.

Время близилось к половине двенадцатого. В баре «Кайсо» вставали со своих мест последние посетители. В этот момент кто-то вошел в дверь. Нобуко обернулась и, увидев вошедшего, вскрикнула от неожиданности. Это был высокий молодой человек, он большими шагами прошел к стойке. Нобуко заспешила вслед за ним.

— Кэн-тян, что ты так поздно? — Нобуко хотела было снять с молодого человека пальто, но тот лишь раздраженно тряхнул плечами и, как был, уселся перед стойкой, положив на нее обе руки. Яркий свет озарял лицо того самого молодого человека лет двадцати четырех — двадцати пяти, который ездил к Митико в отель на берегу озера Хаконэ.

— Добро пожаловать,— приветствовал его бармен.

— Виски с содовой,— громко сказал молодой человек,— сестра здесь? — Он оглядел помещение.

— Хозяйка как раз вышла с гостями.

Молодой человек высморкался. Нобуко подошла ближе и, усевшись на стул, прижалась к нему.

— Кэн-тян, сегодня зайдешь? — спросила она, пытаясь заглянуть ему в лицо.

— Да, только ненадолго,— ответил он, не глядя на нее.

— А что, у вас сегодня рано закончили?

— У нас? — он продолжал смотреть куда-то в сторону.— Заведение с полудня закрыто.

— Ах ты, негодник! Где же ты шлялся с тех пор?

— Где попало.— Он взял стакан виски с содовой, поданный барменом.— Ты будешь пить? — он едва удостоил Нобуко взглядом.

— Спасибо,— шевельнула она пересохшими губами.— Шеф, джинфиз!

— Слушаюсь,— бармен подмигнул Нобуко и засмеялся.

Молодого человека звали Кэндзи Сугиура. Он приходился младшим братом хозяйке «Кайсо» и работал метрдотелем в принадлежавшем Митико ресторане на Гиндзе.

Кэндзи Сугиура с мрачной физиономией отпил виски с содовой, затем стал рыться в кармане.

— Что? Сигареты?

Молодой человек молча достал из кармана записную книжку и резким движением руки раскрыл ее.

— Эй, послушай,— остановил Сугиура проходившую мимо официантку и, не глядя на нее, добавил: — Набери мне телефон,— и, опустив глаза в записную книжку, зачитал номер.

Этой официанткой была Кирико Янагида.

Она посмотрела ему в лицо и узнала его. Тот самый молодой человек, который вчера на ее глазах посади в машину Нобуко. Она и прежде несколько раз видела его и слышала, что он — брат хозяйки и находится с Нобуко в близких отношениях.

Кирико стала набирать номер. Накручивая диск, она вдруг вспомнила, что уже звонила по этому телефону. Было это довольно давно, весной. Она невольно установилась на телефонный диск.

Это же номер конторы адвоката Оцуки! Номер набран, зазвучали длинные гудки. Она представила, как зазвонил сейчас телефон в конторе Оцуки. Совершенно так же, как это было весной.

— Эй, не надо набирать! — остановил ее вдруг громкий голос Сугиуры.— Брось трубку!

Кирико увидела, что он сокрушенно обхватил голову руками. Она положила трубку и внимательно посмотрела на молодого человека.

Глава седьмая

Уставившись на свой стакан, Сугиура не проронил больше ни слова.

— Что случилось? — забеспокоилась Нобуко, пытаясь заглянуть ему в лицо. Но парень лишь молча потягивал виски. Разумеется, Нобуко не знала, что Кэндзи собирался позвонить адвокату Оцуке, и решила, что он хотел позвонить кому-то из приятелей, но передумал — просто каприз.

— Кэн-тян, ты сегодня, видно, навеселе! — заискивающе сказала Нобуко. — Слушай, не станцуешь со мной? Риэ-тян, поставь какой-нибудь диск.

— Нет! — раздраженно отрезал парень. — Не хочу я танцевать.

— Странный ты сегодня, — недоуменно пробормотала Нобуко. — Что-нибудь случилось?

Сугиура отстранил от себя Нобуко.

— Я сейчас хочу остаться один. Не тараторь.

— Какой ты суровый! — Вместо того чтобы рассердиться, Нобуко засмеялась, все-таки надеясь завоевать его расположение.

— Странный ты что-то, Кэн-тян. — Бармен тоже с усмешкой наблюдал за Сугиурой, который едва не валился на стойку. Все-таки это не обычный посетитель, а младший брат хозяйки. Все работники бара, не говоря уж о Нобуко, учитывали это.

— Шеф, — Кэндзи приподнял голову, — налей «бурбон»¹.

— Ему нельзя больше, — чуть не закричала Нобуко. — Не наливай ему. Он и так уже валится с ног.

— Это еще что? Не болтай лишнего, — Сугиура злобно взглянул на Нобуко. Его волосы, обычно аккуратно причесанные, были сейчас донельзя растрепаны.

— Я хочу сегодня напиться. Наливай.

Бледный как полотно Сугиура уставился на Нобуко. Она молчала и от волнения сглатывала слюну.

— Ладно, Кэн-тян, но только чуть-чуть, — примирительно сказал бармен и, достав с полки бутылку виски, плеснул желтоватый жидкости в стакан.

¹ «Б у р б о н» — сорт виски.

— Еще, — попросил Сугиура.

— Кэн-тян, тебе нельзя, — остановил его даже бармен.

— Да будет тебе! Еще! — повторил Кэндзи.

Бармен присмотрелся — выражение лица у Кэндзи было сегодня и впрямь непривычное — и во избежание неприятностей подлил еще. Нобуко нервничала, а Сугиура хлебнул виски, как будто это была вода.

— Нельзя же так! — рванулась к нему Нобуко и схватила за руку. — Шеф, убери стакан.

— Эй, что ты делаешь! — Сугиура оттолкнул Нобуко и поскорее вылил в себя то, что еще оставалось в стакане.

Посетители в это время уже не заходили, и, может, поэтому Сугиура так разошелся. Но вот вошли трое или четверо — с виду служащие какой-то фирмы. Сугиура немного поутих и положил голову на стойку.

— Послушай, Нобу-тян! — позвал один из вошедших. Это оказался кто-то из постоянных клиентов Нобуко.

— Ах, добро пожаловать, — Нобуко выдавила из себя улыбку, взглянула на Кирико, все еще топтавшуюся возле телефона и подмигнула ей: «Риз-тян, пригляди-ка тут!»

Нобуко отошла к новым посетителям, а Кирико впервые получила возможность поближе подойти к Сугиуре.

Она смотрела на парня, уронившего лохматую голову на стойку, и размышляла. Какое, собственно говоря, отношение имеет этот человек к адвокату Оцуке? Или, быть может, он пришел в столь дурное расположение духа по какой-то другой причине? Кирико уселась на стул, который только что занимала Нобуко.

Через некоторое время Сугиура приподнял голову. Кирико обратилась к нему:

— Вы захмелели?

Услышав не голос Нобуко, а чей-то другой, он вдруг посмотрел в сторону Кирико. Глаза были пьяные, лицо — жутко бледное.

— А ты почему здесь?

— Простите. Пришли гости, и Нобу-тян отправилась их обслуживать. Сейчас вернется.

— А не все ли равно — Нобуко или какая другая, — Кэндзи посмотрел Кирико в лицо.

— Ах, вы так бессердечны!

— Так ты тоже вздумала меня поучать? — спросил Кэндзи.

— Но ведь я права. Я никогда не видела вас таким, Сугиура-сан.

— Ты меня знаешь? — Кэндзи подвинулся к Кирико. Волосы свисали ему на глаза.

— Да, видела вас раза два-три с тех пор, как поступила в это заведение. Но разговариваю с вами в первый раз.

— Верно, — кивнул Сугиура, — я помню, как ты появилась тут. Сколько уже прошло с тех пор, месяца два?

— Вы не ошибаетесь. Как раз два месяца.

Сугиура небрежно вынул из кармана сигареты. Кирико поднесла спичку. Она хотела поближе узнать этого парня. Это было просто необходимо.

— У вас плохое настроение? — спросила Кирико, улыбаясь.

Кэндзи криво усмехнулся. У этого парня был тонкий, прекрасно очерченный профиль и еще совсем нежная кожа.

— Как тебя зовут? — внезапно спросил он у Кирико.

— Зовите меня Риз-тян, — ответила Кирико.

— Ясно. Я о тебе немного слышал.

— А вы, Сугиура-сан, я знаю, младший брат нашей хозяйки.

— Да, — выдохнул Кэндзи.

Нобуко тем временем поднимала тост с тремя новыми посетителями. Но, заметив, что настроение у Кэндзи вроде бы улучшилось, она сделала Кирико знак: дескать, подожди еще немного, я подойду.

Но Кирико и сама хотела еще поговорить с Кэндзи.

— А почему вы, Сугиура-сан, не работаете в нашем баре? — спросила она. Ей казалось странным, что брат хозяйки служит где-то на стороне.

— Почему ты спрашиваешь?

Сугиура явно проявлял интерес к Кирико. Его, видимо, привлекало то, что она новенькая, и то, что она так простодушна. Сразу было заметно, что она недавно работает в баре.

— Видишь ли, в жизни бывают разные обстоятельства, — сказал он назидательно, будто ребенку.

— Так-то оно так, да только здесь работает ваша сестра. Просто я думаю, что родственникам удобно работать вместе.

— Говоришь, удобно,— повторил Сугиура и коротко рассмеялся,— возможно, и так. Работать вместе с сестрой, пожалуй, удобно, а в то же время не очень. Говорят, все к лучшему...

Кирико не поняла, что он хочет сказать. Но Кэндзи был пьян, и вряд ли стоило вдумываться в его слова.

— А где вы работаете?

Ответ на этот вопрос дал бармен, который как раз освободился, подав посетителям напитки.

— В ресторане «Минасэ» на Гиндзе. У них первоклассная французская кухня. Разве тебе еще не говорили, Риэ-тян?

— Не говорили,— Кирико энергично помотала головой.

— Известный ресторан! — сказал бармен.— Дорогой, и кормят вкусно. Публика там отборная, а хозяйка удивительно хороша собой. Ее фотографии часто появляются в журналах.

Пока бармен сообщал все это Кирико, парень продолжал сидеть, положив голову на стойку.

— Ну, хватит,— сказал он наконец бармену,— зачем рассказывать о месте, где я работаю. Будь я там хозяином или управляющим — тогда и разговор был бы другой.

— Скоро заведете свой ресторанчик, станете хозяином,— сказала Кирико.

— Спасибо,— Сугиура скривил губы в пьяной усмешке,— выпьем за мой будущий ресторан!

— Я не пью, а вам больше незачем,— остановила его Кирико.— Что толку провозглашать тост, если нельзя пить. Но я от души желаю вам стать хозяином ресторана.

— Приятель,— обратился Сугиура к бармену,— приготовь для этой девочки что-нибудь легкое!

— Понятно,— бармен чуть наклонился к Кирико, чтобы услышать, чего она хочет. Зная, что она не пьет, он приготовил ей самый легкий напиток — какаофиз

За всем происходящим из глубины зала неотрывно следила Нобуко, которая ждала момента, чтобы покинуть своих гостей и вернуться к стойке.

А Кирико решила воспользоваться ситуацией. Взяв приготовленный какаофиз, она поблагодарила и пригуби-

ла напиток. Сугиура не стал больше требовать выпивки, лишь кивнул ей в ответ.

— Вкусно,— сказала Кирико.

— Вкусно? Ну, если вкусно, выпей еще!

— Спасибо, не надо,— Кирико насмешливо сощурила глаза.— Неудобно, если я захмелею.

— Ну, иногда неплохо и захмелеть,— сказал Кэндзи.

— Когда и так туман в голове, пить сакэ — себе во вред.— Кирико поставила стакан и будто невзначай придвинулась к парню.

— А я знаю Оцуку-сэнсэя,— сказала она совсем тихо. В глазах Сугиуры мелькнул испуг.

— Адвоката... Оцуку? — запинаясь, переспросил он.

— Да, именно его,— намеренно тихо ответила Кирико.— Когда я набирала недавно телефон по вашей просьбе, я поняла, что это номер конторы Оцуки-сэнсэя. Я помню этот номер.

Выражение лица Сугиуры сразу же стало серьезным. Легкая усмешка, которая постоянно кривила его губы, исчезла без следа.

— От-куда? Откуда ты знаешь адвоката Оцуку? Что тебя с ним связывает?

— Могу только сказать, что он мне не родственник,— ответила Кирико,— и отношения с Оцукой-сэнсэем у меня не близкие. Скорее, даже наоборот,— сказала Кирико все таким же тихим голосом, но со значением.— Я ненавижу Оцуку-сэнсэя,— помолчав, добавила она, устремив взгляд на полку, забитую бутылками со спиртным.

Услышав эти слова, Сугиура невольно уставился на Кирико. Он что-то хотел сказать. Но в этот момент Нобуко наконец вырвалась от посетителей.

— Отлегло от души,— со смехом обратилась она к Сугиуре.

— Чуть-чуть,— ответила за него Кирико. С появлением Нобуко она застеснялась, соскользнула со стула рядом с Кэндзи и пошла к посетителям. Молодой человек проводил ее пристальным взглядом.

Снова открылась входная дверь. Но это был не посетитель, а хозяйка.

— С возвращением! — приветствовали ее официантки.

Хозяйка поклонилась посетителям и прошла к стойке. Одна из официанток приняла у нее пальто. На ней было роскошное кимоно. Хмуρο поглядев на сва-

лившегося на стойку Сугиуру, она позвала его. «Кэн-тян!», но тот ничего не ответил — возможно, не слышал.

Хозяйка зашла за стойку. Бармен стал показывать ей квитанции, а она тем временем все поглядывала на брата. Бегло просмотрев документы, она подошла к нему.

— Кэн-тян! — На этот раз она чуть повысила голос

— М-м? — Кэндзи еле-еле поднял голову.

— Что у тебя за вид? — стала она увещевать его ласковым тоном, Сугиура пригладил руками волосы и посмотрел туманным взглядом.

— Пришел пьяный, даже физиономия бледная..

— Да я здесь выпил... добавил,— недовольно пробормотал Кэндзи.

— Что у вас в ресторане?

— Он закрыт.

— А ты не прогуливаешь?

— Вот ты и спроси у нас в ресторане: прогуливаю я или нет.

После этой перепалки сестра еще какое-то время пристально рассматривала брата. Чтобы избежать ее взгляда, Кэндзи снова опустил голову.

— А как там, все идет благополучно? — с беспокойством спросила сестра.

— Пожалуй.— Кэндзи сунул в рот сигарету и принялся шарить по карманам. Наконец вытащил спички. Нобуко с появлением хозяйки застеснялась, стала держаться в отдалении, так что не успела дать ему прикурить. Кэндзи закурил сам. Когда он выложил на стол красивый коробок спичек, хозяйка сразу обратила на это внимание.

— А-а,— она протянула руку и схватила спички,— ты ездил на Хаконэ? Ведь эти спички из отеля Ф. на Хаконэ?

Кэндзи кинул на сестру настороженный взгляд и с отчужденным видом пригладил волосы.

— Хм,— неопределенно буркнул он.

— Когда ездил?

— Сегодня,— ответил Кэндзи, не глядя на сестру

— Ты сегодня прогулял и ездил на Хаконэ? — Впрочем, самой хозяйки тоже не было на работе. Стоявшая поблизости Нобуко переменилась в лице и впилась глазами в Кэндзи.

— Зачем ты ездил на Хаконэ? — спросила сестра.

— Поразвлекись, — Кэндзи с досадой сунул спички в карман.

— Значит, вместо того, чтобы усердно трудиться, ты себе развлекаешься на Хаконэ! — стала укорять его сестра.

Тут кто-то позвал:

— Эй, хозяйка!

— Иду. Сейчас, — она хотела еще что-то добавить, но, так и не закончив разговор, направилась к гостям.

— Добро пожаловать! — слышался ее медоточивый голос.

Нобуко под села поближе к Сугиуре.

— Кэн-тян, ты сегодня ездил на Хаконэ!

Взгляд у нее теперь был острый, колющий, не то, что прежде, даже цвет лица переменялся.

— Ну, ездил, — неприветливо ответил Кэндзи.

— С кем же?

— Один.

— Врешь!

— Вру или не вру, а если даже и не один, то что ты можешь сделать?

— Ты один не едешь! С кем ты был?

— Вот надоела! — Кэндзи скорчил кислую физиономию. — Не твое дело!

Нобуко, сжав губы, вплотную подступила к нему, но тут, к ее несчастью, появился новый посетитель, молодой человек лет двадцати пяти — двадцати шести, высокий и модно одетый. У него был суровый, даже устрашающий взгляд.

— Эй! — Вошедший похлопал сидящего у стойки Кэндзи по плечу.

— А-а? — Кэндзи обернулся, и в то же мгновение лицо его вспыхнуло злобой.

— Я тебя разыскиваю. Был в твоём ресторане, но он закрыт. Мне сказали, что ты, скорее всего, здесь. Так оно и оказалось.

Кэндзи бесцеремонно согнал Нобуко и стал усаживать на ее место вновь пришедшего.

— Садись.

Нобуко мрачно пробормотала:

— Добро пожаловать!

Этот посетитель и прежде частенько заглядывал в «Кайсо». Обычно он приходил с Кэндзи и считался его приятелем.

— Прошу вас, Ямагами-сан.

Улыбнувшись Нобуко, парень небрежно уселся рядом с Кэндзи и заказал бармену виски с содовой.

— Как дела? — спросил его Кэндзи.

Тот, уловив запах алкоголя, сказал:

— Ты здорово нализался. Давно здесь ошиваешься?

— Нет, только пришел, — помотал головой Кэндзи.

— Значит, где-то нагрузился и пришел сюда.

— Как настроение? — в свою очередь спросил Кэндзи.

— У меня в последнее время какая-то полоса не удач. Впрочем, есть к тебе разговор, — сказал Ямагами. — Не прогуляться ли нам?

Когда Кэндзи услышал это предложение, глаза у него чуточку прояснились.

— Ладно уж, — весело кивнул он, — давай-ка сначала выпьем не торопясь.

Кэндзи огляделся, и Нобуко, пристально следившая за ним, тут же окликнула проходившую мимо Кирико.

— Эй, Риэ-тян, пойди-ка сюда.

Кэндзи тоже поманил ее рукой.

— Хочу вас познакомить, — сказал он, — это — Та-кэо Ямагами, наш земляк с Кюсю.

— Вот как... — Кирико подошла поближе.

— Это — новенькая, — пояснил Кэндзи приятелю. Она тоже с Кюсю, подруга Нобуко. Два месяца как приехала.

Парень мельком посмотрел на Кирико, небрежно кивнул ей, не говоря ни слова, и отвернулся.

— Риэ-тян, ты, возможно, раньше знала его. Он был известным бейсболистом, когда учился в средней школе. Ямагами, помнишь?

Кирико знала среднюю школу в К. Бейсбольная команда там была традиционно сильной, школа была известна благодаря ей на всю страну. Однако Кирико почти ничего не смыслила в бейсболе.

— А-а, так вы тоже из города К.? — спросила она Ямагами.

— Нет, я жил недалеко от К., — полушепотом ответил парень. — Ты, наверно, не знаешь, где это.

Ямагами явно не хотел поддерживать разговор, но тут за него ответил Кэндзи.

— Недалеко от К. есть такая деревня Н., знаешь?

— А-а, деревню Н. знаю. Там жили мои друзья.

— Ну, так вот, он — из деревни Н.!

— Это же совсем рядом с К.

В продолжение этого диалога Ямагами то и дело прикладывался к рюмке.

— А когда вы приехали в Токио? — Кирико считала, что она должна из уважения к гостю продолжить разговор. Ее совсем не интересовало, когда Ямагами переехал из К. в Токио. Тем более что из-за него Кирико не удалось поговорить с Кэндзи.

— Давно я уже в Токио, — вдруг ответил Ямагами, — скучно в такой глуши. Как школу окончил, сразу сюда и подался.

— Этот парень, — вмешался Кэндзи, — был лучшим игроком бейсбольной команды. Знаменитый «сауспопитчер»¹. Его слава гремела на всю страну. Закончив школу, он сразу же приехал в Токио и вступил в профессиональную команду.

— Значит, вы — звезда профессионального бейсбола?

— Нет, теперь уже нет, — разочаровал ее Сугиура. В тоне его проскользнуло непонятное злорадство. — На него возлагали большие надежды, а он взял да и бросил все.

— Странно, — удивилась Кирико.

— Ничего странного, — вдруг ответил сам Ямагами, — не судьба мне было этим заниматься. Пока в школе учился, носили на руках, вот я и надумал стать спортивной звездой. Да, видно, ошибся все-таки. Мне не повезло, и в конце концов я примирился с этим.

— Однако, — теперь Кэндзи обращался не к Кирико, а к самому Ямагами, — не оставь ты спорт, может, все изменилось бы к лучшему.

Но в этих словах слышалось не искреннее дружеское сочувствие, а какое-то подтрунивание.

— Когда не везет, лучше уж не рыпаться, все равно ничего не поможет.

— Нет, если бы ты продолжал заниматься спортом, то прославился бы как Канэда или Ёсихара.

Кирико слушала этот разговор, но так и не могла понять, чем же сейчас занимается этот Ямагами, про которого твердят, что он в прошлом — профессиональный бейсболист. С одной стороны, было в нем что-то

¹ Сауспо-питчер — подающий левша в бейсболе.

зловещее, с другой — казалось, что у него какая-то солидная профессия. Но что это за профессия — понять было трудно.

Некоторое время оба приятеля продолжали пить, затем Ямагами похлопал Кэндзи по плечу и сказал: «Пошли!»

— Ладно, — энергично крикнул Кэндзи, осушив последний бокал виски с содовой. — Запиши все на мой счет, — кивнул он бармену.

Ямагами усмехнулся.

— Эй, сколько там, я заплачу свою долю. — Ямагами вынул деньги из кармана.

Кэндзи, не глядя в его сторону, позволил ему заплатить.

— Сестра! — позвал Кэндзи хозяйку, сидевшую с гостями. — Я ухожу.

Она тут же вскочила, извинившись перед посетителями.

— Уходишь? — Она посмотрела на брата с таким выражением, как будто хотела его задержать.

— Он, — Кэндзи кивнул в сторону Ямагами, — хочет о чем-то поговорить со мной.

— Ямагами-сан, — обратилась хозяйка к приятелю брата, — не рано ли уходите? Побудьте еще.

— Спасибо, — сказал Ямагами, — просто остались кое-какие дела. — Он вскочил со стула.

— Вы сюда больше не вернетесь сегодня? — спросила у Кэндзи подскочившая Нобуко. Она уже некоторое время пристально за ним наблюдала.

— Да, наверно. Поздно уже, надо домой.

Нобуко с упреком посмотрела на Кэндзи, но рядом стояли его приятель и хозяйка, и ей ничего не оставалось, как промолчать.

Ямагами плечом толкнул входную дверь.

— Прощай, сестра, — обернувшись, сказал Кэндзи.

— Пора тебе остепениться, — крикнула она ему вслед.

— А, ладно, — буркнул он, уже выходя на улицу.

Три или четыре официантки провожали приятелей до дверей. Нобуко намеревалась идти дальше, но хозяйка сердито окликнула ее: «Нобу-тян!»

Среди провожающих была и Кирико. Как обычно, она стояла у входа и смотрела, как двое друзей спускались вниз по улице.

— Холодно, — буркнула официантка, стоявшая

рядом с Кирико, и первой забежала обратно. За ней последовали и другие. Только Кирико оставалась пока на улице. Она специально зашла в тень, чтобы фонарь не высвечивал ее одинокую фигуру. Взгляд ее неотступно следовал за удаляющимся силуэтом Кэндзи.

По вечерам эта улица бывала многолюдной, но после одиннадцати почти все заведения закрывались. И тогда лишь редкие огни фонарей оживляли унылую пустоту улиц. Вот и сейчас их лучи скользили по спинам уходящих парней. Вдруг молодые люди остановились. Между ними возникла какая-то перебранка. Говорили они громко, но слов было не разобрать. Ясно было одно: это не разговор двух добрых приятелей. Сугиура грубо бранился. Ямагами пытался его утихомирить.

Наконец они сцепились и стали драться. Кирико хотела разглядеть все это получше, но тут дверь бара отворилась, оттуда показалась физиономия Нобуко. Кирико пришлось вернуться назад, а вместо нее на улицу выскочила Нобуко.

С той ночи Сугиура исчез, как в воду провалился. Кирико ждала, когда же он появится, а его все не было и не было, равно как и его приятеля — Ямагами. А у Нобуко ничего нельзя было выведать.

Кирико снимала квартиру вместе с Нобуко. Они жили вдвоем в узкой комнатке площадью в шесть татами. Кирико поселилась с подругой только потому, что они были землячки. С тех пор как они стали жить вместе, Кирико хоть и не сразу, но все-таки поняла, что Нобуко близка с Кэндзи.

Иногда Нобуко по окончании работы, под разными отговорками отправляла Кирико домой одну. Но Кирико была уверена, что Нобуко проводит это время с Кэндзи. Когда она возвращалась домой, то лицо у нее бывало помятым, а одежда иногда запачканной.

— Тебе не доставляет хлопот мое присутствие? — время от времени спрашивала Кирико. Нобуко в ответ негодующе трясла головой: дескать, нет.

— Ведь это я пригласила тебя. Ты меня несколько не стесняешь. Не говори ерунды.

Нобуко была хорошей девушкой. Она действительно заботилась о Кирико. Но с тех пор как появился Кэндзи, Нобуко как будто подменили. Кирико особенно ясно увидела это во время той сцены в баре.

Официантки намекали, что с братом хозяйки, Сугиурой, у Нобуко особые отношения. Женщины этого круга избегали называть вещи своими именами и достигли совершенства в искусстве говорить обиняками.

Кирико хотела расспросить Сугиуру об его отношениях с адвокатом Оцукой. Что-то явно необычное происходило в тот вечер: поздний звонок в контору адвоката, затем внезапная отмена этого звонка, наконец, убитый вид самого Кэндзи. Кирико тогда заподозрила, что все это не случайно. Сугиура как-то связан с адвокатом Оцукой. Но это было лишь предположение, и Кирико нуждалась в доказательствах. Однако важный участник событий — Кэндзи — исчез, и не оставалось никакой возможности прояснить дело. Единственное, что могла теперь Кирико — расспрашивать подружку Кэндзи — Нобуко.

— А почему Кэндзи-сан не работает в баре своей сестры? — как-то спросила она.

— Кэндзи решил, что, работая вместе с сестрой, он ничему толком не научится, вот и пошел в другое место, — объяснила Нобуко. — Кэндзи хочет когда-нибудь открыть свое дело, а до тех пор решил поработать в «Минасэ», чтобы, как он говорит, набраться опыта. Иметь такой ресторан — заветная мечта Кэндзи.

В этот момент у самой Нобуко в глазах появилось мечтательное выражение, и стало ясно — она представляет себя хозяйкой этого ресторана.

— А что, Кэндзи-сан изучал юриспруденцию? — Кирико попыталась прощупать подругу.

Однако Нобуко категорически отвергла такое предположение.

— Зачем ему юриспруденция... А почему ты об этом спрашиваешь?

— Ну-у... — Кирико напустила на себя простодушный вид и рассмеялась. Этот вопрос она хотела когда-нибудь напрямую задать Кэндзи.

— А почему Кэдзи-сан не заходит к нам? — спросила Кирико, и Нобуко в ответ нахмурилась.

— Занят... наверное.

Но Кирико знала правду: Нобуко, несомненно, тайно встречалась с Кэндзи, это было видно по ее поведению. С тех пор как Кирико переехала в комнату подруги, бывали дни, когда Нобуко очень нервничала. Кирико

рассудила, что именно в эти дни девушка встречается с Кэндзи.

Но в последнее время Нобуко приуныла. Признаки того, что она продолжает встречаться с Кэндзи, оставались, но прежней радости на лице девушки уже не было. Возможно, в их отношениях появились какие-то трудности. Но заговорить на эту тему Кирико не могла. Да и вообще единственное, что интересовало ее в Сугиуре — его связь с адвокатом Оцукой.

Однажды вечером в баре зазвонил телефон. В этот момент рядом оказалась Кирико, и она сразу подошла:

— Бар «Кайсо».

Голос в трубке без всяких предисловий спросил:

— Кэндзи пришел?

Голос был грубый и принадлежал, скорее всего, выпившему человеку.

— Нет, он здесь не появлялся,— ответила Кирико. Вопрос удивил ее.

— Вот оно что! Ну ладно.— Собеседник бросил трубку.

Лишь закончив разговор, Кирико поняла, с кем беседовала.

Конечно же, это Ямагами. Голос принадлежал ему.

Хозяйка в это время как раз стояла за стойкой и спросила Кирико, кто звонил.

— Кто-то спрашивал, не приходил ли Кэндзи-сан. Но не назвался.

— Та-ак...— только и промолвила в ответ хозяйка, но над бровями у нее обозначились морщинки.

С тех пор как Кэндзи ездил на Хаконэ, прошло уже двадцать дней.

Через некоторое время Кирико позвонил Абэ и назначил встречу на следующий день на обычном месте. Кирико недавно просила Абэ кое-что разузнать.

Кирико увиделась с Абэ в четыре часа в кафе. Встречи эти проходили всегда в сумерках, перед тем как Кирико идти на работу.

— Младшая сестра моего приятеля работает в «Ми-насэ», так что узнать то, о чем вы просили, оказалось легко,— сказал Абэ.

В прошлую встречу он поинтересовался, чем вызван интерес Кирико к ресторану «Минасэ», но та ничего не объяснила.

— Странно,— пробормотал тогда Абэ, но тем не менее с энтузиазмом взялся выполнять просьбу Кирико и теперь, достав записную книжку, докладывал ей, что удалось разузнать.

— Хозяйка «Минасэ» — красивая женщина, ей всего тридцать один или тридцать два года. Я ее не знаю, но, говорят, о ней даже писали в каком-то журнале. Вас интересовало все, связанное с адвокатом Оцукой. Так вот, у него с этой хозяйкой близкие личные отношения.

Все, кто работает в «Минасэ», естественно, знают об этом. Вот и та девушка, которую я просил разузнать, подтверждает этот слух. Как я уже говорил, хозяйка — красивая женщина, так что поклонников у нее хватает. Однако говорят, что связь с адвокатом Оцукой довольно давняя.

Выслушав рассказ Абэ, Кирико о чем-то задумалась. Взгляд устремлен куда-то вдаль, губы закусены.

— О чем вы думаете? — спросил Абэ. Он и в самом деле не знал, что задумала Кирико. Ее желание разузнать побольше об адвокате Оцуке было ему понятно, но вот почему Кирико заинтересовалась хозяйкой ресторана «Минасэ»? Абэ не догадывался о ходе ее мыслей.

— Просто мне хотелось узнать об этом,— коротко ответила Кирико.

С тех пор как Кирико стала работать в баре, кое-что в ней изменилось. Некогда излишне открытая, теперь она не забывала о правилах хорошего тона. Вот и сейчас свой чересчур короткий ответ она сопровождала милой улыбкой.

— Послушайте,— сказал Абэ,— вы проявляете особый интерес к адвокату Оцуке. Это я понимаю,— он осторожно заглянул Кирико в лицо.— Может, я ошибаюсь, но мне кажется, вам стоит больше интересоваться братом.

— Братом? — Кирико подняла глаза.

— Да. Брат умер запятнанным. Надо восстановить его репутацию.

Как ни странно, Кирико спокойно выслушала эти слова. В прежние времена такое заявление вызвало бы у нее бурную реакцию.

— Я, конечно, помню о брате, — мягко сказала она. — Но ведь он мертв, а мертвому — все равно.

— Как?! — Глаза у Абэ расширились от изумления. — Я вижу, вы сильно переменились. Раньше вы так не говорили.

— Да? — с напускным простодушием переспросила Кирико, но даже не попыталась возразить. — Абэ-сан, — обратилась она к собеседнику, — давайте не будем об этом. Не могли бы вы выслушать мою просьбу.

Абэ заметил, что глаза Кирико блестят с прежней яркостью, и невольно осекся.

— Хорошо, пусть будет, как вы хотите.

— Очень прошу вас.

— Так что на этот раз? — Абэ приготовился выслушать новое задание.

— В «Минасэ» работает человек по имени Кэндзи Сугиура. Я хочу, чтобы вы навели о нем справки.

— А кто он? — спросил Абэ, записав фамилию.

— Младший брат хозяйки бара, где я работаю. Он — метрдотель. Я хочу знать, какой репутацией он пользуется в «Минасэ».

Просьба эта показалась Абэ странной. Он посмотрел на Кирико.

— Абэ-сан, вы хотите знать, что у меня на уме? — она улыбнулась оттого, что угадала его мысль. — Не скрою, у меня есть один план. Скоро я посвящу вас в него.

Прошло два дня, с тех пор как Кирико обратилась к Абэ с этой просьбой. Жизнь ее текла так же монотонно, как и прежде. Ни Сугиура, ни его приятель в баре не появлялись. Нобуко была все такой же хмурой, горестное выражение не сходило с ее лица. Отчего? Кирико наблюдала за своей соседкой по комнате, стараясь это понять.

Наконец раздался телефонный звонок Абэ.

— Я навел справки, — сказал он.

— Спасибо.

— Встретимся там, где всегда, в кафе?

— Хорошо.

— Приду в то же время и буду ждать.

Кирико испытывала к Абэ искреннее чувство благодарности.

Как-то он сказал ей:

— Ваш брат совершенно невиновен. Оцука знает

это. Я еще кое-что разузнаю, а затем опубликую в своем журнале статью, где докажу невиновность вашего брата.

Этот порыв Абэ был абсолютно искренним. Им руководило не только чувство к Кирико, но и стремление восстановить справедливость.

— Не надо, — попыталась остановить его Кирико.

— Почему? — спросил Абэ.

— У меня есть одна мысль. Что это за мысль — скажу позже, подождите.

«Подождите» — эти слова были ответом Кирико на все вопросы Абэ.

Так было и на очередной встрече. Абэ рассказал все, что ему удалось разузнать.

— По вашей просьбе я разведал кое-что о Кэндзи Сугиуре. Репутация у него неплохая.

— Вот как? Расскажите подробнее.

— Кэндзи Сугиура, как вы знаете, работает в «Минасэ» метрдротелем. В работе прилежен. Как говорят сослуживцы, он немного робок, но я не могу взять в толк, что это значит. Видимо, он «робеет» перед старшими. Разумеется, это оттого, что он ревностно относится к своим обязанностям. Вот и младшая сестра моего приятеля так считает. Он только и занят, что своей работой в ресторане.

Кирико слушала это, опустив глаза.

Но мысль ее работала напряженно. Стало быть, сослуживцы говорят, что Сугиура «робок». И что он очень старателен в работе.

Почему?

Кирико вспомнила, как странно вел себя Кэндзи в тот вечер, когда вернулся с Хаконэ. Почему он тогда самовольно удрал из заведения и отправился на Хаконэ? Что он хотел сказать адвокату Оцуке, когда звонил по телефону? И почему вдруг передумал?

Станным было и его развязное поведение у них в баре. Что-то за этим кроется.

Да и поникший вид Нобуко в последнее время, вероятно, как-то связан со всем этим. Но расспрашивать ее бесполезно. Кирико и сама не хотела вступать с ней в беседу.

Неожиданно перед мысленным взором Кирико возникли Кэндзи и его приятель — профессиональный бейсболист. Вот их силуэты сцепились в схватке в свете

уличных фонарей. Кэндзи с бранью наседает, а его приятель, Ямагами, оправдывается.

Что-то за этим кроется. И в центре всего этого — фигура адвоката Оцуки...

Взгляд Кирико как будто стал угрожать кому-то, и Абэ перехватил его...

Глава восьмая

Кирико стояла на углу, откуда был виден большой ресторан. Окна, затянутые тонкими занавесями, ярко светились. Тянуло холодом.

Здесь, на Гиндзе, было многолюдно. Прохожие кутались в пальто.

Кирико топталась здесь уже с семи часов. На углу, который она облюбовала, располагался магазин женской галантереи, поэтому никого не должно было удивить, что девушка прохаживается вдоль витрин. К галантерейной лавке примыкал магазин европейской одежды, затем шли часовой и ювелирный магазины. Кирико бродила вдоль торгового ряда, но глаза ее были прикованы к ресторану и его служебному входу, плохо освещенному и такому убогому, что, казалось, он не имеет никакого отношения к столь роскошному заведению. Прямо напротив ресторана располагались кафе и табачная лавка. Чтобы не привлечь внимание старухи, хозяйки табачной лавки, Кирико постоянно меняла свое месторасположение. Чуть дальше, на противоположной стороне, был банк, возле которого царил полумрак. Иногда Кирико останавливалась и там.

Кирико явилась сюда по просьбе Нобуко.

Объект наблюдения — Кэндзи Сугиура. В связи со своей просьбой Нобуко открылась ей во всем. Как Кирико и предполагала, Нобуко была его любовницей. По словам Нобуко, Кэндзи видимо охладел к ней. У него появилась, наверное, новая пассия. Нобуко уже и раньше подмечала кое-что, но в последнее время положение стало хуже некуда. Кирико сопоставила услышанное с тем, что ей самой довелось увидеть в тот вечер в баре, и мысленно согласилась. Действительно, Кэндзи в тот вечер был очень холоден к Нобуко.

Нобуко рассказала следующее. Вчера Кэндзи отказался увидеться с нею, несмотря на свое обещание. Он был очень неприветлив, ничего не хотел слушать. И тогда Нобуко подумала: все это оттого, что он завел себе новую зазнобу. Рассказывая это подруге, Нобуко расплакалась.

— Если я буду стоять перед рестораном и ждать Кэндзи, то он, заметив меня, очень рассердится. Поэтому я прошу тебя взять сегодня отгул и покараулить вместо меня. Проследи за ним. Я все оплачу — и такси, и прочее. Я дурно поступаю, но все-таки прошу тебя это сделать. Очень прошу, Риэ-тян.

Кирико согласилась не только ради подруги, сделавшей для нее столько добра. Кэндзи Сугиура интересовал саму Кирико. Он привлек ее внимание с того вечера, когда, вернувшись с Хаконэ, забрел в бар «Кайсо».

Откуда Кэндзи знал адвоката Оцуку?

Одно это представляло интерес, но, кроме того, Кирико хотела разузнать, почему Кэндзи был так встревожен. Ведь тогда это была не просто нервозность пьяного человека.

Судя по рассказу Абэ, Сугиура был исключительно прилежен. Это и понятно, если учесть, что он хотел открыть собственное дело, а работу в этом ресторане рассматривал как практику. И все-таки остается вопросом, почему Кэндзи выбрал именно этот ресторан.

Вот почему Кирико стояла теперь на улице неподалеку от ресторана. Перед нею беспрестанно мелькали прохожие. Где-то рядом прохаживались молодая цветочница и мальчишка, предлагавший жевательную резинку. Оба уличных торговца несколько раз сталкивались с явно поджидавшей кого-то Кирико, но не обращали на нее никакого внимания.

Кирико взглянула на часы. Восемь. Она торчит здесь уже больше часа.

В служебную дверь ресторана время от времени входили и выходили, но Сугиура все не показывался. Нобуко сказала, что ресторан закрывается в девять, но Кэндзи, бывает, срывается с работы и раньше. Вот почему Кирико дежурила здесь с семи.

Кирико в очередной раз прошла мимо табачной лавки. Впереди яркие огни магазина европейской одежды высвечивали из темноты лица прохожих. Именно тут она

внезапно нос к носу столкнулась с молодым женщиной. Увидев Кирико, он остановился.

— А, это вы! — мужчина заулыбался. — Вы ведь из бара «Кайсо»?

Кирико узнала Ямагами, приятеля Сугиуры.

— Что вы сегодня делаете? — спросил Ямагами.

Во время разговора с ним девушка, чтобы не пропустить Кэндзи, повернулась в нужную ей сторону и продолжала пристально следить за служебным входом в ресторан.

— Я выходная, — сказала она.

— Это славно! — Ямагами вытащил из левого кармана пальто сигареты, зажигалку с каким-то замысловатым узором и прикурил. Вспышка высветила лицо Ямагами.

— И что же вы собираетесь делать? — затянувшись, он поглядел на Кирико. Очень скуластое, худое лицо. Неприятный взгляд. Тонкие губы искривлены в усмешке.

Кирико чуть замешкалась с ответом.

— Думаю пойти в кино, — сказала она. Ей хотелось, чтобы Ямагами скорее ушел.

— Значит, ждете здесь кого-то? — ухмыляясь, спросил парень.

— Нет. Просто иду и размышляю, в какой кино-театр отправиться.

— Неужели вы одна? Если одна, так я сейчас свободен, — сказал он все с той же полуулыбкой.

— Как-нибудь в другой раз, — быстро проговорила Кирико и подумала: «До чего же некстати он ко мне прицепился».

Ямагами громко засмеялся.

— Вот как, я вам мешаю! Ну смотрите, в другой раз обязательно, — бросил он напоследок и скрылся в толпе.

Кирико успокоилась. Разговаривая с Ямагами, она не отрывала глаз от служебного входа в ресторан, но Кэндзи так и не появлялся. Внезапно Кирико обратила внимание, что старуха из табачной лавки пристально наблюдает за нею, возможно, заинтересованная ее недавним разговором с Ямагами.

Кирико снова взглянула на часы. Половина девятого. Служебная дверь отворилась, показался высокий молодой человек в пальто... Сугиура. Кирико бросилась вдогонку.

Ей удалось сразу же поймать такси. Сев в машину, она попросила таксиста не отставать от впереди идущей машины.

Вот уже тридцать минут они ехали от Гиндзы на такси. С пустынной улицы, протянувшейся вдоль железнодорожной линии, такси свернуло налево, в переулок, столь узкий, что туда едва могла проехать только одна машина. Кирико оглянулась, чтобы сориентироваться.

По ту сторону железнодорожной линии виднелась общественная баня. Две женщины, по виду домохозяйки, как раз входили туда, раздвинув бамбуковые шторы. Кирико запомнила это.

Задние огни впереди идущей машины удалялись в темном переулке. Фары такси, в котором ехала Кирико, высвечивали квартал унылых однообразных домов. Проехали уже несколько перекрестков. Кирико считала их.

Вот уже пятый. Зажглись стоп-сигналы первой машины.

— Остановите здесь, — поторопилась сказать водителю Кирико, — и сразу уезжайте обратно.

Это для того чтобы Кэндзи ничего не заподозрил. Кирико вышла и прижалась к стене. Шофер сразу подал такси назад. В передней машине открылась дверца. Кэндзи расплачивался. На углу висел фонарь. Свет его падал на высокую фигуру Кэндзи.

Расплатившись, он свернул на боковую улочку. Кирико последовала за ним. По обеим сторонам высились многоквартирные дома. Кэндзи, опустив голову, прошел мимо них. Кирико кралась следом, по возможности прижимаясь к стене. Здесь было еще темнее.

Кэндзи зашел в маленький затрапезный домишко, зажатый между двумя высокими зданиями. Услышав, как хлопнула дверь, Кирико убедилась, что Кэндзи свернул именно сюда.

На этой узкой улице, застроенной сравнительно крупными зданиями, царило безмолвие. Прохожих почти не было. Дом, в который зашел Кэндзи, окружал низенький заборчик, из-за него чернели купы разросшихся деревьев.

Кирико подошла к воротам, на табличке был указан только номер дома. Имени владельца не было. Конечно, Кэндзи этот дом не принадлежал, но он

зашел туда не стесняясь, свободно. Ему явно не нужен был провожатый, не требовалось и звонить в звонок.

В голове Кирико мелькнула догадка.

Судя по расположению этого жилища и по тому, как зашел в него Кэндзи, это, наверно, его тайное пристанище, но кто-то здесь живет. Если у него и впрямь есть любовница, как говорит Нобуко, то, возможно — это ее дом.

Однако Кирико не могла просто так зайти туда. Можно было бы расспросить соседей, но кругом было пустынно, ни одного человека.

От нечего делать Кирико простояла с задумчивым видом минут двадцать. За заборчиком слышались чьи-то торопливые шаги. Стучали деревянные гэта¹ из того дома, за которым Кирико вела наблюдение. Девушка спряталась. Из ворот вышла женщина средних лет. На ней был выходной костюм, в руке — хозяйственная сумка.

Кирико вышла из укрытия и пустилась следом.

— Позвольте вас спросить...

Женщина обернулась и подозрительно уставилась на Кирико, пытаясь разглядеть ее в тусклом свете отдаленного уличного фонаря.

— Скажите, не проживает ли у вас Танака-сан? — спросила Кирико первое, что пришло на ум.

— Нет, не проживает, — бросила женщина, выказывая явное нетерпение.

— Но она мне точно сказала, что живет в этом доме. Танака-сан с мужем и ребенком.

— Таких нет, — отрезала женщина.

— Ну что ж, извините.

Женщина вышла из дома вскоре после того, как там появился Кэндзи Сугиура. Она была готова к выходу. Это обстоятельство позволило Кирико домыслить остальное.

Дом, без сомнения, был тайным прибежищем Сугиуры. Женщина, возможно, присматривала за домом, а когда хозяин приходил, тут же удалялась. Она покидала дом намеренно. Но чем занимался Сугиура в ее отсутствие? Кирико решила, что у Кэндзи есть возлюбленная.

¹ Гэ та — японская национальная обувь в виде деревянной дощечки на двух поперечных подставках.

Но это была только догадка. В дом войти Кирико не могла, приходилось ждать, пока Кэндзи снова выйдет. Появится ли он один или в сопровождении женщины? Или женщина проводит его, а сама останется? В любом случае Кирико могла лишь запомнить ее лицо.

Кирико посмотрела на часы. Половина десятого. Вот уже полчаса, как Сугиура в доме.

Кирико стало жутко, она замерзла. Оставив свой наблюдательный пункт, она направилась в сторону торгового квартала. Затем снова побрела по переулку, прошла мимо многоквартирных домов, из которых струился свет, доносились веселые голоса. Дальше снова тянулась уныло однообразная улица. Вот место, где она вылезла из такси. Здесь дорога шла немного под уклон. Она выводила на улицу, вдоль которой тянулась линия железной дороги. Там, помнила Кирико, расположена баня.

Кирико снова посмотрела в сторону переулка. Из переулка вышел мужчина и зашагал в противоположную от железной дороги сторону. Он очень спешил.

Прошло минут сорок. Кирико не спеша повернула обратно. Вот снова тот же унылый ряд домов. Вдруг Кирико резко осветили фары ехавшего сзади автомобиля. Переулок был настолько узкий, что Кирико почти впечаталась в забор. Пока машина не поравнялась с нею, девушка не могла понять, кто сидит внутри, но в тот момент, когда лимузин проезжал мимо, Кирико показалось, что там — женщина. Какое-то время Кирико продолжала стоять на месте, провожая взглядом машину.

Проехав еще немного, автомобиль остановился на том самом месте, где вылез из такси Сугиура.

Дверца открылась, из машины выскочила женщина. Уличные фонари едва освещали ее фигуру. Кирико удалось лишь на мгновение увидеть ее. Статная женщина в черном пальто.

Услышав звук хлопнувшей дверцы, Кирико ринулась вперед. Ей хотелось увидеть собственными глазами, куда зайдет женщина.

Завернув за угол, Кирико снова увидела женщину. Та проходила мимо многоквартирных домов, где из окон падало много света. Дальше улица была плохо освещена, и фигура незнакомки едва просматривалась. Вот и кирпичное здание, а за ним — тот самый дом. Кирико пригляделась. Женщина скрылась внутри. Предчувствие оправдалось. Вот Кирико услышала, как закрылась раздвижная дверь.

Итак, женщина, с которой встречается Кэндзи, не живет в этом доме. Теперь Кирико догадалась, что они просто договариваются встречаться здесь. Ветер обдавал холодом ноги и гнал по тротуару клочки бумаги, мусор. Только их шелест и нарушал тишину. Больше вокруг не было слышно ни звука.

Дом стоял, окруженный мраком и безмолвием. Кирико проскользнула в ворота. Фонарь над воротами бросал отсвет на низкий, обветшавший вход. Раздвижная дверь вела в прихожую.

Подойдя поближе, Кирико увидела еще одну дверь, которая не была заперта. Через нее, видимо, можно было пройти во внутренний дворик или куда-то еще. Но войти туда не представлялось возможным. Раздвижная дверь была плотно задвинута.

Служанка, похоже, пока еще не вернулась. Откуда-то издалека доносились звуки радио. Небо над голыми ветвями деревьев было беззвездным. Кирико притаилась.

Вдруг изнутри послышались какие-то звуки. Кирико насторожилась, звуки стали громче. Дверь внезапно отворилась. Женщина в черном пальто появилась так неожиданно, что Кирико не успела спрятаться и невольно тихо вскрикнула. Женщина громко ахнула в ответ и на несколько мгновений замерла. Видно было, что ее всю трясет.

— Не я это сделала! — закричала она.

Кирико поразил ее иступленный вид.

— Будьте свидетельницей, прошу вас. Не я это сделала, — снова крикнула женщина пресекающимся от волнения голосом. Кирико никогда еще не приходилось видеть, чтобы кого-нибудь так трясло.

Женщина молча разглядывала Кирико. Слышалось только ее прерывистое дыхание. Кирико понимала, что женщина не может говорить из-за переполняющих ее чувств.

Женщина была статная и даже, на взгляд Кирико, красивая. Но лицо ее было безумно бледным. Это бросалось в глаза, несмотря на тусклый, едва рассеивающий мрак электрический свет. Глаза ее почти вылезли из орбит. Прелестной формы губы были полуоткрыты, она судорожно ловила ртом воздух. Кирико поняла, что она хочет, только когда женщина обхватила ее и потащила в дом.

Через крохотную прихожую они прошли в комнату площадью в шесть татами, а оттуда — в гостиную размером в восемь татами. Кирико запомнила на всякий случай расположение комнат.

В гостиной возле маленькой жаровни лежал на спине Кэндзи Сугиура. Тюфяк, которым была накрыта жаровня, и пол — все тонуло в крови. Взлохмаченные волосы убитого тоже были в крови, руки сжаты в кулаки.

Кирико оцепенела от ужаса.

— Когда я пришла, все было уже так, — сказала женщина, вцепившись в плечо Кирико. — Я пришла только сейчас. Я не убивала этого человека. Когда я пришла, он уже был убит, — повторяла она голосом таким хриплым, будто у нее пересохло горло.

Кирико могла понять ее состояние. Она ведь своими глазами видела, что эта женщина только что зашла сюда. А Сугиуру убили, видимо, немного раньше. У женщины просто не было времени на это.

— Прошу вас, будьте свидетельницей.

Кирико, не отвечая, продолжала смотреть. Белая рубашка была вся в ярко-алой крови.

— Ну поверьте же мне! Не я это сделала! — голос женщины пресекался от напряжения.

Кирико кивнула, и женщина, увидев это, широко раскрыла глаза.

— Если меня заподозрят, прошу вас быть свидетельницей, — она потрясла Кирико за плечо. — Вот не повезло! Я пришла, к несчастью, сразу же после убийцы. Только вы можете меня спасти. Скажите непременно, как вас зовут.

Запах крови смешивался с запахом дорогих духов, исходившим от этой женщины.

— Скажу я вам свое имя. И свидетельницей буду, — наконец заговорила Кирико. — Ну а вы-то кто сами?

Женщина ответила не сразу. Что-то удерживало ее.

— Кто вы? — снова спросила Кирико.

— Меня зовут Митико Коно, — призналась женщина.

Кирико не удивилась. Она предполагала это, как только увидела женщину. Хозяйка ресторана, где работал Сугиура, — вот с кем он встречался здесь. Это Кирико тоже моментально сообразила.

— Я назвала свое имя. Я — содержательница ресторана, где работал Кэндзи-сан, — растерянно произнесла женщина. Она забыла объяснить, что человека, чей труп

лежал сейчас рядом, звали Кэндзи. Все это придавало Кирико уверенности в ее предположениях.

Она вспомнила, как взволнован был Кэндзи, когда хотел позвонить адвокату Оцуке, а потом передумал. Она знала, что Митико Коно — была любовницей Кэндзи и адвоката Оцуки. И страдания Кэндзи в тот вечер объяснялись только тем, что его терзала близость между Митико и Оцукой.

Кирико продолжала осматривать комнату. Утвари немного, но вся она — роскошная, и вместе с тем явно многого не хватает для того, чтобы жить тут постоянно. Сам характер убранства красноречиво говорил о том, что здесь встречались мужчина и женщина.

Кирико обратила внимание, что рядом с трупом валяется какой-то небольшой металлический, серебристо поблескивающий предмет. Это была зажигалка. Возможно, она принадлежала убитому.

На жаровне лежала распечатанная пачка сигарет. Но в пепельнице не было окурков. Две-три сигареты вывалились из пачки.

— Скажите, пожалуйста, поскорее ваше имя, — торопливо попросила Митико. Она была похожа на человека, который летит с обрыва и хватается за пучки травы.

— Меня зовут Кирико Янагида, — ответила Кирико, хладнокровно поглядывая на труп. Вид мертвого тела не вызвал у нее никаких чувств. Лишь губы ее были плотно сжаты и лицо побледнело.

— А место? Место, где вас найти? — продолжала расспрашивать Митико.

— Я работаю в баре «Кайсо» на Гиндзе.

Услышав это название, Митико оторопела.

— Вы говорите «Кайсо» — это где сестра Кэндзи? — Митико внимательно посмотрела на Кирико.

— Да. Я там работаю, — неторопливо ответила та. Митико от волнения сглотнула слюну.

— Понятно. И потому вы здесь? — ошибочно заключила она, решив, что Кирико явилась в тайное пристанище Кэндзи оттого, что работает у его старшей сестры. Кирико не стала оспаривать это заблуждение.

— Так... — Митико цепким взглядом оглядела Кирико и кивнула, — Кирико Янагида... Кирико Янагида... — снова и снова повторяла она, как бы желая уточнить, правильно ли произносит это имя.

— Кто же убил? — пробормотала Кирико.

— Не знаю. Совершенно не знаю, кто бы это мог быть,— громко ответила Митико.

— Ну, пошли отсюда,— предложила она.— Нельзя, чтобы кто-нибудь застал нас здесь. Может прийти служанка. Пойдем же,— и Митико вышла первой.

Кирико снова пересекла комнату в шесть татами и прихожую. Надела свои туфли, оставленные у входа. Ботинки покойного Кэндзи валялись в углу. Митико уже ушла.

Кирико осталась одна. Она вышла на улицу, тянущуюся вдоль линии электрички. Митико уже и след простыл. Умчалась.

Вот и общественная баня. Две женщины с тазами в руках, смеясь, заходили в нее, раздвинув бамбуковые шторы. Из выхода мужского отделения показались трое молодых людей с полотенцами. Проходившая электричка скрыла их из поля зрения. Вот мчатся автомобили. Катит грузовик. Идут прохожие. Все тот же неизменный вечерний город. И никому нет дела до того, что где-то рядом сейчас произошло убийство.

Кирико двинулась в сторону остановки. Несколько человек уже стояли там и ждали поезда. Никто из них не знал, что сейчас произошло убийство.

Кирико поискала глазами, но не увидела Митико. Она явно уже успела поймать такси и уехать.

Кирико снова представила себе место убийства. Эта воображаемая картина и то, что Кирико сейчас реально видела перед глазами — два совершенно различных мира. В трех минутах ходьбы отсюда лежал окровавленный труп человека.

Мимо проехал автомобиль. Водитель напевал модную песенку. Страшная картина в голове Кирико понемногу бледнела, отступала перед образами реального мира с его скукой и суетой.

Внезапно что-то остановило Кирико. Ей вспомнился лежавший на полу предмет. Зажигалка. Эта серебристая вещица так контрастно смотрелась рядом с потоками крови.

Принадлежала ли она убитому или, быть может, преступнику? В тот момент, как эта мысль пришла в голову Кирико, все проходящее вокруг снова перестало для нее существовать. Перед глазами поплыла недавняя кровавая картина.

Кирико просчитывала время. С тех пор как она вышла из дому, не прошло и пяти минут. Никто еще не мог

туда вторгнуться. Кирико повернула обратно, в переулок. Уже в который раз прошла мимо многоквартирных домов. Там за окном еще горел свет. Веселье продолжалось.

Кирико снова вошла в ворота. Остановилась, прислушалась. Тихо. Радио тоже смолкло. Хладнокровно открыла дверь в прихожую. Сняла туфли.

В глаза ей бросился черный предмет, оброненный кем-то в прихожей. Это была черная кожаная перчатка. В первый свой приход Кирико не обратила на нее внимания. Изящная перчатка с красивой отделкой лежала в уголке прихожей. Женская, с правой руки. Видимо, ее обронила Митико.

Кирико пересекла крохотную прихожую и комнату в шесть татами. Нервы ее были так напряжены, что она не ощущала, как пятки утопали в чуть пружинящей плетеной соломе.

Войдя в гостиную, Кирико обнаружила, что все там как прежде: рот у трупа приоткрыт, будто в зевке, посверкивает золотой зуб. Кровь еще больше залила белую рубашку. Вот, пожалуй, единственное, что изменилось за время отсутствия Кирико. Серебристая зажигалка была на месте.

Кирико наклонилась и подняла ее. Зажигалка была с выгравированным рисунком — лиса и виноград. Там, где был изображен виноград, на поверхности виднелись две крохотные щербинки.

Кирико стала вспоминать, как закуривал Кэндзи в тот вечер в баре. Он сунул в рот сигарету и принялся рыться в карманах. Вытащил спички. Нобуко проворно поднесла огонек, и Кэндзи убрал ненужные спички. Зажигалки у него в тот вечер не было. Это совершенно точно.

На тюфяке, покрывающем жаровню, виднелась пепельница, но окурков в ней не было. Лежали и сигареты, но, похоже, никто не курил. Странно, откуда взялась зажигалка? Кирико догадалась: она принадлежит преступнику.

Кирико быстро сунула зажигалку в карман. Потом бросила перчатку рядом с трупом — как раз туда, где лежала зажигалка. Элегантная черная перчатка выглядела как на витрине.

Кирико вышла в прихожую. Надевая туфли, осмотрела ноги — на чулки не попало ни капли крови.

Темная улочка по-прежнему была безлюдна. Из со-

седних домов никто не показывался. Когда Кирико проходила мимо многоквартирного дома, оттуда вышли два молодых человека и окинули ее беглым взглядом. Беспокоиться не было оснований. Они ведь не знали, кто она и откуда идет.

Кирико направилась к остановке. Люди, стоявшие здесь вместе с нею, уже уехали, а теперь вместо них переминались с ноги на ногу от холода два каких-то новых человека.

Кирико добралась до «Кайсо» перед закрытием. Посетители еще сидели.

— Ах, что случилось, Риэ-тян? — удивились подружки. Ведь Кирико взяла отгул, но почему-то пришла на работу.

На этот случай у Кирико был заготовлен ответ, придуманный Нобуко.

— У меня была встреча с земляком, но он так и не приехал.

В бар заглянул бродячий аккордеонист. По заказам посетителей он исполнял разные песенки. Нобуко вернулась, встала из-за столика и подошла к Кирико.

— Ну как? — тихо спросила Нобуко.

— Прости меня, — так же тихо ответила подруга, — я не видела Кэндзи... Я караулила у выхода, но он все не появлялся, тогда я позвонила в ресторан из телефона-автомата и попросила его. Мне сказали, что он вышел минут тридцать назад. Видимо, я его проворонила.

Нобуко была явно обескуражена.

— А куда он пошел, ты не догадалась спросить?

— Я спросила, но мне не ответили. Прости, но я оплошала. Я была очень внимательна, но ко мне подошел знакомый и, пока мы разговаривали, я, наверно, и просмотрела Кэндзи-сана. Этот мой знакомый был очень навязчив, я никак не могла отделаться от него.

— Кто это был? — безразличным тоном спросила Нобуко.

— Ямагами-сан, — ответила Кирико, — приятель Кэндзи, он здесь тоже появлялся. Пришлось увиливать от всяких его вопросов: что, мол, я делаю, почему там и так далее.

— Ты встретила Ямагами? — Нобуко сделала недовольную мину. Она его недолюбливала.

— Когда мне по телефону ответили, что Кэндзи ушел, я от нечего делать отправилась в кино. Затем подумала: а может, Кэндзи-сан вернулся, и еще раз позвони-

ла по телефону. Несколько раз набирала номер, но никто так и не подошел.

— В такое время уже бесполезно звонить,— безнадежным тоном сказала Нобуко.

— Прости меня, пожалуйста. В следующий раз, конечно, я постараюсь не отвлекаться,— стала извиняться Кирико.

— Да уж, надеюсь,— ответила Нобуко не то чтобы сердито, но ворчливо.

— Эй, Риэ-тян,— позвал один из посетителей, увидев Кирико,— подойди сюда!

— Иду,— Кирико приблизилась к столику, лицо ее казалось беспечным и веселым.

— Что случилось? Я слышал, ты сегодня отдыхаешь. Ты что, дни перепутала? — поддразнил ее посетитель.

— Может быть, это вы меня с кем-то перепутали,— отшутилась Кирико.

Посетитель заинтересовался, что она будет пить, и Кирико заказала джинфиз. Голос у нее был спокойный.

Труп Сугиуры обнаружила служанка. Смерть наступила от ранения в область сердца, нанесенного, видимо, кинжалом. Орудия убийства на месте преступления найдено не было.

Событие это широко освещалось в газетах. Опираясь на свидетельские показания служанки, арестовали Митико. Происшедшее излагалось следующим образом.

Кэндзи Сугиура работал метрдотелем в ресторане, принадлежащем Митико Коно. Он служил здесь около двух лет. Перебравшись в столицу с Кюсю, он не стал работать в баре «Кайсо», который содержала его старшая сестра, потому что хотел открыть свой собственный ресторан. В ожидании лучших времен он набирался опыта в ресторане Митико.

Через год после поступления сюда на работу он сошелся с Митико. Согласно показаниям Митико, Кэндзи соблазнил ее. Но он был моложе своей любовницы, и как обстояло на самом деле — неизвестно. Возможно, все было наоборот. С тех пор как Митико рассталась с мужем, прошло уже три года.

Вот что заявила Митико по этому поводу на допросе: «Я уступила Кэндзи в результате случайной слабости. Впоследствии, раскаявшись, я хотела покончить

с этим романом. Но Кэндзи очень тосковал по мне и не желал ничего слушать. Он был еще молод и совершенно потерял голову. Мы скрывали свой роман от работников ресторана. Тем не менее они, видимо, догадывались о нем. Кэндзи начал проявлять какую-то странную стеснительность, именно это и выдало его.

К работе он относился ревностно. Казалось, будто он работает не по найму, а в своем собственном заведении. Ради меня он выбивался из сил. Мне это казалось трогательным, и я жалела его.

Для того чтобы встречаться, мы тайно сняли этот дом, а для ухода за ним я наняла служанку, женщину средних лет. Кстати, последнее время я старалась по возможности реже видаться с Кэндзи. И в этот дом мы почти перестали ходить. Я хотела, как только представится случай, отказаться от этого дома. Но вряд ли это было возможно, пока Кэндзи не образумится.

Человек он был хоть и простодушный, но непредсказуемый.

Между тем я подружилась с адвокатом Оцукой и отношения наши становились все теснее. Мне хотелось порвать с Кэндзи еще и поэтому. Я старалась, насколько это возможно, скрыть от Кэндзи свои отношения с Оцукой, но молодой человек каким-то образом узнал о них.

В последнее время Кэндзи вроде бы стал благоразумнее и пообещал вскорости оставить меня. Однако, узнав о моих отношениях с Оцукой-сэнсэем, он словно взбесился. Короче, он вбил себе в голову, что я хочу оставить его потому, что сблизилась с Оцукой-сэнсэем.

Кэндзи начал запугивать меня. Улучив момент, он отзывал меня в сторонку и говорил, что я должна порвать с Оцукой-сэнсэем, иначе мне будет плохо. При этом он украдкой то показывал бутылку с азотной кислотой, то вытаскивал из кармана кинжал.

Я стала бояться Кэндзи-сана. Меня начинало трясти, лишь только я принималась думать о том, что он может сделать.

Я не рассказывала об этом Оцуке-сэнсэю. Он считал меня целомудренной женщиной, поэтому я не могла поведать ему о своих отношениях с Кэндзи. Оставалось страдать в одиночестве. Встречаться с сэнсэем мне приходилось тайно от Кэндзи. Мои отношения с Оцукой

были, что называется, хождением по тонкому льду. К тому же я чувствовала себя по-настоящему виноватой перед сэнсэем, который даже не сомневался в моей порядочности.

Это случилось, когда мы с Оцукой-сэнсэем поехали на Хаконэ поиграть в гольф. У себя в ресторане я сказала, что еду совсем в другое место. Но Кэндзи, видимо, узнал правду и неожиданно явился в гостиницу на Хаконэ.

Мы ужинали в ресторане, когда Кэндзи вызвал меня ко входу. Он накинулся на меня с упреками. В этот момент Оцука посмотрел в нашу сторону. Я чуть не лишилась чувств. И тут Кэндзи, видимо, сжалился надо мной. Мне удалось уломать его, и он удалился, поклонившись на прощание Оцуке. Сэнсэю я сказала, будто Кэндзи приехал из Токио по делу.

С той поры ревность Кэндзи становилась все сильнее. По возвращении с Хаконэ он хотел позвонить Оцуке и поговорить начистоту. Но он пообещал не делать этого, если я немедленно порву с сэнсэем.

Кэндзи продолжал запугивать меня. Вряд ли он на самом деле хотел убить меня. Я говорила ему, что, если даже мы не порвем, мы все равно так и не сможем стать мужем и женой. Да и в глазах людей мы не пара. Ты еще молод, говорила я, возмешь себе молодую жену и будешь счастлив.

Он не смотрел ни на одну женщину, кроме меня. Все они ничего не стоят, любил повторять он и твердил, что, если мы расстанемся, всю жизнь проживет один. При этом он плакал горькими слезами.

Мне было жаль его, но что я могла поделать. Я продолжала настойчиво убеждать его. Наконец он согласился расстаться.

И тогда я сказала: «Когда мы с тобой расстанемся, я дам тебе денег, чтобы ты мог открыть свой ресторан». Но Кэндзи ответил, что деньги ему не нужны, он и сейчас не испытывает недостатка в деньгах. Я не поняла — что он хотел этим сказать.

И вот наконец в тот вечер была назначена последняя встреча. Я не хотела идти, но поневоле согласилась, ведь мой отказ его сильно рассердил бы, и тогда он мог натворить каких-нибудь безумств.

Договорились на девять вечера. Я подъехала на такси поближе к дому, дальше пошла пешком. Всегда, когда мы встречались, тот, кто приходил первым, отсылал

служанку. В тот вечер, войдя в прихожую, я не увидела служанки. Я поняла, что Кэндзи уже пришел. И действительно, в прихожей стояли его ботинки.

Я пошла в гостиную, думая, что Кэндзи, как всегда, там. Возле жаровни я и увидела его на полу. Не помня себя от ужаса, я метнулась назад в прихожую.

По правде говоря, я прежде всего подумала о том, в какое положение попала сама. Наибольшие подозрения падут на меня. Кровь стыла у меня в жилах.

Я выскочила на улицу и столкнулась с молодой женщиной. Кто это, я не знала, но она явно кого-то высматривала. Я обратилась к ней, прося быть свидетельницей. Она была растеряна и удивлена.

Но, оправившись, кивнула и прошла вместе со мной в гостиную, где лежал Кэндзи.

Я спросила ее имя и адрес. Она назвалась — Кирико Янагида из бара «Кайсо». Бар «Кайсо» содержит старшая сестра Кэндзи. Я подумала, что эта женщина не случайно явилась в наше тайное прибежище. Как бы то ни было, Кирико Янагида обещала засвидетельствовать, что не я убила Кэндзи.

Я немного пришла в себя. Мне было страшно, и я поспешила убежать оттуда. Что там будет делать Кирико Янагида, — я не знала. Я пробежала по темной улице, поймала такси и вскоре вернулась к себе в ресторан. Я приехала туда в десять минут двенадцатого.

Помню, что по дороге обратно потеряла перчатку с правой руки. Я удивилась, когда узнала, что ее обнаружили возле трупа. Возле трупа лежала зажигалка. На ней был выгравирован рисунок: лиса и виноград. Кирико Янагида тоже должна была ее видеть. Я думаю, она засвидетельствует мою невиновность».

Кирико Янагида, когда ее вызвали в полицию, полностью отрицала то, что заявила Коно Митико.

«Я никогда не видела и не слышала про человека по имени Митико Коно. И не была там в тот вечер. В тот вечер я ходила в кино.

Зачем бы я вошла в дом, где было совершено убийство. Да и как я могла знать о нем. Возможно, Митико Коно слышала мое имя от Кэндзи Сугиуры. Бар «Кайсо» содержит его старшая сестра, и Кэндзи часто приходил туда и был знаком со мной».

Глава девятая

Показания Митико Коно и показания Кирико Янагиды полностью исключали друг друга.

Следователь, которому поручено было это дело, внимательно изучил показания обеих женщин.

То, что заявила Митико, не вызывало особых сомнений. Но и свидетельница Кирико Янагида яростно отстаивала свою правоту. Лицо у нее было совсем еще детское, но характер, видимо, твердый, и она ни на йоту не отступала от своих показаний.

В результате проведенного расследования было установлено: нет доказательств, что Кирико в тот вечер в девять часов действительно зашла в кинотеатр, который назвала. Однако сюжет картины она знала хорошо. Вместе с тем, нет ничего удивительного в том, что никто из присутствовавших зрителей не знал Кирико в лицо, поскольку она совсем недавно перебралась в Токио.

Но и доказательств того, что она побывала на месте преступления, тоже не имелось. Очевидцев не было. Кроме того, речь шла о доме, где часто виделись Митико и Кэндзи Сугиура. Никто не знал о существовании этого тайного прибежища. Как же тогда могло получиться, что Митико столкнулась там с Кирико?

С другой стороны, известно, что Нобуко, приятельница Кирико, попросила ее следить за своим любовником, Кэндзи Сугиурой. Кирико в тот вечер отпросилась с работы для наблюдения за Кэндзи. Вот что сказала по этому поводу сама Кирико.

«Нобуко попросила меня посмотреть, чем занимается Сугиура-сан, и я некоторое время стояла возле ресторана, где он работает. Однако Сугиура-сан все не появлялся. Торчать там было неловко да и надоело, поэтому я пошла в кино. Это было примерно в восемь сорок. Рядом с рестораном, где я стояла, находится табачная лавка. Меня видела торговавшая там старушка, она, наверно, помнит меня».

Когда по этому поводу стали расспрашивать старуху из табачной лавки, она ответила, что не знает, была ли это Кирико Янагида, но какая-то женщина с семи часов на протяжении часа с лишним прохаживалась там, — явно кого-то поджидала.

Кирико не была особенно близка с убитым. Она лишь видела его, когда он приходил в принадлежащий его

сестре бар «Кайсо». Кроме того, Кирико заявила, что совершенно не знает Митико Коно. По крайней мере, она с нею близко не знакома.

Но Митико настаивает на том, что Кирико заходила в дом, где было совершено убийство. Это заявление кажется неправдоподобным, поскольку нет доказательств того, что Кирико знала, где находится этот дом. Это обстоятельство говорит не в пользу Митико.

Еще одна деталь усугубляет подозрения, падающие на Митико,— ее перчатка. Митико говорит, что действительно потеряла правую перчатку. Почему она потеряла только одну перчатку? Если верить ее словам, то у нее была привычка, входя в дом, снимать перчатки. На этот раз она тоже сняла одну, но когда зашла в гостиную и увидела там труп, она, по ее показаниям, забыла про снятую перчатку. Возможно, так оно и было, непонятно только, как перчатка могла оказаться рядом с трупом.

Митико утверждает, что не помнит, что она ее там обронила, и более того, считает, что не могла ее там обронить.

Результаты вскрытия наводят на некоторые предположения. Сугиуре был нанесен удар острым колющим предметом в область сердца. Ранение оказалось смертельным.

Обследование места происшествия показало, что в тот вечер у Кэндзи был гость. Они, вероятно, сидели возле жаровни и разговаривали. Кэндзи не ждал нападения. Он не боялся повернуться к гостю спиной. Следовательно, можно предположить, что Кэндзи хорошо знал преступника.

Положение Митико осложнялось.

По мнению следователя, она могла уронить перчатку в момент совершения преступления. А затем, в ужасе от содеянного, забыв о перчатке, покинула дом.

Внимание следователя снова и снова привлекло одно место в показаниях Митико. Она заявила: «Возле трупа лежала зажигалка. На ней был выгравирован рисунок: лиса и виноград. Кирико Янагида тоже должна была ее видеть. Я думаю, она засвидетельствует мою невиновность».

Когда Кирико об этом спросили, она ответила: «Поскольку меня не было на месте происшествия, я этого знать не могу».

Расследование установило, что у Сугиуры давно не

было зажигалки. Это подтвердили и служащие, и друзья. И на самом деле, в тот день Кэндзи прикуривал от спичек. Это засвидетельствовал близко знавший его человек из ресторана. Следовательно, если Митико права и рядом с трупом лежала зажигалка, то она, вероятнее всего, принадлежала преступнику.

Митико тоже курила, но зажигалки, по ее словам, у нее не было. К тому же следует предположить, что, если бы Митико была убийцей, она непременно забрала бы с собой зажигалку. Впрочем, может быть, Митико, пытаясь замести следы и ввести в заблуждение следствие, сказала заведомую ложь.

Следователь перестал доверять показаниям Митико. Она без колебаний призналась в своей связи с адвокатом Оцукой. Опыт подсказывал следователю, что она это сделала для того, чтобы убедить следствие в правдивости своих показаний.

Но вместе с тем и свидетельство Кирико вызывало недоверие.

Даже на допросе Кирико неизменно выказывала самообладание, столь неожиданное для девушки. Она непоколебимо стояла на своем.

«Если вы будете говорить неправду, вас могут привлечь к суду за дачу ложных показаний. И если вы не скажете, как было на самом деле, невинного человека могут приговорить к смерти», — сказал следователь Кирико, но это не произвело на нее никакого впечатления.

«Господин следователь полагает, что я заманила Митико в ловушку. Но у меня нет никаких причин желать ей зла. Я ничего не скрываю. Меня и Митико ничто не связывает», — ответила Кирико.

Это было логично. Как ни старалось следствие, обнаружить какие-либо общие интересы у этих женщин не удалось. Они никогда прежде не встречались.

Свидетеля Кирико Янагиду допрашивали трижды, но ничего нового она не сказала.

Дело широко освещалось в газетах. Собственно, само по себе преступление было обычным убийством. Но под подозрением оказалась содержательница известного ресторана на Гиндзе, которая, как выяснилось, поддерживала интимные отношения с видным адвокатом Киндзо Оцукой.

Имя Оцуки было достаточно известно за пределами профессионального мира юристов. Все знали его как лучшего в стране адвоката. Оцука добился немалых успехов

в своей области и, кроме того, получил известность благодаря своим выступлениям в газетах и журналах, по радио и телевидению. Он был, так сказать, знаменитостью. И вот неожиданно он оказался втянут в скандальную историю, связанную с делом об убийстве. Это само по себе произвело фурор, и то, что подозреваемая Митико Коно усиленно отрицала свою причастность к преступлению, только подогревало интерес публики.

Вещественных доказательств по делу не хватало. Во-первых, не было найдено орудия преступления. Судя по результатам вскрытия, это был острый колющий предмет, короткий нож или кинжал. Не было получено косвенных доказательств того, что у Митико имелось с собой оружие.

Судя по обильному кровотечению, можно было предположить, что кровь непременно попала на одежду преступника. Но следов ее на одежде Митико не оказалось. Не удалось обнаружить и отпечатки пальцев преступника ни на тьюфяке, покрывающем жаровню, ни на других предметах, находившихся на месте происшествия. Правда, на утвари были выявлены старые отпечатки пальцев Митико, но удалось установить, что они были сделаны не в день убийства, а во время прежних встреч Митико с Кэндзи.

Отсутствие вещественных доказательств привлекало к этому делу дополнительный интерес.

Однажды Абэ пришел в бар «Кайсо», чтобы увидеться с Кирико.

— А Риэ-тян уже уволилась! — сказала ему официантка.

— Когда?

— Позавчера.

Официантка была неприветлива. Видимо, вся эта история причинила сестре убитого немалые неприятности. Кирико уволилась явно потому, что здесь стало трудно работать.

— Ну, а где же она теперь?

Абэ спросил о Нобуко, но оказалось, что она тоже уволилась.

— Риэ-тян у Нобуко больше не живет. Где она теперь, я не знаю.

— А в каком заведении она работает?

Ему называли бар «Риён» в одном из переулков Синдзюку.

Отыскать его оказалось делом трудным. За универмагом начиналась узенькая улочка, забитая барами и кабачками. В самом конце ее Абэ наконец приметил вывеску «Риён».

Бар «Кайсо», где работала Кирико раньше, хоть и был мал, но располагался все-таки на Гиндзе. Абэ огорчился, что Кирико попала в такую дыру.

«Риён» оказался захудалым заведением. Чтобы пройти в глубину помещения, приходилось протискиваться за спинами тех посетителей, которые сидели у стойки.

Абэ сразу отыскал глазами Кирико. Она сидела за столиком с гостями и, увидев Абэ, тут же повернулась в его сторону.

Абэ намеренно не окликнул ее и присел у стойки между другими посетителями.

Пока он пил заказанную порцию виски, подошла Кирико.

— Добрый вечер. Удивили вы меня,— тихо сказала она.

В полутьме бара было заметно, как повзрослоло ее лицо. Возможно, сказывалась обстановка, но скорее всего, это было следствием пережитого. Да и Абэ смотрел на нее теперь другими глазами.

— Почему вы перебрались сюда, ничего не сказав? — спросил Абэ тихо, так, чтобы не услышал бармен.

— Да так, были разные обстоятельства. Простите,— с неожиданной для Абэ простодушной улыбкой ответила она.

— Узнал про вас из газет. Хотел увидаться, но не сразу вас нашел,— сказал Абэ, заказав для Кирико джинфиз.— Вы и перешли сюда, потому что не хотели оставаться в «Кайсо» после всей этой истории?

— Да,— подтвердила Кирико. Но в лице ее Абэ не заметил особой робости. Выражение было скорее горделивое.

Абэ давно хотел повидать Кирико и порасспросить ее о многом, но нельзя было начинать разговор здесь, на глазах у официантов и посетителей, под шум голосов и грохот музыки.

— Есть к вам разговор. Вы когда кончаете работу? — спросил Абэ.— Может, пройдемся и поговорим немного после закрытия?

Кирико подцепила вишенку, плававшую в стакане, и ответила на удивление просто:

— В половине одиннадцатого. Подождете?

В назначенное время Абэ поджидал Кирико на углу, там, где переулок выходил на широкий проспект.

Кирико подошла к нему. Одета она была так же, как и раньше, в баре «Кайсо».

— Где мы поговорим? — спросила она.

В это время кафе были уже закрыты. Беседовать где-нибудь в ночном баре Абэ не хотелось.

— Погуляем и поговорим, — предложил он.

— Хорошо, — согласилась Кирико. Вид у нее был оживленный.

Они гуляли по тихим улочкам, вдали от шумных магистралей. Вдоль улицы тянулась ограда дворцового сада. Кучкой стояли проститутки.

— Я читал в газетах ваши показания, — сказал Абэ, медленно ступая по тротуару.

— Да-а? — равнодушно протянула Кирико.

— Вы говорили правду?

Она тут же ответила ему:

— Я не лгала. Я знала, что говорю.

— Вот оно что.

Какое-то время Абэ молчал.

— Но это значит, что репутация адвоката Оцуки погублена, — пробормотал он наконец.

— Неужели? — с деланным сомнением воскликнула Кирико.

— Думаю, что да. Такой скандал! Как бы высоко ни стоял Оцука-сан, общество не простит ему этого.

Они свернули. Темная ограда тянулась и тут. Кое-где светились красные бумажные фонарики кабачков.

— Вы отомстили, — как будто ненароком обронил Абэ. Но эти его слова не были случайными.

— Что вы имеете в виду? — спросила Кирико. В темноте трудно было разглядеть, но можно было догадаться, что лицо ее совершенно спокойно.

— Вы ведь отчаянно молили адвоката Оцуку взять на себя защиту брата, разве нет? — сказал Абэ, будто размышляя вслух. — Но Оцука-сан отказал. Он не знал, сможете ли вы выплатить гонорар. Это возмутило вас. Вы ведь специально ради брата приехали с Кюсю. Должно быть, вы вернулись тогда на Кюсю вся в слезах.

Тут девушка перебила:

— Абэ-сан считает, что я полностью расквиталась с Оцукой, поскольку он лишился своего положения в обществе? — спросила она спокойным тоном.

— А вы думаете иначе?

— Иначе.— Голос ее прозвучал уверенно.— Я не удовлетворена. Пройдет какое-то время, и Оцука-сан оправится от нанесенного ему удара. А мой брат уже мертв. И при этом на нем лежит обвинение в убийстве.— Последние слова она произнесла с особой выразительностью.

Проходившая мимо компания молодых людей отпустила какую-то шуточку на их счет. Со стороны и впрямь могло показаться, что это парочка молодых влюбленных, неторопливо прогуливающих по вечерним улицам.

— Стало быть, вы еще так и не успокоились? — со значением спросил Абэ.

— Не успокоилась. Если бы я сказала, что успокоилась, это было бы неправдой.

— Однако,— с какой-то особой решимостью продолжал Абэ,— можно предположить, что вы дали такие показания с какой-то особой целью. Скажем, чтобы отомстить.

— Я не давала никаких ложных показаний,— ответила Кирико обычным тоном, продолжая спокойно шагать рядом.

— Ну, это просто предположение.

— Ну и что из этого следует? — спросила Кирико.

— В таком случае, я бы сказал, что ваша цель достигнута,— ответил Абэ.

— Нет. К сожалению, от этого удара он быстро оправится. Только полный крах адвоката Оцуки можно будет считать моей победой.

Абэ почувствовал, как несмотря на теплое пальто по спине его пробежал холодок.

В историю, случившуюся с Митико, оказался замешан и Киндзо Оцука.

Это происшествие стало для него страшным ударом. Прежде всего, оно разоблачило его связь с Митико. Его стали осуждать, кто открыто, кто по углам. Среди коллег сразу же выявились его открытые противники.

До сих пор Оцуке не случалось попадать в такую переделку. Он слыл уважаемым адвокатом. Сейчас на него сыпались особенно жестокие упреки — говорили, что наконец-то удалось сорвать с него маску. Ему пришлось выйти из нескольких общественных организаций.

Жена Оцуки, узнав, что у мужа была любовница, ушла от него и вернулась к родителям. В доме воцарилось запустение.

Впрочем, не только в доме. Приходя в контору, Оцука чувствовал, что сотрудники смотрят на него осуждающими глазами. Вернее, они просто старались по возможности на него не смотреть. Несколько молодых адвокатов из его конторы под благовидными предложениями уволились.

Кое-кто из прежних клиентов забрал свои дела, а новых дел не появлялось. Оцука стал предметом насмешек в газетах и журналах.

Но Оцука не сдавался. Трудности всегда лишь поднимали его боевой дух. Несмотря ни на что он верил Митико. Будучи уже на пороге старости, он верил в ее любовь и готов был пожертвовать собой ради этой любви. Его несколько не пугало, что он рискует при этом репутацией, положением, карьерой.

Он продолжал встречаться с Митико, хотя она и была под следствием.

Не сомневался он и в правдивости показаний Митико и не только потому, что любил ее. Профессионального хладнокровия он все-таки не потерял.

Проблема заключалась лишь в свидетельских показаниях Кирико. Десятки раз перечитывал Оцука материалы допросов Кирико. Он был уверен, что Кирико лжет.

Но одной уверенности тут было мало. Ни одно место в показаниях Кирико нельзя было опровергнуть. Рассказ ее был естественен. Он производил цельное, законченное впечатление, не вызывая никаких подозрений. Поэтому Оцука и не пытался представить свои соображения в суд: он знал, что они не будут приняты во внимание. Оставалось искать какие-то объективные обстоятельства, которые опровергли бы показания Кирико.

Он полностью ушел в это дело. Ни с одной просьбой не обращался к своим сотрудникам, всем занимался сам. Он делал это ради своей любви к Митико.

Каким образом опровергнуть показания этой женщины? Все его мысли были направлены на это.

Вдруг он вспомнил, что к нему как-то приходил журналист с просьбой дать консультацию по поводу дела этой Кирико.

Первая догадка, которая пришла Сдуге на ум: «Это она мстит мне». Но такое предположение основывалось лишь на интуиции. Следствие не обнаружило доказательств того, что Кирико и Митико знакомы. Даже сама Митико заявила, что они впервые встретились на месте убийства.

Вопрос заключался в том, зачем Кирико понадобилось выслеживать это тайное пристанище? Зная ответ на этот вопрос, можно было бы утверждать, что Митико говорит правду. Недаром и следователь подчеркивал, что этот момент в показаниях Митико кажется ему неправдоподобным.

Зная о прошлом Митико, а именно, о ее отношениях с Сугиурой, Оцука все-таки считал, что она не соблазнила молодого человека. Ее ошибка заключалась в том, что она позволила Кэндзи запугать себя. Оцука любил Митико. Он не укорял ее за эту ошибку. Митико решила порвать с Кэндзи, потому что, видимо, любила Оцуку.

Оцука с трудом разыскал визитную карточку Кэйити Абэ. Последняя надежда Оцуки заключалась в том, чтобы попытаться с помощью Абэ убедить Кирико изменить свои показания.

Абэ встретился с Кирико на следующий день после того, как его пригласил к себе адвокат Оцука. Выслушав Оцуку, он решил повидать девушку, но не только по просьбе адвоката. Он и сам был заинтересован.

Абэ чувствовал симпатию к этой девушке, но он не собирался ее выгораживать. В случае опасности Абэ пришел бы ей на помощь, но положение сейчас было иное. Ему хотелось выяснить все до конца.

Когда Абэ наконец вышел вместе с Кирико из бара, было около полуночи. Они пошли той же дорогой. С одной стороны тянулась длинная темная ограда.

— Вот еще хочу спросить вас, — продолжал Абэ, — вы говорили, что по просьбе Нобуко стояли у ресторана и высматривали, что будет делать Сугиура?

— Да, это так. То же самое я сказала и следователю,— ответила Кирико.

— Да, так записано в протоколе. Старуха, торговавшая в табачной лавке, засвидетельствовала это. Вы стояли там с семи часов вечера в течение полутора часов — до того момента, как отправились в кино?

— Да, верно,— без запинки ответила Кирико.

— А не встретили ли вы кого-то из знакомых? Это важно.

Кирико сделала вид, будто пытается вспомнить, затем сказала:

— Да, как же! Встретила одного человека.

— И кого же? — Абэ даже замедлил шаг.

— Посетителя из бара «Кайсо». Приятеля Кэндзи-сана. Я его всего раз-то и видела.

— Как его зовут?

— Ямагами.

— Ямагами?

— Да. Приятель Кэндзи-сана по средней школе.

— Кто он такой?

— Толком не знаю. Прежде он как будто состоял в профессиональной бейсбольной команде. Выпускник средней школы в городе К. на Кюсю, которая славится своей бейсбольной командой.

— В К.? — Абэ невольно скосил глаза на Кирико, как раз оказавшуюся на свету.— Значит, он ваш земляк?

— Да. Все, кто работает в баре «Кайсо», приехали из города К. или его окрестностей. Кэндзи-сан — тоже. Так что нет ничего удивительного в том, что и этот Ямагами оттуда.

— А Ямагами оставил профессиональный бейсбол?

— Вроде бы да. Сама я с ним не разговаривала, мне это Кэндзи-сан объяснил. Как он сказал, Ямагами попытал счастья как профессионал, но потерпел неудачу.

— Вот оно что,— пробормотал Абэ,— имени его я не слышал. А кем он играл?

— Кажется, как подающий. Сауспо-питчер.

— Сауспо-питчер,— задумчиво повторил Абэ.

Но Кирико не рассказала ему обо всем. В частности, о том, что заметила на темной улице, тянувшейся вдоль линии городской электрички, в двухстах местах от того злополучного дома фигуру человека, похожего на Ямагами. Впрочем, у нее самой не было уверенности, что

это Ямагами. Правда, она не назвала его имя не потому, что сомневалась. Ведь заявив об этом, она разоблачит себя. Но еще более важная причина заключалась в том, что она таким образом играла на руку Митико, нет, не Митико, а Оцуке.

Когда Оцука выслушал рассказ Абэ о встрече с Кирико, его поразило сообщение о том, что приятель Сугиуры, некий Ямагами, играл в бейсбол сауспопитчером. Было известно, что Ямагами — левша. К тому же он родом из города К.

Даже этому журналисту — Абэ — Оцука не поведал, что на основании изучения материалов по делу об убийстве старухи, ему удалось выяснить, что преступник — левша.

Открытие Оцуки так и осталось при нем. Это была его тайна.

Но история с левшой навела Оцуку на новую мысль. Никто не обратил внимание, что во время убийства Сугиуры преступник сидел с ним рядом возле жаровни. С правой стороны от Кэндзи.

Как показало вскрытие, смертельная рана была нанесена Кэндзи со спины в сердце. Если преступник сидел справа от жертвы, то он не мог бы правой рукой ударить его ножом в левую часть спины. Такой удар из сидячего положения можно было нанести только левой рукой. Рана оказалась смертельной, из чего следовало, что удар был достаточной силы. Значит, левая рука этого человека была хорошо оттренированной Короче, преступник был левшой. Митико же не была левшой. Перед адвокатом забрезжил лучик надежды.

Но многолетняя судебная практика подсказывала Оцуке, что этого еще недостаточно для того, чтобы вступить в схватку со следователем. Следователь скажет, что это мог быть и не левша, а человек, орудовавший правой рукой, он сумел изловчиться и принять нужную позу для удара. Возможен и другой вариант: усевшись поначалу у жаровни, преступник под каким-то предлогом отошел в сторону и затем нанес удар.

Оцука как бы явственно слышал эти возражения следователя.

И все-таки он верил, что преступник — левша.

Но для того чтобы вести защиту, хотелось иметь более веские аргументы, свидетельствующие о невинов-

ности Митико, желательно — вещественные доказательства.

Со стороны обвинения против Митико имелись лишь косвенные улики, вещественных доказательств тоже не было. И если бы удалось добыть непосредственное свидетельство ее невиновности, это стало бы убедительным аргументом.

Оцука обхватил голову руками.

Вдруг его осенило: Митико упоминала в своих показаниях зажигалку. Зажигалка лежала рядом с трупом, сказала Митико. Но прибывшая на место происшествия полиция зажигалку не нашла. Тем не менее Оцука полностью доверял показаниям Митико.

Тот факт, что увиденная Митико перед уходом зажигалка не была обнаружена полицией, означал, что кто-то успел подобрать ее. Зажигалка, конечно, принадлежала преступнику.

Но кто же подобрал ее?

Как показала Митико, вместе с нею у трупа была Кирико Янагида. Охваченная ужасом Митико первой убежала из дому. Значит, там осталась Кирико. Не подобрала ли она зажигалку?

Такое можно предположить. Эта девушка с самого начала произвела на Оцуку впечатление человека непредсказуемого. От нее всего можно было ожидать.

Но какие к тому могли быть причины? Пожалуй, только одна!

Кирико хотела отомстить ему, поскольку считала, что ее брат, безвинно осужденный, умер в тюрьме из-за того, что он, Оцука, отказался его защищать. Оцука отнюдь не отождествлял себя с судебным чиновником, вынесшим обвинительный приговор. Он имел полное право решать — принимать или не принимать ему участие в этом деле. Логически все было именно так, но в глазах Кирико его отказ участвовать в процессе, видимо, был равносителен вынесению обвинительного приговора. За это Оцука с ее точки зрения и должен расплачиваться.

Адвокат всецело доверял показаниям Митико. Основываясь на убеждении в их правдивости, он снова и снова прокручивал в уме картину убийства.

Кирико по просьбе своей подруги Нобуко следила за Сугиурой. С этой целью она ходила около ресторана, где он работал. Это продолжалось в течение полутора часов, начиная с семи вечера. Свидетели этого — стару-

ха из табачной лавки, а также случайно проходивший мимо Ямагами.

Сугиура все не выходил. Кирико надоело ожидание, и она якобы решила пойти в кино. Но неизвестно, поступила ли она так. В половине девятого Сугиура вышел из ресторана, сел в такси и помчал в свое тайное пристанище. Кирико, конечно, тоже поймала такси и отправилась следом.

Только так можно объяснить, каким образом Кирико сумела обнаружить совершенно не известное ей тайное место свиданий.

Дальнейшее, несомненно, произошло так, как рассказывала Митико в своих показаниях.

Когда Митико ушла, Кирико, вероятно, взяла лежавшую рядом с трупом зажигалку и спрятала в карман. Вдобавок, выходя из дому, Кирико подобрала правую перчатку Митико. Тогда-то в голову девушки и пришел этот хитроумный план. Подобрав перчатку, она положила ее рядом с трупом и ушла...

Вероятно, Кирико догадывалась о том, какие отношения существуют между Оцукой и Митико. Она решила нанести удар своему противнику, отняв у него самое дорогое. Самым дорогим для Оцуки была Митико.

Если так, то надо сказать, что план Кирико полностью удался.

Но Оцука не терял надежды. Надо было любым путем спасти Митико. Его собственные дела уже не имели значения. Впервые в жизни Оцука, чей возраст уже перевалил за пятьдесят, любил женщину с такой силой.

Зажигалка с рисунком, изображающим лису и виноград, принадлежала преступнику. Спрятала ее Кирико. Хорошо бы убедиться в этом. Оцука хотел под любым предлогом добыть зажигалку и получить признание Кирико. А затем представить в суде и зажигалку, и правдивые показания свидетельницы. Чтобы добиться этого, Оцука был согласен на любые жертвы. Он готов был положить к ногам этой девушки свою известность, карьеру, благополучие. Пусть она ругает его, как хочет. Любая брань, любое унижение уже не имеют значения, только бы Кирико сделала то, о чем он ее попросит.

В двенадцатом часу ночи Оцука отправился в бар в глубине Синдзюку.

Поначалу он намеревался увидеться с Кирико, назначив ей встречу через Абэ, но потом подумал, что она может и не прийти. К тому же при Абэ разговора не получится. Короче, не оставалось другого выхода, как пойти в бар самому.

Время после одиннадцати он выбрал потому, что узнал от Абэ: бар закрывается в половине двенадцатого. Даже Абэ не знал, где теперь живет девушка. Поневолe пришлось поступить, как сам Абэ,— перехватить Кирико по дороге из бара.

Бредя по узкой улочке, он отыскал бар «Риён», толкнул входную дверь.

В помещении клубился табачный дым. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — публика здесь невысокого пошиба. Не с такими людьми привык общаться Оцука. Мелкие служащие, рабочие. Оцуке доводилось слышать о дурных нравах, царящих в таких местах. Ему потребовалось изрядное мужество, чтобы непринужденно усесться за стойку.

Сразу, как только вошел, он стал искать глазами Кирико. Лицо ее он помнил смутно, но был уверен, что, увидев, узнает.

Четыре или пять официанток сидели в зале с посетителями. Освещение было тусклое, приходилось пристально всматриваться, чтобы хоть что-то разглядеть. Но привлекать к себе внимание не следовало. Оцука уселся поудобнее, облокотившись на стойку.

Бармен с профессиональным чутьем сразу же определил, что Оцука не из числа их постоянных гостей. Человек в годах, хорошо одетый, вальяжный. Другие посетители тоже искоса пялились на вошедшего.

Оцука чувствовал себя обескураженным и, чтобы скрыть это, разглядывал полки, уставленные бутылками.

— Добро пожаловать! Что желаете? — вежливо спросил бармен.

На полках стояли только дешевые напитки. Того, что привык пить Оцука, здесь не было.

— Виски с содовой, — заказал он.

Попивая дешевенькое виски он наконец смог осмотреться. Рядом с ним сидел за стойкой уже изрядно пьяный мужчина, с виду служащий. Оцука пытался обнаружить Кирико в сумраке зала.

Но долго искать ему не пришлось. Из прокуренной полутьмы возникла худенькая фигурка девушки.

— Добро пожаловать! Добрый вечер!

Это была Кирико. То самое личико, которое Оцука видел у себя в конторе. Слегка улыбаясь, она пробормотала слова извинения и села рядом с ним. Кирико уже привыкла играть роль девушки из бара.

Пока Оцука размышлял, какими словами приветствовать девушку, Кирико заговорила первая.

— Давно не виделись, сэнсэй,— сказала она.

Оцука был поражен. Девушка и виду не подавала, что удивлена появлением мэтра; казалось, она воспринимала это как вполне естественное событие. У самого же Оцуки учащенно забилось сердце.

Кирико сразу же предложила адвокату роль обычного посетителя. А он настолько растерялся, что не смог произнести даже заранее заготовленных фраз. Прежде всего, видимо, потому, что не привык к атмосфере столь захудалого заведения. Но время шло к закрытию, и когда посетители начали шумно подниматься со своих мест, Оцука решился обратиться к девушке.

— У меня к вам разговор. Не могли бы вы уделить мне несколько минут по дороге домой? — спросил он тихим голосом. Эта фраза потребовала от него изрядного мужества.

Взгляд Кирико был устремлен на полки с бутылками. Оцука опять видел ее лицо в профиль, как тогда, в конторе. Черты ожесточились, губы плотно сжаты. На лбу пролегла легкая морщинка.

Кирико молча кивнула.

Адвокат поспешно вышел на улицу и стал поджидать девушку. Место было непривычное, и он чувствовал себя неуютно. Мимо нетвердым шагом проходили подвыпившие мужчины. Вот с ним поравнялась группа каких-то подозрительных парней, окинувших его недобрыми пристальными взглядами.

Минут через десять Оцука наконец брел по пустынной улице рядом с Кирико. Он попросил Кирико найти для разговора какой-нибудь безлюдный уголок. В этих краях ему не приходилось бывать.

— Сэнсэй, как только вы появились в баре, я сразу поняла, что вы пришли поговорить со мной.

Ну что ж, такое вступление облегчало задачу Оцуке.

— Вот как? — сказал он.— Значит, мне проще будет говорить.

По правде сказать, Оцука, как только они вышли из бара, все раздумывал, с чего начать. Теперь все упросталось. У него отлегло от сердца.

— Можете не утруждать себя. Вы по поводу этого происшествия. Хотите моего признания, что я была на месте преступления вместе с Митико?

Адвоката поразило, какой взрослой стала теперь Кирико. Он помнил ее совсем девочкой, когда она только приехала в Токио. Сейчас рядом с ним шла вполне зрелая женщина. Видимо, сказывалась работа в барах. Единственное, что осталось как прежде — это волевой характер. Чувствовалось, что внутри она вся будто выкована из железа.

— Вы правы,— сказал адвокат,— я пришел не для того, чтобы упрекать вас, а чтобы попросить. Вы, наверно, читали в газетах, да и прежде должны были знать, в каких отношениях я с Митико. Скажите же правду. Вы питаете ко мне отвращение; может быть, даже ненавидите. Мне это понятно. Я готов любой ценой искупить свою вину. Но, пожалуйста, скажите следователю правду.

— Правду? — переспросила Кирико.— Я и говорила ему правду.

В этих слова адвокат уловил едкую иронию.

— Это не так. Я долгие годы занимаюсь адвокатской практикой и уверен, что правду сказала Митико. Я говорю так не потому, что мы близкие люди. К тому же могу сказать, что я попал на след настоящего преступника.

— Что вы сказали? — Кирико из темноты взглянула на адвоката.— Если вы попали на след преступника, добейтесь его поимки.

— Конечно, я добьюсь,— твердо заявил адвокат,— но это нелегко. Нужны доказательства. И прежде всего надо удостоверить невиновность Митико. Преступник оставил на месте убийства зажигалку. Митико говорит, что видела ее. Но когда пришла полиция, зажигалки уже не было. Кто-то ее унес. Не сомневаюсь, что это сделали вы.

Ответа не последовало. Кирико семенила рядом с Оцукой. Прохожих вокруг почти не было, все лавки и питейные заведения закрыты. Только иногда проезжали такси.

— Митико заявила, что на зажигалке был рисунок: лиса и виноград. Я уверен, что, будь у меня эта зажигалка, преступника удалось бы изобличить. По моим сведениям, он, вероятно, совершил и убийство старухи, в котором обвиняют твоего брата. Даже не вероятно, а наверняка. На это указывают все улики.

Услышав это, Кирико впервые замедлила шаг.

— Это правда?

— В таких делах я никогда не лгу. Я понял это, изучая материалы дела. Вам неизвестно, что после вашего ухода я затребовал материалы процесса и тщательно ознакомился с ними. В результате я понял, что ваш брат невиновен, а преступление совершил другой человек. По почерку это очень похоже на убийство Кэндзи Сугиуры.

Внезапно Оцука вздрогнул от раздавшегося рядом с ним взрыва хохота.

— Слишком поздно вы это говорите. Брат уже мертв,— яростно произнесла Кирико...— Почему вы тогда не взялись его защищать? Если вы теперь и найдете преступника, брата уже не вернешь. Мне все равно, кто преступник. Я хотела спасти брата. Если бы он был жив, ему можно было бы помочь. Ради этого я на последние деньги приехала с Кюсю, чтобы просить вас и только вас о помощи. Два дня я провела в Токио, надеясь, что вы снизойдете до меня, но вы так и не снизошли. И все потому, что я не могла заплатить вам гонорар. Бедняку в суде рассчитывать не на что — такая теперь судебная система. Вот за что я ненавижу вас, ненавижу и теперь. И я не желаю слышать о том, что, мол, теперь вы найдете убийцу моего брата,— продолжала Кирико.— Нет у меня никакой зажигалки. Так что если вы, сэнсэй, хотите спасти Митико, вам придется как следует потрудиться.

Оцука продолжал ходить в контору, но работа валилась у него из рук.

Оставшиеся молодые адвокаты как и прежде приходили на службу и занимались делами. Но они стали небрежно относиться к своим обязанностям. С тех пор как все упомянутые события получили огласку,

просители, которые поначалу молили Оцуку о помощи, теперь в вежливой форме отказывались от его услуг.

С этим как-то можно было смириться. Более всего Оцука желал теперь добиться правдивых показаний от Кирико. И еще — получить от нее зажигалку как вещественное доказательство. Другого пути спасти Митико не было. Ни многолетний опыт, ни умение строить логические заключения не могли восполнить отсутствие свидетельских показаний и вещественных доказательств.

Как адвокат он был уже бессилён. Оцука перечитал все относящиеся к делу материалы, продумал все возможные способы защиты и понял, что предпринять тут ничего не может. Целыми днями он бесцельно просиживал в своей опустевшей конторе. Со стороны могло показаться, что он просто с рассеянным видом сидит, поджав ноги, на стуле и греется на солнышке.

С таким же рассеянным видом он ходил по улице, ездил в машине.

Дома его тоже некому было утешить. Все уехали.

Но Оцука считал, что это даже к лучшему. Теперь, когда жена ушла, он может официально жениться на Митико. Правда, пока это невозможно. Прежде всего надо вызволить ее из камеры предварительного заключения.

Он верил в полную невиновность Митико. Был убежден в этом. Но для суда ни вера, ни убеждение не играют роли. Там ценятся факты.

Дома Оцука тоже ничем не занимался. Читать материалы по делу Митико больше не было необходимости. Он уже усвоил все до последней строчки.

Оцука сидел неподвижно, лишь сокрушенно покачивая головой. Он сам понимал, что нервы его на пределе.

И вот поздним вечером Оцука снова отправился в бар «Риён».

Открыв узкую дверь, он вошел в полутемный зал. До закрытия оставалось еще около часа. Примостившись в углу у стойки, он заказал виски с содовой.

— Добро пожаловать! — приветствовали посетителя бармен, хозяйка и девушки-официантки. Милый пожилой джентльмен, который спокойно посиживает и попивает себе виски.

Как только Оцука появился, хозяйка и официантки сразу известили об этом Кирико. Все уже знали, что неразговорчивый господин приходит ради нее.

— Добро пожаловать,— Кирико уселась рядом, почти касаясь его плечом.— Можно я тоже что-нибудь закажу себе?

Оцука кивнул, и Кирико попросила налить бренди.

Получив бокал, девушка передала его адвокату.

— Сэнсэй, согрейте, пожалуйста.

Оцука обхватил бокал обеими ладонями. Желтоватая жидкость на дне чуть заколыхалась. Он почувствовал ее аромат.

Минуты две Оцука держал бокал в своих ладонях. Со стороны это выглядело просто: девушка попросила любимого мужчину согреть ладонями бренди.

— Руки у сэнсэя теплые,— сказала Кирико.

И в самом деле, напиток, согретый ладонями, доставил ей удовольствие.

— Как согрелось вино! — сказала она, отпив глоток.— Впрочем, руки горячие — сердце холодное,— со значением добавила она банальную фразу.

— Это не так. Ради любимой женщины я готов на все. Стало быть, сердце у меня не холодное.

Их приглушенный разговор долетал и до бармена, но он принимал его не более чем за обычную пьяную болтовню.

— Вот как! Раз вы так говорите, вам придется заплатить за это. И не только самому. Ведь так? — Кирико, вполне войдя в роль девушки из бара, кокетливо заглядывала адвокату в лицо.

— Что поделаешь. Жить мне уже немного осталось. Два раза в этот мир не приходят. Надо ценить отпущенное нам время.

— Восхитительно! Просто завидую вам. А ведь есть люди, которые безвременно ушли, не сумев как следует пожить даже самой заурядной жизнью.

Она имела в виду брата. Адвокат понял это.

Пока они сидели в баре, вид у обоих был веселый и непринужденный, обращение заботливое и сердечное. Окружающие заподозрили, что Кирико и адвоката связывают близкие отношения.

Когда подошло время закрытия, Оцука заплатил по счету и собрался уходить. Кирико помогла ему надеть пальто.

— Риэ-тян, ты можешь быть свободна. Хочешь проводить гостя? — понимающе спросила хозяйка.

— Да, я провожу, — с готовностью откликнулась Кирико.

Адвокат шел рядом с Кирико по темной улице. С того мгновения, как, распахнув узкую дверь, они вышли, между ними снова возникло отчуждение.

— Вы только и говорите, что о своем брате, — сказал Оцука. — Конечно же, я виноват. Я искренне раскаиваюсь и готов на что угодно, лишь бы искупить свою вину.

Кирико шла чуть поодаль от адвоката, засунув руки в карманы пальто. Выражение ее лица было трудно разглядеть в темноте, но Оцука все же скорее почувствовал, чем увидел, что девушка насмешливо усмехнулась.

— Кирико-сан. Простите же меня! Но ведь Митико ни в чем не виновата. Вы хорошо это понимаете — перед вашими глазами — пример брата. Митико невиновна. Пожалуйста, ради нее, скажите правду.

Кирико молчала.

— Я прекрасно понимаю ваши чувства. Но подумайте немного о Митико. Я вижу, вы хотите отомстить мне, но ведь жертвой стала она.

— Какая она жертва, — тоненьким голоском ответила Кирико.

— Но ведь на основании ваших показаний Митико обвиняют в тяжком преступлении.

— Вы ей симпатизируете, вот вы ей и помогайте. На то вы и первоклассный адвокат!

— Вы правы. Но чтобы ей помочь, нужны ваши свидетельские показания. Прошу вас, отдайте зажигалку, — снова повторил свою просьбу Оцука. Повторил очень настойчиво.

— Не знаю, о чем вы говорите. Я все сообщила следователю, — ответила Кирико, отворачиваясь от ветра.

Улица была холодная, мрачная, но Оцука вдруг почувствовал такое отчаяние, что готов был тут же пасть ниц перед Кирико.

Три вечера подряд Оцука посещал бар «Риён».

Он и сам понимал, что стал каким-то одержимым. Но больше ему ничего не оставалось делать. Надо

было как-то уговорить Кирико. В противном случае, Митико надеяться не на что.

Встречаясь с ним в баре, Кирико улыбалась и была радушна. В меру кокетничала, иногда прижималась к плечу адвоката.

Оцука приходил каждый вечер, но завсегдатаям и обслуге это не казалось странным. Банальная история: стареющий посетитель влюбился в молоденькую официантку.

Платил гость хорошо. Хозяйка была довольна. Всякий раз, когда Оцука уходил, она не забывала отправить Кирико вместе с ним.

Выйдя на улицу, казалось бы воркующая парочка превращалась в заклятых врагов. И в этом не было ничего странного. Адвокат ненавидел Кирико и вместе с тем возлагал на нее все свои надежды.

— Вы просто повадились ходить к нам,— сказала Кирико, продолжая идти на отдалении от Оцуки.— Но только все это пустое дело. Я не перемену своего решения.

Мостовая была еще влажной от прошедшего недавно дождя. Дул прохладный ветер.

— Не говорите так. Мне ничего не остается, кроме как просить вас о помощи. За несколько десятилетий своей практики я еще ни разу не попадал в такое положение.

— Прекрасно! — холодно сказала Кирико.— Думаю, что за несколько десятилетий практики вы сделали себе имя и накопили денег. За эти несколько десятков лет вы многих спасли. И все-таки, если среди просителей попадались бедные люди,— Кирико повысила голос,— вы отказывали им в защите и бросали невинных на произвол судьбы. Конечно, с точки зрения закона все в порядке. Но для родных человека, которого безвинно убили, ваш отказ ужасен.

— Я уже много раз говорил вам, что умоляю простить меня. Но прошу вас, пожалуйста, скажите прокурору правду. И отдайте зажигалку, это вещественное доказательство. Взамен я готов сделать что угодно, лишь бы умиловить вас. Пусть мне для этого придется даже встать на колени перед вами.

— Ах! — Кирико засмеялась.— Все это не имеет отношения к тому, о чем я твержу, о людях, которым вы, сэнсэй, отказали. Это не имеет никакой связи с делом Митико-сан. Абсолютно никакой связи.

— Кирико-сан,— в приступе охватившей его злости Оцука сжал кулаки, но сумел обуздать свой порыв.— Прощу вас, Кирико-сан!

Он крепко схватил Кирико за руку.

— Что вы делаете? — Девушка надменно посмотрела на адвоката.— Мы ведь не в баре!

Оцука пришел в себя и отпустил руку.

— Виноват. Это получилось само собой. Слишком я взволнован. До сих пор мне никогда не приходилось попадать в такое жуткое положение. Помогите, пожалуйста.

Оцука опустил голову.

— Сэнсэй! Стыдитесь!

— Нет, я склоняюсь перед вами. Сейчас я уже не адвокат, я просто человек.

— Пустое это,— Кирико пошла дальше.

Оцука встал и пустился за ней вдогонку.

— Кирико-сан! Митико невиновна. Я отслеживаю настоящего преступника...

Кирико вдруг остановилась.

— Что вы сказали? Вы знаете, кто настоящий преступник?

— Ладно уж, скажу вам. Сугиуру убил человек, совершивший убийство старухи в городе К., то самое убийство, в котором подозревали вашего брата. Изучив материалы следствия, я пришел к выводу, что убийство совершил левша. До сих пор я молчал об этом. Назначенный судом защитник не сумел разобраться в обстоятельствах дела. Но преступление мог совершить только левша. Ваш же брат не был левшой.

Кирико остановилась и слушала адвоката, повернувшись лицом навстречу сильному ветру.

— Убийство Сугиуры, в котором подозревают Митико, тоже совершил левша. Я могу обосновать это многими доводами... Могу, но этого мало. Для того чтобы убедить председателя суда и опровергнуть версию следователя, нужны вещественные доказательства.

Кирико переменилась в лице. Черты ее как бы застыли, глаза уставились в одну точку.

Перед ее мысленным взором появилась фигура Такэо Ямагами.

«Подающий» в бейсбольной команде, левша.

— Этот левша,— сказал адвокат,— совершил убийство старухи в городе К. Затем он выехал в Токио и

убил Кэндзи Сугиуру. Вероятно, он — приятель Сугиуры-куна. Полагаю, что родом он из вашего города. Почему он убил Сугиуру, надо спросить самого преступника, мотивы мне пока неясны. Сугиура-кун работал метрдотелем в ресторане, но человек он был ничемный...

Тут голос Оцуки пресекся: он вспомнил в этот момент, какие отношения существовали между Митико и Сугиурой.

— Преступник, вероятно, считался другом этого Кэндзи. Между приятелями вспыхнула ссора. У меня есть предположение, что послужило причиной ссоры. То самое убийство старухи в городе К. Видимо, Сугиура-кун узнал, что приятель убил старуху. Вполне возможно, они были соучастниками. Тот парень — главным действующим лицом, а Сугиура — на подхвате. На месте преступления обнаружены две гостевые подушки. Думаю, оба злоумышленника познакомились в Токио, тогда-то у них и зародился преступный план.

Слушая адвоката, Кирико стала вспоминать, как некогда в бар «Кайсо» зашли Кэндзи и Ямагами. Кэндзи чем-то угрожал Ямагами.

Так значит...

Если все-таки именно Ямагами убил старуху, а Сугиура помогал ему, то можно предположить, что впоследствии Кэндзи постоянно шантажировал приятеля. Конечно, для того, чтобы выжать из него деньги. Но у Ямагами денег не было. Очевидно, он все-таки раздобыл их и дал Кэндзи, но тот, угомонившись на какое-то время, снова стал шантажировать. Вероятно, все было именно так.

Сугиура переехал в столицу несколько лет назад, но изредка продолжал навещать родину. Тогда-то Ямагами и втянул его в свои преступные дела. Позже Ямагами сам перебрался в столицу.

Кирико поняла, что Ямагами замешан в обоих преступлениях: и в убийстве старухи, и в убийстве Кэндзи.

— Послушайте, — адвокат заглянул Кирико в лицо, — если вы засвидетельствуете невиновность Митико, я докопаюсь, кто настоящий преступник. Ключ к раскрытию преступления — зажигалка. Митико заявила, что на зажигалке есть рисунок: лиса и виноград. Зажигалку с места преступления похитили вы. Если только вы отда-

дите мне ее, я смогу доказать и невиновность вашего брата, и спасти Митико. Прошу вас, Кирико-сан. Ради своего брата скажите правду и отдайте за-жигалку.

— Это несправедливо,— сорвалось у Кирико с губ. Оцука не поверил своим ушам.

— Что?

— Допустим, вы докажете невиновность моего брата. Но он уже мертв. А Митико жива.

Эти слова поразили Оцуку.

— Если бы брат был жив, я бы, возможно, поступила так, как говорит сэнсэй. Но брат умер в тюрьме. А Митико-сан еще наслаждается жизнью. Это несправедливо. Может, сэнсэя это и устроило бы, но...— Кирико оборвала фразу.

На следующий вечер шел дождь. Часов около одиннадцати Оцука зашел в бар «Риён». Пальто было в каплях дождя, волосы тоже промокли.

— Ах, как вы ужасно вымокли,— подскочила к нему Кирико,— еще простудитесь!

Девушка услужливо стащила с него пальто и сама расстелила его сушиться у печки. Затем принесла полотенце и стала вытирать Оцуке голову.

— Вот досада. Вам надо чего-нибудь выпить, чтобы не простудиться.

Оцука молча уселся за стойку. Взгляд его был устремлен в одну точку. Седые волосы растрепались, полные щеки уныло отвисли.

— Виски с содовой, как всегда?— бармен снял с полки единственную, специально припасенную бутылку «Джонни Уокер». Этот напиток с красной этикеткой был самым дорогим из подававшихся в заведении.

— Ну, выпейте,— Кирико поднесла стакан к губам адвоката, другой рукой обняв его за плечи.

Кто бы ни смотрел на них в этот момент, решил бы, что девушка обхаживает любимого мужчину. Да и Оцука, казалось, с восхищением принимает такое обхождение.

Оцука просидел за стойкой около часа. Кирико непрерывно вилась вокруг него, щебеча что-то сладким голоском. Но Оцука не проронил почти ни слова. Он и всегда не был особенно разговорчив, но тут будто онемел.

Время подошло к закрытию. Как обычно, Кирико вышла вместе с Оцукой.

Дождь лил еще сильнее.

Зонтика у адвоката не было. Кирико подняла воротник пальто и накинула капюшон. Казалось, она не обращает никакого внимания, что Оцуке нечем защититься от дождя.

Они шли той же улицей, что и всегда. В лучах фонарей струились косые потоки дождя. С одной стороны тянулась длинная ограда, из-за нее свисали ветви деревьев. С другой стороны — ряд домов, но все они заперты — время позднее, да и к тому же еще дождь. На улице ни прохожих, ни машин. Слышно только, как хлещет дождь. Вот он барабанит по крыше соседнего дома.

Оцука шел-шел, и вдруг колени у него подкосились, он осел прямо в грязь, уперся обеими руками в землю и сказал:

— Я прекрасно понимаю ваши чувства. Но ради меня, несчастного, скажите правду. Умоляю вас!

Голос его приглушали звуки дождя.

Кирико смотрела на него сверху.

— Кирико-сан! Умоляю вас. Понимаю, что я не могу искупить свою вину. Но мне теперь ничего не остается, кроме как умолять вас. Скажите следователю, что там произошло. И отдайте зажигалку с изображением лисы и винограда.

Кирико молча стояла рядом. Все так же стучал по мостовой дождь.

Она продолжала смотреть на голову мужчины. Адвокат умолк и лишь продолжал механически кланяться.

— Сэнсэй, — наконец сказала она, — я поняла вас. — Адвокат поднял голову. — Пожалуйста, не ведите себя так.

— Вы поняли меня? — Оцука всматривался в темноту, надеясь разглядеть выражение лица Кирико. В голосе его зазвучала надежда. — Поняли... Значит, вы скажете следователю? Скажете ему правду?

— Скажу. И зажигалку отдам.

Оцука чуть не подскочил от неожиданности.

— Неужели правда? — Он не мог поверить и пожирал Кирико глазами.

— Я не лгу.

— Вот как! — Адвокат глубоко вздохнул.

— Во всяком случае, встаньте. Не могу разговаривать, пока вы в такой позе.

— Но вы должны простить меня. Пока вы меня не простите, я не встану.

— Не говорите об этом больше. Вставайте же.

Лицо адвоката озарилось надеждой. Он, шатаясь, поднялся.

— Но когда же вы отдадите зажигалку?— не отставал он от Кирико, сжимая грязные пальцы в кулаки.

— Завтра вечером,— ответила девушка и от волнения сглотнула слюну.— Завтра вечером прошу вас пожаловать ко мне домой. Тогда я и передам вам зажигалку.

— Спасибо,— Оцука молитвенно сложил руки.— Завтра вечером! Хорошо! Я готов идти куда угодно. И вы действительно отдадите мне зажигалку? Действительно скажете следователю правду?

— Я непременно сделаю так, раз обещала.

— Спасибо, спасибо,— Оцука заплакал.— А где вы живете?

Тут только он впервые узнал адрес Кирико.

— Заведение закрывается в половине двенадцатого. Завтра не приходите в бар, а прямо отправляйтесь ко мне домой. Лучше всего — сразу после двенадцати. К этому времени я обязательно уже вернусь и буду ждать вас.

Оцука, промокший и грязный, ошалел от радости. Ему даже не пришло в голову, что в этом ночном визите к одинокой молодой женщине кроется нечто опасное.

На следующий вечер он пришел по указанному адресу. Ему впервые довелось зайти в этот район Токио. Дом располагался на самой окраине. Вот входная дверь. Наверно, заперта, подумал Оцука и толкнул ее. Дверь отворилась. Похоже, ее просто не запирали на ночь.

Войдя, Оцука увидел справа лестницу. По ней, видимо, и надлежало подняться. В подъезде стояли чьи-то ботинки и туфли. Оцука заколебался: не скинуть ли здесь свою обувь. Но, так и не сняв ее, начал подниматься на второй этаж.

Лестница была крутая. Наверху оказался коридор.

Горела тусклая лампочка. По обеим сторонам шли унылые, как в больнице, двери. Комната Кирико была последней справа.

Оцука чувствовал себя как вор. Крадучись пробрался к нужной двери, боясь, что вот-вот в коридор выскочит кто-нибудь из соседей, тихонько постучал.

Изнутри отозвался слабенький голосок. Дверь сразу же приоткрылась. Высунулось личико Кирико. Из комнаты ей в спину бил свет, так что личико казалось темным.

— Добро пожаловать!— заученно, будто в баре, проговорила Кирико. Оцука проскользнул в дверь.

Комната была площадью в шесть татами. На столе стояла курильница, из нее поднимался легкий ароматный дымок. Часть комнаты была отделена занавеской. В центре комнаты на циновке лежала подушка для сидения.

— Я только вернулась. Извините, что заставляю ждать.

Кирико уже переоделась в кимоно. Расцветка яркая, но покрой самый обычный.

Она поставила бутылку виски и стаканы.

— К сожалению, у меня ничего нет. Вот выпейте,— сказала девушка адвокату.

В этот вечер Кирико казалась очень взрослой. Может быть, из-за того, что переоделась в кимоно. К тому же она против обыкновения подкрасилась.

— Не утруждайте себя, пожалуйста,— сказал Оцука, не глядя на нее.— Вы ведь дадите мне зажигалку? И скажете, что Митико невиновна?

— Скажу, раз обещала. И зажигалку дам. Но если я это сделаю, вы тут же уйдете. Побудьте еще немного со мной.

Кирико никогда еще не говорила с адвокатом таким тоном. Она неотрывно смотрела на него каким-то влажным взором.

— Сэнсэй, угощайтесь. Не волнуйтесь, отравы здесь нет.

В манерах ее уже чувствовался опыт, приобретенный за время работы в барах. Оцука не стал противиться. У девушки был сильный характер. Не хотелось перечить ей. Оцука смирился и поднес стакан к губам. Неразбавленное виски обожгло язык.

— Сэнсэй, выпейте как следует!— сказала Кирико. Сидя рядом с адвокатом, она привалилась к нему.

— Наверно, там стоит машина и ждет вас, чтобы ехать обратно. Так что все будет в порядке. Мне хочется вас напоить.

— Зажигалку!— взмолился адвокат.— Дайте зажигалку!

— Дам, если не будете спешить. Я хочу, чтобы вы хоть ненадолго задержались у меня. Выпейте еще рюмочку.

— Довольно,— Оцука перевел дух.— Разрешите мне идти. Отдайте зажигалку.

— Ах, так нельзя,— засмеялась Кирико.— Нельзя все время твердить «зажигалку», «зажигалку»! Ну ладно, выпейте еще рюмочку и идите. Будь по-вашему. Когда станете уходить, я положу зажигалку вам в карман.

Оцука собрался с духом и выпил еще. Виски было крепкое, он не привык пить так много.

— Зажигалку!— Оцука протянул руку.

— Какой вы быстрый, сэнсэй.— Ярko накрашенные губы Кирико оказались совсем рядом. У адвоката внутри все горело.

— Сэнсэй!— девушка обняла его. Оцука почувствовал, что она тащит его к занавеске, той самой занавеске, которая бросилась ему в глаза, как только он вошел в комнату. Там была постель...

Оцука от удивления вытаращил глаза. Постель как будто нарочно была приготовлена для него.

— Что вы делаете?

— Вам не нравится, сэнсэй?— Кирико прижалась к нему и опрокинула его на постель. Затем сжала в объятиях.

— Что... что вы делаете? За... зажигалку!— крикнул Оцука.

— Я сказала, что дам зажигалку. Но перед этим послушайте меня!

— Что?

— Вы мне нравитесь, сэнсэй,— Кирико уложила Оцуку и принялась пылко целовать его в губы, целовать нос, глаза, щеки.

— Сэнсэй, вы нравитесь мне. Извините, что говорила с вами так озлобленно. Вы нравитесь мне, и я хотела вас помучить. Понимаете?— сказала она, покусывая ему мочку уха.

С Оцуки градом катился пот. Он пытался оттолкнуть Кирико, но у него не оставалось сил. Он медленно протя-

нул руки к девушке и впал в какое-то бессознательное состояние, как после тяжелой, изнурительной борьбы.

В этот момент Кирико затрясло. Но она даже не попыталась отстраниться от Оцуки. Просто в голове у нее на мгновение пронесся образ Кэйити Абэ.

На следующий день Кирико направила следователю письмо с такими показаниями.

«В последнее время адвокат Оцука докучал мне своими посещениями и просьбами засвидетельствовать невиновность Митико Коно. Из-за этого мне пришлось оставить работу в баре «Кайсо», принадлежащем сестре убитого Сугиуры, и перейти в другое место. Однако адвокат Оцука появился и там. Он стал приходить каждый вечер в позднее время и провожать меня домой, требуя засвидетельствовать невиновность Митико Коно. Он просил сказать, что я была на месте преступления вместе с Митико и что Сугиура был убит прежде, чем Митико появилась там. Кроме того, он говорил, что я взяла с места преступления и спрятала зажигалку, принадлежащую преступнику, и просил отдать ее, как свидетельство невиновности Митико. Я уже заявляла в ответ на вопросы господина следователя, что мне не приходилось бывать в том доме. Откуда мне знать, где находится место свиданий Митико и Кэндзи. Несмотря на это адвокат Оцука настаивал, чтобы я сказала в суде, как он велит, поскольку в этом случае Митико объявят невиновной. Иными словами, он требовал, чтобы я сказала, будто была в доме, о котором я и слыхом не слыхивала, встречалась с Митико-сан, которую никогда в жизни не видела, и чтобы я полностью подтвердила ее показания. Адвокат Оцука явно склонял меня к даче ложных показаний. Я отказывалась. Оцука-сан приходил снова и снова и поджидал меня, чтобы проводить домой. Я стала бояться его. Но дать ложные показания не могла и отвечала ему решительным отказом.

Желая помочь своей возлюбленной, Оцука настойчиво преследовал меня. Вчера вечером он в конце концов довел меня до дома. Как я ни отказы-

валась, он все продолжал настаивать. Наконец, он ворвался ко мне домой, где продолжал повторять то же самое и требовать, чтобы я дала ложные показания. Был уже первый час ночи.

Но я и тут продолжала отказывать ему. И что же в результате? Оцука-сан силой затащил меня в постель и овладел мною. Он, видимо, полагал, что таким путем добьется нужных ему показаний. Я сопротивлялась изо всех сил, но он все-таки обесчестил меня.

Я обращаюсь к вам не потому, что требую правосудия, хотя, конечно, это позорное пятно не смыть уже никогда. Вы должны знать, что он пошел даже на это, чтобы добиться ложных показаний. Такова низость адвоката Оцуки. У меня вызывают отвращение подлые действия этого адвоката, который, пытаясь получить ложные показания, пошел даже на то, чтобы своротить свидетельницу! Разве можно допустить, чтобы такой адвокат занимался юридической практикой.

Я готова пойти на то, чтобы открыто заявить о своем позоре, дабы сорвать маску с этого respectable человека. Прошу вас принять мое заявление».

Следователь пригласил адвоката Оцуку и неофициально ознакомил его с письмом Кирико Янагиды.

Оцука почувствовал, что сейчас его хватит удар.

— Ну что? Так все и было? — спросил следователь адвоката.

— ...

У Оцуки не хватило смелости возражать. Он понял, как жестоко отомстила ему девушка. Но опровергнуть содержание письма он не мог. Кирико говорила правду: она была прежде невинна. Это обстоятельство делало адвоката уязвимым.

Оцука мог бы сказать следователю, что инициатива принадлежала Кирико. Но он был заинтересованной стороной. У него не было никаких доказательств, чтобы опровергнуть утверждение Кирико.

И когда следователь ознакомил его с письмом Кирико, адвокат не стал ни отрицать, ни подтверждать того, что там было сказано. Какая-то странная улыбка заиграла на его побледневшем лице.

Вынуждать свидетеля к даче ложных показаний — это самое страшное бесчестие, какое только возможно для адвоката. Это означало полный крах.

Оцука подал в отставку со всех своих должностей и вообще оставил адвокатскую деятельность. Он сделал это по своей воле, но те, кто не знал тайной подоплеки событий, не сомневались: уважаемый адвокат был вынужден поступить так в результате совершенной им ошибки.

Оцука обрек себя на добровольное изгнание, более мучительное, чем тюремное заключение Митико.

Кирико исчезла из Токио.

Содержание

<i>В. Цветов. Предисловие .....</i>	<i>5</i>
<i>ЭДОГАВА РАМПО. Чудовище во мраке. Перевод Т. Редько-Доб- ровольской .....</i>	<i>13</i>
<i>СЭЙТЁ МАЦУМОТО. Флаг в тумане. Перевод Г. Свиридова .....</i>	<i>93</i>

Ч 84 Чудовище во мраке: Японские детективные повести: Пер. с яп./Предисл. В. Цветова.— М.: Худож. лит., 1990.— 239 с.

ISBN 5-280-02367-1

В книгу входят две японские детективные повести: «Чудовище во мраке» Эдогава Рампо и «Флаг в тумане» Сэйтё Мацумото.

ч $\frac{4703020100-461}{028(01)-90}$ без объявл.

ББК 84.5Я

ЧУДОВИЩЕ ВО МРАКЕ

Японские детективные повести

Редактор Н. Попова

Художественный редактор А. Моисеев

Технический редактор А. Кашафутдинова

Корректор И. Филатова

ИБ № 6990

Подписано в печать с готовых пленок 14.11.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 13,16. Тираж 300 000 экз. Изд. № VIII-4284. Заказ № 1607. Цена 6 р. 70 к.

Издание подготовлено издательством «Художественная литература» и издано при участии «Банксервис Инко».

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валовая, 28

Бывший любовник г-жи Сидзуко Коямады, некий Итиро Хирату, становится известным писателем Сюндзём Оэ. Разыскав г-жу Сидзуко через несколько лет после замужества, он начинает мстить за отвергнутую любовь... Посылает женщине угрожающие письма с точным описанием каждого ее шага в ее собственном доме. Как он может знать, что происходит в комнате, куда не в силах проникнуть ничто живое?.. Чудовище во мраке предупреждает г-жу Сидзуко о своем намерении убить ее мужа. Через несколько дней труп Коямады находят в реке. Несчастный случай? А может быть, известный писатель Сюндзэй Оэ, которого никто и никогда не видел в лицо, на самом деле г-жа Сидзуко Коямада, которой надоел стареющий муж, — быть может она совершила убийство?

